

ISSN 2541-8351

Том 7, № 1–2, 2023

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Специальный номер

Города как пространства оспаривания

Конфликты в городской политике

*Социально-экономическая трансформация
городских сред*

Современные дискуссии о наследии А. Грамши

Кибернетический контроль в автократиях

Public Policy

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Том 7, № 1–2, 2023

ISSN 2541-8351

Города как пространства оспаривания

Учредитель: Межрегиональная общественная организация
«Гуманитарно-политологический центр "Стратегия"»

Главный редактор: Сунгуров А.Ю.
Редакция: Акопов С.В., Балаян А.А.
(ответственный секретарь),
Тульчинский Г.Л., Щербак А.Н.

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., 25/14, оф. 409
Телефон/факс: (812) 712-66-12,
e-mail: publicpolicyeditor@gmail.com
Электронная версия: <http://center-strategy.com>
ISSN 2541-8351

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65767 от 27 мая 2016 г.
Подписано в печать 14.06.2024 г.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 9,75.
Тираж 500 экз. Заказ 23821.
ООО «Типография АРСИ».
192236, Санкт-Петербург, ул. Б. Куна, д. 32.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

- Акопов С.В.** Доктор политических наук, исследовательская позиция им. Вальтера Беньямина в Свободном университете Берлина
- Балаян А.А.** Кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ (ответственный секретарь)
- Малинова О.Ю.** Доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН
- Морозова Е.В.** Доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, г. Краснодар
- Никовская Л.И.** Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, Москва
- Попова О.В.** Доктор политических наук, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ
- Сморгунов Л.В.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой политического управления СПбГУ
- Сунгуров А.Ю.** Доктор политических наук, президент Межрегионального гуманитарно-политологического центра «Стратегия», профессор департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ, главный редактор
- Тимофеева Л.Н.** Доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, председатель правления РАПН
- Томин Л. В.** Кандидат политических наук, доцент кафедры политического управления факультета политологии СПбГУ
- Тульчинский Г.Л.** Доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента государственного администрирования СПб филиала НИУ ВШЭ
- Щербак А.Н.** Кандидат политических наук, доцент, руководитель департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ

EDITORIAL BOARD

- Akopov S.V.** Doctor of Political Sciences, research position named after Walter Benjamin at the Free University of Berlin
- Balayan A.A.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg (executive secretary)
- Malinova O.Y.** Doctor of Philosophy, Professor of Higher School of Economics National Research University, Chief Researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences INION RAN
- Morozova E.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar
- Nikovskaya L.I.** Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow
- Popova O.V.** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Political Institutions and Applied Political Science Department, St. Petersburg State University
- Smorgunov L.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of Political Governance Department, St. Petersburg State University
- Sungurov A.Y.** Doctor of Political Sciences, President of the St. Petersburg Humanitarian and Political Center "Strategy", Professor, Department of Political Science and International Affairs, Chief Editor
- Timofeeva L.N.** Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Political Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chair of the Board of the RAPN
- Tomin L.V.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Management, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University
- Tulchinskii G.L.** Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Worker of Science of Russian Federation, Professor, Department of Public Administration, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Shcherbak A.N.** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Political Science and International Affairs Department, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

- Бальцер Х.** Почетный профессор, Джорджтаунский университет, США
- Ильин М.В.** Доктор политических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО(У), руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, Москва
- Гаман-Голутвина О.В.** Доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, президент РАПН
- Колебач Х.** Школа социальных наук и международных исследований, Университет Нового Южного Уэльса, экс-председатель Исследовательского комитета по публичной политике и администрации Международной ассоциации политической науки, Австралия
- Крастев И.** Директор софийского Центра либеральных стратегий, София, Болгария
- Кук Л.** Профессор Brown University, USA
- Петерссон Б.** Профессор Университета Мальме, Швеция
- Серме Л.** Профессор Института политических исследований в Экс-Провансе (SciencesPoAix), Франция
- Соловьев А.И.** Доктор политических наук, заведующий кафедрой политического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель редакционно-издательского совета РАПН
- Стародубцев А.В.** Кандидат политических наук, доцент департамента политологии и международных отношений СПб филиала НИУ ВШЭ
- Чернышов Ю.Г.** Доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского госуниверситета, директор Алтайской школы политических исследований, Барнаул
- Якимец В.Н.** Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, профессор РАНХиГС, Москва

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Baltzer H.** Doctor of Political Sciences, Professor Emeritus, Georgetown University
- Ilyin M.V.** Doctor of Political Sciences, Tenured Professor, Higher School of Economics National Research University, Professor at MGIMO, Head of the Centre for Advanced Methodologies in Social Sciences and Humanities, INION RAN
- Goman-Golutvina O.V.** Doctor of Political Sciences, Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations. President of the RAPN
- Kolebach H.** Doctor of Political Sciences, Honorary Professor, School of social sciences and international research UNSW, Sydney, Ex-Chair, Research Committee on Public Policy and Administration, International Political Science Association Australia
- Krastev I.** Chair of the Center for liberal Strategies in Sofia, Sofia, Bulgaria
- Cook L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Brown University, USA
- Peterson B.** Doctor of Political Sciences, professor of the university of Malmö, Sweden
- Serma L.** Doctor of Political Sciences, Professor of Institute of Political Researches in Ex-Provence, France
- Solovyov A.I.** Doctor of Political Sciences, Head of Political Analysis Department, Lomonosov Moscow State University, Chair of the Editorial and Publishing Council of the RAPN
- Starodubtsev A.V.** Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and International Affairs, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg
- Chernyshov E.G.** Doctor of Historical Sciences, Head of General History and international relations Department, Altai state university
- Yakimets N.Y.** Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of Institute of Problems of Information transfer, Russian Academy of Sciences, Moscow

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	7
-------------------	---

СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА

<i>Скалабан И.А., Лобанов Ю.С.</i>	Связанные конфликты и городское гражданство. Как конструируется и поддерживается городская конфликтная повестка	8
<i>Евстифеев Р.В.</i>	Городские локальные идентичности в мире и в России: неосязаемые и неосвоенные ресурсы публичной политики.....	32
<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i>	Депотенцирование городского политического пространства в контексте конфликтологической парадигмы (на материалах города Твери)	47
<i>Григорьев Н.А.</i>	Формирование институционального управления регионами Дальнего Востока России	72

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

<i>Кулаев М.А.</i>	Организационная теория в современном грамшианстве	85
<i>Балаян А.А., Томин Л.В.</i>	Политические эффекты государственных цифровых платформ и сервисов в автократиях	108

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляемый читателям номер в основном посвящен проблемам, которые обсуждались на прошедшей 19–21 октября 2023 г. Двенадцатой международной научной конференции цикла «Октябрьские чтения – 2023», которая на этот раз была посвящена междисциплинарной теме на стыке такого направления политической науки, как публичная политика, и социологии – «Города как пространство оспаривания».

Таким образом, организаторами конференции была продолжена фокусировка на междисциплинарные темы. Напомним, что темой Одиннадцатой конференции «Октябрьские чтения – 2022», материалам которой был посвящен второй выпуск нашего журнала за 2022 г., была «Право и политическая наука: методы, проблемное поле и области пересечения в изучении политических режимов».

Открывает этот номер статья И.А. Скалабан и Ю.С. Лобанова «Связанные конфликты и городское гражданство. Как конструируется и поддерживается городская конфликтная повестка», которая основана на выступлении И.А. Скалабан на первом пленарном заседании конференции. В этой статье сформулированы многие основные положения, обсуждавшиеся в ходе конференции.

Тема городских конфликтов органично развивается в статье Р.В. Евстифеева, посвященной городским и локальным идентичностям. В следующей статье наших тверских коллег и также участников Двенадцатых «Октябрьских чтений» Н.Н. Козловой и С.В. Рассадина раскрывается тема городских конфликтов в динамике развития города Твери, начиная с начала 1990-х гг. В этом тексте нашли отражение преимущественно политические конфликты между различными властными структурами. Наконец, в статье нашего якутского коллеги Н.А. Григорьева «Формирование институционального управления регионами Дальнего Востока России», материалы которой были также доложены на октябрьской конференции, нашли отражение непростые процессы развития отдаленных регионов нашей страны.

Содержание этого номера не ограничивается текстами участников «Октябрьских чтений». В рамках традиционного для журнала раздела «Политическая теория и философия» читатель найдет интересный текст преподавателя СПбГУ М.А. Кулаева, посвященный перспективам применения организационной теории в современном грамшианстве, а также статью наших традиционных авторов А.А. Балаяна и Л.В. Томина о политических эффектах государственных цифровых платформ и сервисов в автократических режимах.

А.Ю. Сунгуров, главный редактор

Скалабан Ирина, Лобанов Юрий

Связанные конфликты и городское гражданство. Как конструируется и поддерживается городская конфликтная повестка*

Скалабан

Ирина Анатольевна –

*Новосибирский государственный
технический университет.
Научный руководитель Лаборатории
городских исследований Института
социальных технологий
Новосибирского государственного
технического университета,
профессор кафедры социальной
работы и социальной антропологии,
доктор социологических наук,
г. Новосибирск, Россия*

*Для связи с автором:
skalaban@corp.nstu.ru*

Лобанов

Юрий Сергеевич –

*научный сотрудник
Лаборатории городских
исследований Института*

Аннотация

В статье предложена попытка развития нового подхода к пониманию городского конфликта. Конфликт рассматривается как сложный процесс, обладающий характеристиками связанности. Многообразные связи с другими конфликтами, формируемые через «стратегических акторов», обеспечивают их участников дополнительными ресурсами, что оказывает влияние на интенсивность и драматургию их протекания.

Ключевые слова: городской конфликт, связь, стратегический актор, стратегическое поле, перенос, сообщество, городское гражданство.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

социальных технологий
Новосибирского государственного
технического университета,
кандидат философских наук,
г. Новосибирск, Россия

Для связи с автором:
lobanov-y@mail.ru

Для цитирования:

Скалабан И.А., Лобанов Ю.С.
Связанные конфликты и городское
гражданство. Как конструируется
и поддерживается городская
конфликтная повестка //
Публичная политика. 2023.
Т. 7. № 1–2. DOI: 10.31856/2541-
8351_2023_7_1–2_8

Skalaban Irina, Lobanov Yuri

Related conflicts and urban citizenship. How the urban conflict agenda is designed and maintained

Skalaban Irina A. –

*Novosibirsk State Technical University.
Scientific director of the Laboratory
of Urban Research, Institute of Social
Technologies, Novosibirsk State
Technical University,
Professor of the Department of Social
Work and Social Anthropology,
Doctor of Sociological Sciences,
Novosibirsk, Russia*

*To contact the author:
skalaban@corp.nstu.ru*

Lobanov Yuri S. –

*Researcher, Laboratory of Urban
Research, Institute of Social
Technologies, Novosibirsk State
Technical University, Candidate of
Philosophical Sciences,
Novosibirsk, Russia*

*To contact the author:
lobanov-y@mail.ru*

Abstract

The article offers an attempt to develop a new approach to understanding urban conflict. Conflict is considered as a complex process with the characteristics of connectedness. Diverse connections with other conflicts, formed through “strategic actors”, also provide their participants with additional resources, which affects the intensity and drama of their course.

Keywords: urban conflict, communication, strategic actor, strategic field, transference, community, urban citizenship.

Важным источником формирования текущей городской гражданской повестки выступают многочисленные публичные конфликты, которыми полон современный город. Меняясь, в зависимости от обстоятельств и драматургии, соотношение между легитимными и нелегитимными формами репрезентации, их количество имеет тенденцию к нелинейному росту.

К примеру, если с 2000 по 2012 г. по запросу «городской конфликт» система мониторинга сообщений в СМИ Scan Interfax фиксировала в России с незначительными колебаниями в среднем 30–60 сообщений в год, то с конца 2012 г. произошел резкий всплеск числа публикаций о публичной конфликтной активности: достигнув в 2013 г. 150 публикаций. В 2012–2013 гг. темпы роста сообщений о городских конфликтах почти в два-три раза опережали общий рост числа публикаций в российских СМИ. Аналогичная тенденция скачкообразного роста числа публикаций наблюдалась в этот период и по другим запросам, семантически связанным с проблематикой городских конфликтов («митинг», «пикет», «точечная застройка»), массив которых был предварительно очищен от событий «негородской» повестки (прежде всего политических акций протеста). Рост удельного веса «конфликтных» публикаций по отдельным запросам будет еще более значителен, если обратиться не ко всем медиаисточникам, а только к региональным СМИ. Частота упоминаний по запросу «городской конфликт» за год выросла почти в пять раз.

В последующие годы число публикаций о городских конфликтах в информационном потоке медиа продолжала расти. Его темпы примерно соответствовали темпам роста общего числа публикаций в российских СМИ, неравномерно увеличиваясь в среднем на 25 % в год и достигнув к 2021 г. 469 публикаций. В динамике публикационной активности наблюдаются периоды заметного ускорения и замедления роста. Лишь в последние три года число упоминаний по ключевым словам «городской конфликт» и смежным с ними понятиям несколько снизилось. Возможно, это связано с ковидными и постковидными ограничениями активности и изменением медиаповестки вместе с изменившимся внешнеполитическим фоном.

Современный городской конфликт не существует вне медиа и без внимания медиа. Однако на рост числа публикаций влияют и иные факторы, связанные с собственно с городским развитием – усложнением городских систем, их социально-пространственной дифференциации и одновременно сопряженностью элементов, функций города и пригородных пространств при сохранении социального и пространственного неравенства, усилении пространственной городской сегрегации. В таких условиях усиление интенсивности взаимодействия между акторами городских отношений объективно способствует росту частоты возникающих противоречий, особенно в ситуациях обострения перманентной конкуренции социальных и политических групп за

интересы и контроль над городскими ресурсами, принципами и правилами их распределения. Несмотря на то что эта конкуренция часто носит завуалированный для общественности характер, она может «прорываться» в городскую публичную повестку ненамеренно, либо с целью конфликтной мобилизации, либо для публичного давления на оппонентов. Свою роль в процессе интенсификации городских конфликтов играет и наблюдаемое в последние годы «выдавливание» конфликтной повестки с федерального на региональный – а чаще муниципальный – уровень.

Влияет на частоту репрезентации конфликтов в СМИ и изменение информационного пространства города. Существенное влияние на это оказывает наблюдаемое сегодня размывание границ между публичным и частным пространством, происходящее под влиянием социальных сетей. Описываемая в них событийность способствует легкости «опубликования» конфликтной повестки, ранее разворачивающейся в пространстве повседневности. Этому способствует принцип партиципации, лежащий в основе работы социальных медиа, согласно которому процесс коммуникации осуществляется при равном участии пользователей и медийных институтов [Вартанова 1999: 77]. Наиболее наглядно влияние отмеченных выше процессов показал З. Бауман. Общественные отношения постмодерна, заметил он, характеризуются фрагментарностью и прерывностью, узостью охвата целей и поверхностностью. В условиях, когда «публичный интерес» деградирует до любопытства, а «общественные проблемы» вне подобной редукции становятся непонятными, «общественное колонизируется частным» [Бауман 2005: 61–62].

Однако появление новых инструментов влияния на городские процессы запускает и обратные процессы. Конструирование новой среды коммуникации способствует актуализации такого явления, как городское гражданство со свойственным ему правом на участие в силу постепенного освоения горожанами ролей пользователей городских пространств и собственников жилья.

Реализация права на гражданское участие в эпоху постмодерна переживает трудные времена. Определение его текущего состояния через категории «понижения гражданской активности» Джеффри Александер назвал «дискурсом упадка» [Александер 2009: 14], заметив, что утверждения об ослаблении активности в истории гражданского общества периодически повторяются. Альтернативная точка зрения: в условиях кризиса модернистских и актуализации постмодернистских норм и ценностей происходит рост социальной и гражданской солидарности – не столько сокращение, сколько изменение репертуара гражданского и политического участия [Norris 2002; A new engagement... 2006].

В условиях современного города этот репертуар чаще выражается в компаниях по конкретному поводу, а в случаях обид и недовольства может

способствовать в равной степени как разъединению, так и объединению горожан. Поэтому общую оценку перспектив участия граждан эпохи постмодерна З. Бауман сформулировал следующим образом: «Кости раздора не составляют единого скелета, на котором могло бы нарасти неразобщенное и долгосрочное совместное участие» [Бауман 1995: 146].

В этих условиях, исключая отдельные взрывы солидарного действия, общественное участие горожан, в том числе его гражданская компонента, становится неустойчивым и непродолжительным. В такую логику легче укладываются короткие проекты с отрицательными целями, ориентированные на отказ или недопущение изменений в сферах, где пересекаются интересы отдельных групп горожан или их интересы сталкиваются с интересами бизнеса или органов власти. Поэтому современная городская гражданская повестка во многом конституируется из конфликтов городского, локального, даже соседского типа. И чем интенсивнее становятся изменения, тем чаще возникает ситуация конфликта, выраженная в массовых жалобах в вышестоящие органы власти, лоббировании интересов отдельных групп горожан, легитимных и нелегитимных протестах разных форм проявления. Конфликт выступает способом декларирования интересов горожанина, инструментом его включения в гражданские практики, запускает процессы самоорганизации в городской среде, становится механизмом повышения гражданской компетентности горожан.

Определенный вектор в исследовании обозначенных выше процессов был заложен еще Чикагской социологической школой. С позиции ее создательниц плотность и неоднородность создает сам город. Несмотря на то что социальный конфликт не был самостоятельным объектом их изучения, социологи уделяли много внимания исследованию процессов участия горожан в изменениях городской среды с целью установления общественного контроля в городских сообществах и поиска консенсуса [Парк, Томас 2015: 56; Axelrod 1956: 14]. В 1920-е гг. исследователи отмечали, что городской житель выражает себя и приобретает власть преимущественно через формальные организованные группы. Они дают возможность самореализации, приобретения статуса в условиях монотонности городской жизни, слабости, сложности, изменчивости взаимосвязей и крайне ограниченной возможности контроля различных сторон своей жизни в городской среде. Но, аккумулируя множество дискретных целей и ресурсов граждан для достижения коллективных целей конвенциональными или конфликтными методами, добровольные организации одновременно осуществляют и социальный контроль, что ставит под сомнение реальность самоуправления в политической, экономической или культурной сфере, сводимую в лучшем случае к нестабильному равновесию между группами давления. Однако, к примеру, Л. Вирт скептически относился

к потенциалу добровольных ассоциаций как к инструменту преодоления фундаментальных проблем проживания индивида в городской среде – в частности, к способности преодолеть пассивность индивидов. По его мнению, они не гарантируют внутренней устойчивости и цельности личностей, чьи интересы выражают. Те, кто манипулирует лидерами и символами этих групп, замечал он, и есть действительные правители города [Вирт 2005: 107].

Так же как и в эпоху, изучаемую социологами Чикагской школы, современное социальное пространство города наполнено различными формами общественных ассоциаций, прочно встроенных в структуры городских отношений. Однако конфликтное пространство города характеризуется множественностью предметов и акторов конфликтов, «культур и систем ценностей, разделяемых сообществами или группами людей» [Болтански, Тевено 2013: 79], устойчивостью и одновременно подвижностью организационных структур. Не добровольные ассоциации, а неформальные группы сегодня обеспечивают легкость манифестации городского конфликта, расширения или перехода между сферами конфликтности, изменения его предметных, социальных и территориальных границ.

Это трансформирует логику городского гражданства, проявляющую себя в условиях, когда в городе сформирована широкая коммуникативная среда, которая расширяет возможности достижения, но и усиливает социально-пространственную, поколенческую сегментацию [Бодрийяр 2000: 145] его жителей.

Фрагментированность социальной структуры современного города и подвижность связей проявляют себя в ситуациях конфликтов, формируя новые городские гражданские практики. Они возникают, с одной стороны, из коротких, спонтанных, часто эмоциональных реакций на проблему, а с другой – из устойчивых сообществ оборонительного типа, объединяющих активных жителей одной территории (например, жилого комплекса, горожан, живущих неподалеку от зеленой зоны, в сохранении которой они заинтересованы) или единой сферы интересов (к примеру, сохранение культурного наследия города). Устойчивые практики конфликтования открывают возможности формирования новых связей между гражданскими группами, сообществами горожан, вовлеченных в конфликты с похожей повесткой (например, сопротивление строительству мусорных полигонов или перерабатывающих комплексов в разных локациях городской агломерации).

Таким образом, смешение и взаимное проникновение политического, гражданского и социального дискурсов восприятия и интерпретации городских процессов при одновременном расширении сферы публичного приводит к переописанию современных и прошлых практик, изменению их смыслов, открывает возможности для использования социальных практик

в гражданских целях. В ситуациях конфликтов участие осуществляется в большей неопределенности, несовпадениях ожиданий и смыслов и, как следствие, создает условия для формирования и поляризации групп по новым основаниям, стимулирует возникновение новых конфликтов городской повестки, часто символического (ценностного) характера. Однако городской конфликт обладает мощным потенциалом к солидаризации разных групп горожан. Значимое место в этом процессе занимает установление связей между акторами конфликтов, включая гражданские конфликтные группы.

Однако широта обозначенных процессов, проявляющих себя на разных уровнях, от межэлитных до локальных соседских противоречий, требует уточнения самого понятия «городской конфликт». Трудно не согласиться с метким замечанием Дж. Хамфрис и Д. Уолмсли: конфликты квалифицируются как городские не потому, что они происходят в городе, а потому, что они касаются города [Humphreys, Walmsley 1991].

Пожалуй, самый универсальный признак городского конфликта – когда его темой является городская среда [Villeneuve et al. 2009]. Разность его интерпретаций исследователями часто зависит от понимания сущности городской среды: либо как инфраструктурной пространственно идентифицируемой среды, либо как совокупности сред, включающих в себя в широком смысле не только городскую инфраструктуру и общественные услуги, но и социальное пространство и порядок городских отношений. Перспективным видится характеристика городского конфликта Матье Пеллетье и Кэтрин Трюдель: «...конфронтация, включающая тупиковые ситуации при принятии решений и действующих лиц с расходящимися интересами в отношении городского пространства, которое утратило свою прежнюю функцию, но все еще таит в себе историческую и социальную символику» [Pelletier, Trudelle 2016]. Чтобы приобрести статус «городского», конфликт должен стать выше личных интересов и достаточно масштабным (локальным или городским), чтобы «(1) оправдать участие действующих лиц, независимо от градации используемых ими средств действия (обсуждение, переговоры, угрозы, демонстрация, судебный иск и т. д.) и (2) стать предметом общественных дебатов» [Oliver, Myers 1999]. Для этого в конкретной локальной ситуации должна быть обнаружена и манифестирована потенциальная или актуальная *общественно значимая* проблема (например, угроза сноса важного для горожан объекта), либо проблема должна быть переформулирована в таковую (например, принудительный снос дома и неудовлетворенного размером компенсационной выплаты горожанина как нарушение городскими органами власти права на жилье горожан в целом). Проблема формулируется как существенная

угроза общественному благу для той или иной группы горожан (строительство транспортной платформы электрички недалеко от университета как угроза выполняющему рекреационные функции лесу и риск последующего расширения застройки в связи с новыми транспортными возможностями).

Такая постановка проблемы акторами требует ресурсной поддержки и выстраивания связей текущих конфликтов и новых акторов, изначально не вовлеченных в них. В ситуации публичного городского конфликта группы/сообщества горожан могут самостоятельно выступать акторами городского конфликта или могут обращаться за поддержкой к сообществам – актерам бывших или текущих конфликтов. В первом случае вероятность успеха гражданских групп горожан во многом зависит от того, станут ли они стратегически игроками, то есть будут ли готовы действовать в таких порядках социального действия, которые в терминологии Нила Флигстина и Дага Макадама могут быть определены как поля стратегического действия – сконструированные социальные порядки, в которых акторы взаимодействуют друг с другом на основе общих (но не обязательно консенсусных) пониманий о предназначении поля, распределении в нем власти, отношениях и правилах взаимодействия). Конфликты могут разворачиваться внутри уже существующих полей (например, действующая организационная и нормативная система защиты культурного наследия в городской среде, комплексного развития территорий), или сами поля могут создаваться конфликтом (например, конфликты точечной застройки).

В пределах одного такого поля стратегические акторы ради достижения позиции доминирующих групп и своих целей стремятся к поддержанию общих социальных миров, контролю над процессом конфликтования. Они могут проявлять готовность к кооперации с потенциальными союзниками, созданию идентичностей и коалиций на аренах конфликта, тем самым определяя, а по мере вовлечения иных акторов и переопределяя границы поля. Например, границы поля могут расширяться за счет включения в него новых групп горожан, также столкнувшихся с перспективой негативных последствий иницируемого проекта, или за счет поддержки инвесторов крупного инфраструктурного проекта со стороны федеральных структур. Границы могут сужаться, к примеру, за счет отказа от продолжения участия в конфликте со стороны соседнего местного сообщества, чьи представители договорились о компенсации «неудобств» с девелоперами – инициаторами проекта изменений. «Выработка подобных договоренностей и обеспечение их исполнения требует от стратегического актора способности мыслить широко, не замыкаясь на своих обстоятельствах, умения принять роль другого и приложить усилия к созданию общих миров и идентичностей» [Jaspeg цит. по Флигстин, Макадам 2022: 72]. Соответственно, и демаркация границ между городским

и негородским конфликтом для исследователей может осуществляться как по составу его публичных акторов, так и по тем нормативно определенным, легитимным или нелегитимным порядкам, практикам конфликтования в городской среде, способным обеспечить его протекание.

В западной исследовательской традиции городского мониторинга конфликтности часто ставится знак равенства между городским конфликтом и городским протестом, хотя упоминаемые в эмпирических исследованиях их разработчиками практики конфликтования де-факто существенно шире. В российской традиции в фокус внимания чаще попадают собственно акторы городского конфликта, их интересы и позиции в контексте имеющих территориальных и социально-пространственных характеристик городской среды. Например, городской конфликт определяется как столкновение интересов различных акторов, действующих в рамках городского общества, в его социальном пространстве [Глухова, Кольба, Соколов 2018: 6; Соколов, Абрамовский 2020]; как разворачивающийся по поводу городского пространства и получивший внешнее выражение [Медведев 2017]; где игроки вступают в противоречие с озвученными планами и требованиями других игроков [Желнина, Тыканова 2021: 207]. Акцент делается на связь акторов конфликтов с городом («пользователи города»), городской повесткой и характером публичной манифестации.

В традицию определять конфликт как процесс, вписанный в общий городской контекст, уже заложено понимание конфликта как явления, имеющего многообразные связи с городскими акторами, обстоятельствами и ситуациями. Многообразие этих связей создает исследовательскую необходимость взглянуть на многие городские конфликты как на сложное явление, а не на диадическое гражданское противостояние инициаторов изменений в городской среде и инициаторов конфликта, сопротивляющихся изменениям. Более того, связь между конфликтами и их структурными элементами и есть значимый признак их сложности. Связь усиливает вовлеченность в конфликт на разных его этапах. При этом связи вовлеченных в конфликт могут определяться одновременно как фрагментированные [Cunningham, Bakke, Seymour 2012] и как взаимосвязанные, взаимовлияющие друг на друга за счет временных альянсов, социальных коалиций [Lamb, Gregg 2018], определяя тем самым перспективы его исхода. В отличие от международных конфликтов, на субнациональном уровне наблюдается большая непрозрачность таких связей [Lamb, Gregg 2018]. Если наличие связей игнорируется, то затруднено понимание ресурсной базы гражданского участия в условиях города, прогноз развития и исхода городских конфликтов.

С точки зрения авторов статьи, перспективной теоретической рамкой для анализа связей в городских конфликтах могут стать концепции прагматической социологии – в частности, теория социальных миров Л. Тевено и Л. Болтански и теория поля Н. Флигстина, Д. Макадама. К некоторым аспектам их теорий мы уже обращались выше. С точки зрения Л. Болтански и Л. Тевено, современное общество является сложно структурированным (*societe complexe*). Для него характерна «множественность общих принципов», что представляет собой трудность для достижения общего согласия [Болтански, Тевено 2013: 79], поскольку это общество состоит из разнородных институциональных подсистем – миров. Связанность миров и многообразие отношений между представителями миров в попытке достичь общего блага и надежных компромиссов – ключевое свойство сложного общества. Л. Болтански и Л. Тевено акцентируют внимание на связи между поведением акторов в конфликте и императивами справедливости, к которым они апеллируют, а также на связи между достижением общего блага и личными интересами. Не каждый публичный городской конфликт де-факто становится конфликтом по поводу общего блага, где подвергаются испытанию императивы справедливости. Часть конфликтов остается прагматичным оспариванием объекта в соответствии с интересами сторон. Однако конфликты, формирующиеся вокруг общественно значимых целей или «присвоенных» теми или иными акторами объектов, актуализируют ценность общественного блага, что усложняет конфликт. Здесь акторы, наряду с оспариванием «величия» участников (степени значимости социальных позиций), обращаются к заложенным в основание построения социальных иерархий принципам справедливости. Это усиливает гражданскую мотивацию участия горожан, актуализирует запрос на ресурсы, поддержку, одним из вариантов достижения которого может стать связанность с другими похожими конфликтами и их акторами, но одновременно и ставит под сомнение установившийся порядок.

Предложенное выше понимание городского конфликта в контексте концепции социальных миров Л. Болтански и Л. Тевено позволяет предположить, что риторика гражданского мира как таковая и является основной риторикой сложного городского конфликта, носителями каких бы социальных миров ни были его акторы и насколько бы они ни разделяли ее сами. Публичность повестки вынуждает их манифестировать свою «граждански оформленную», то есть манифестно-ориентированную на интересы города и горожан, версию общего блага, какой бы «добродетелью или же частными интересами и страстями» [Болтански, Тевено 2013: 185] она ни определялась. Но эта идея еще требует эмпирического подтверждения или опровержения.

Гражданский мир как арена и язык городского конфликта предъявляет и особые требования к ресурсам, в первую очередь со стороны тех, кто разделяет его ценности. И здесь вновь мы обращаемся к ценности связей. В этом контексте связь подразумевает объединение (умножение) конфликтов путем «переноса» «значений или силы» [Латур 2014: 151] – ресурсов (символических или материальных), чаще всего информации и социальных технологий из одного конфликта в другой. Усиление гражданской ресурсной базы меняет ход конфликта и привносит в него новые, изначально не существовавшие элементы – в частности, новые формы манифестации, технологии вовлечения сторонников, новые повестки, новые аргументы и способы обоснования справедливости. Обычно перенос осуществляется посредством связывающих акторов, из похожих по повестке конфликтов или через общественный резонанс текущего конфликта с последующей конфликтной мобилизацией. Акторами городского конфликта могут выступать индивиды, сообщества или институции. Перспективы развития городского конфликта во многом зависят от специфики развития властных и гражданских институтов в городской среде, характера внутри элитных отношений, степени интереса к конфликту внешних «негородских» игроков.

Связь может представлять и «технологическую» ценность для протекания конфликта. К. Трюдель и соавторы, исследующие городские конфликты Монреаля, указали на связанность как усиление многообразия связей и зависимостей как между элементами самого конфликта по мере нарастания его сложности, так и между конфликтами [Trudelle et al. 2015]. Под связанностью они понимают последовательность событий, связанных друг с другом и распределенных во времени и пространстве, а также союзы и коалиции, в том числе создаваемые через выстраивание сложных властных отношений между субъектами городских конфликтов в контексте стратегий, интересов и компромиссов. Условием существования «сети конфликтов» исследователи считают наличие по крайней мере двух взаимосвязанных конфликтов [Pelletier, Trudelle 2016]. Они выделяют два их вида: отраслевые и территориальные сети, объединяющие участников с широким спектром культурных идентичностей. Такие сети создают социальную среду, в которой действующие лица установили прочные связи как между гражданскими организациями, так и с организациями, которые не относятся ни к публичному, ни к социальному типу.

Наша гипотеза состоит том, что связи – акторные, предметные (по близким или пересекающимся повесткам), возможно локальные, тех городских конфликтов, между которыми они присутствуют, взаимно влияют на их параметры, драматургию и исход. Связь между конфликтами может быть обоюдной (конфликты взаимно определяют друг друга) и односторонней (один конфликт влияет на развитие другого).

Наиболее антагонистичные позиции в городских конфликтах занимают стратегические акторы (персоны, группы, организации, сообщества) – носители императивов справедливости гражданского мира (открыто презентуется) и мира рыночного (презентуется в манифестируемой ими повестке, но проговаривается в риторике гражданского мира – базовой или компромиссной по отношению к другим мирам) или комплиментарного гражданско-научно-технического мира, иначе – индустриального. Вне зависимости от того, носителями каких «миров» являются стратегические акторы, присутствует необходимость одобрения, поддержки их позиции публичными игроками городских арен или ослабления сопротивления оппонентов. Это побуждает их конструировать аргументацию в конфликтах преимущественно в риторике гражданского мира, вне зависимости от разделяемых ими императивов справедливости, и открывает перспективы поддержки конфликта акторами с близкими взглядами и интересами. С апелляцией к гражданскому миру конфликт приобретает новый статус: в нем оспаривается не только частная ситуация, но и ценности, этому миру присущие. Поэтому новые акторы стремятся отстаивать свои ценности вместе с инициаторами локального конфликта, рассматривая его как символически значимый.

Эмпирической базой для анализа стал массив данных, полученный коллективом авторов настоящей статьи в рамках реализуемого ими с 2021 г. проекта – «Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации» (ГБД). База содержит описание конфликтов с 2011 г. по настоящее время и насчитывает 477 кейсов городских конфликтов, включающих 1057 конфликтных событий и 74 относительно устойчивых сообществ горожан, вовлеченных в конфликты или возникших в ходе их протекания. Используемая исследовательская стратегия: анализ случая (кейс-стади). При отборе данных (контент-анализ) объектом исследовательского внимания стали все публично манифестируемые конфликты с городской повесткой, попавшие в СМИ (сплошная выборка), отчасти социальные сети, отобранные с использованием информационной системы мониторинга Скан-Интерфакс (Scan-interfax.ru) и системы анализа социальных сетей Popsters. Для анализа предполагаемых связей между конфликтами из отобранного массива данных выбирались кейсы с зафиксированным наличием связей акторов с акторами иных конфликтов. Дополнительно использовался метод полуструктурированного интервью лидеров конфликтных сообществ, ядра, периферии и экспертов, имеющих опыт наблюдения за ситуациями конфликтов (46 интервью).

Опыт анализа данных ГБД позволил обнаружить нетипичные отклонения части параметров протекания некоторых конфликтов от средних значений, которые нельзя объяснить, если рассматривать конфликт как изолированную ситуацию. Например, локальный конфликт противостояния промышленной

добыче песка рядом с небольшой по размеру жилой зоной на окраине города показывает уровень резонанса в СМИ и социальных сетях, сопоставимый с крупным конфликтом городского масштаба, вызванным сносом популярных для горожан объектов – Дом спорта и клуб «Отдых» – с целью использования земли под жилую застройку, в который были вовлечены тысячи горожан. Мы предположили, что это возможно при условии возникновения у акторов дополнительных внутренних и внешних ресурсов, которых нет в самом конфликте в его исходном состоянии – к примеру, когда конфликт не является изолированным. Анализ базы показал, что дополнительные ресурсы могут перенаправляться из одного конфликта в другой гражданскими стратегическими акторами, в случае если они имеют общие интересы, одни или близкие поля стратегических действий. Такими ресурсами, передаваемыми из конфликта в конфликт, в большинстве случаев являются знания и новые компетенции (консультации по предмету оспаривания или содействие в консультациях); персональная публичная поддержка лидером бывшего или настоящего конфликта или публичная поддержка позиции авторитетным гражданским активистом, экспертом; экспертиза или содействие в экспертизе; правовая поддержка, представительство и лоббирование при взаимодействии с органами исполнительной или судебной власти; доступ к структурам власти, объединение конфликтных групп в манифестировании общей повестки в ходе акций протеста и т. д. В ряде конфликтов зафиксирована и используемая их акторами помощь «людьми», в том числе в режиме квакерства. Однако со стороны стратегических акторов гражданского типа не зафиксирована такая помощь в ситуации текущего конфликта, где они выступают лидерами, а вовлеченные в него горожане приобретают особую ценность. Она, скорее, осуществляется в случае уже существующей аффилиации между общественником, имеющим опыт участия в городских конфликтах, и структурами бизнеса или органов власти при решении конкретной «проблемной ситуации».

Предположив, что конфликты связываются через стратегических акторов – постоянных участников городских конфликтов, мы обратились к анализу характера участия в конфликтах персон, наиболее часто в них упоминаемых, обозначив их как «постоянных участников». Их связь с конфликтами при анализе данных базы может быть обнаружена как по факту частоты упоминания актора – активного участника конфликта, – так и на основании совпадений иных общих для ряда конфликтов параметров: повестки, объекты защиты и прочее, – что указывает на неслучайность участия персоны в конфликте. Совпадение инициирования или присутствия в конфликтах персон – «постоянных участников» конфликтов – с рядом других параметров указывает на гипотетическую связанность конфликтов. Пример таких связей «через конфликт» был построен методом графов на основе имеющейся информационной базы и указан на рис. 1.

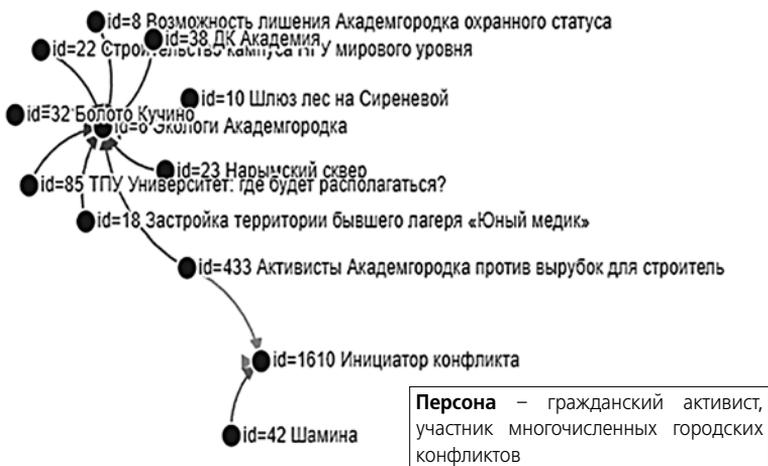

Рис. 1. Связи конфликтов по актору, их инициирующему

В ходе анализа данных базы нам удалось установить несколько типичных ситуаций связанности конфликтов, актуальность которых была подтверждена участниками конфликтов и наблюдателями в экспертных интервью. Анализ показал, что связи могут существовать не только между близкими по предписываемой роли и позиции участниками конфликтов, но и теми, кто традиционно воспринимается как антагонисты гражданских конфликтов.

Так, например, региональный стратегический актор (крупный предприниматель с политическим влиянием) начинает через своих помощников оказывать помощь местным жителям, которые борются за закрытие крупного и плохо организованного оптового рынка около своего жилого массива. Он оплачивает квалифицированных юристов, которые представляют интересы жителей, обеспечивает внимание дружественных ему СМИ к протесту. Он надеется, что торговцы с закрывшегося рынка перейдут работать на его рынок, который он пытается открыть в этом районе. Владельцы обоих рынков выводят конфликт в публичную плоскость через «черный PR» в дружественных СМИ, стремясь оттолкнуть симпатии городской общественности от оппонента и позиционировать его как источник проблемы в глазах местных властей. Оба также стремятся использовать местных жителей как ресурс, формируя группы поддержки своим действиям.

Вероятно, оба конфликта развивались бы по-другому, если бы не участие представителей крупного бизнеса, лояльных общественников, переносящих

из конфликта в конфликт ресурсы (в том числе символический капитал) и информацию. Можно предположить, что «передел» оптового рынка с оборотом в несколько миллиардов рублей в год изменил бы стратегическое поле значимой для региона оптово-розничной торговли, изменив не только финансовые потоки, но и правила игры, инструментарий конкурентной борьбы и качественный состав стратегических акторов.

Иногда конфликты в стратегическом поле инициируются не только для того, чтобы ослабить группу конкурентов в бизнес-возможностях, но и нанести репутационный и политический урон оппонентам представителей законодательной власти преимущественно муниципального или регионального уровня, «набрав очки» перед избирателями или руководителями центров принятия политических решений.

Другой вид связи конфликтов через актора – взаимная помощь гражданских акторов, участников разных конфликтов, в противостоянии проблемам, воспринимаемым рядом стратегических акторов как триггерные. В этом случае взаимная ресурсная поддержка друг друга профессионально компетентными и авторитетными в городском сообществе персонами обеспечивает помощь в конфликтах (поддержка участников или экспертиза) и способствует становлению неформальных городских сообществ, основанных на разделяемых ценностях, императивах справедливости. Наиболее идентифицируемые из них – сообщество экологов, локализуемое, скорее, в научном центре – академгородке, – но способное оказать поддержку лидерам городских конфликтов или включиться в конфликты на тех территориях, которые его участниками определяются как значимые. В ряде конфликтов постепенно сформировалось межпрофессиональное сообщество архитекторов и краеведов, члены которого борются за сохранение памятников истории и архитектуры, защищают их от сноса в результате действий застройщиков, стремятся к поддержанию изначального облика архитектурно значимых мест.

Данные показывают, что активная гражданская позиция в конфликтах может способствовать расширению предметных границ активности за пределы профессиональной повестки, использованию нетипичных для их профессиональных практик способов конфликтования, вплоть до участия наиболее радикальных людей в блокировании техники на начале строительных работ. В исследовательской или профессиональной среде они, скорее, носители научно-технического мира, даже мира вдохновения, но в ситуации конфликта в их действиях и риторике актуализируется гражданский мир. Примечательно, что риторика гражданского мира гражданских акторов и представителей законодательной и исполнительной власти начинает во многом совпадать: формулируется запрос *на проверку «законности» действий, легитимности акторов, их представительства и полномочий*. Риторика носит и компромиссный

характер между гражданским и научно-техническим миром: *«существующий порядок мешаает развитию»*. Или между гражданским и патриархальным: *«отмена статуса недопустима, так как это разрушит то, что когда-то планировалось»*, *«местные жители всегда пользовались... и недопустимо...»*.

Экологи, как правило, более опытные в практике конфликтования и квалитифицированные, могут оказать локальному сообществу консультативную помощь или PR-поддержку, осуществив перенос информации и технологий ведения конфликта / технологий оспаривания. Экологи с активной гражданской позицией занимают преимущественно конфронтационное положение в отношении органов власти муниципального или регионального уровня и рассматривают отдельные локальные кейсы в качестве «модельных практик», неких примеров, маркирующих линии допустимого и недопустимого поведения чиновников и предпринимателей (актеров «рыночного мира», мира репутации), реализующих экологически опасные проекты. В среде активных экологов часто транслируется опасение, что легкая реализация одного экологически опасного, с их точки зрения, проекта позволит реализовать и несколько других, изменив «правила игры» в городе, а также покажет местным сообществам, что бездействие властей допустимо, а сопротивление неэффективно.

Некоторые городские сообщества, как и представители элитных групп, приобретая статус стратегических городских акторов, существенно влияют на «правила игры» в рамках некоторых стратегических полей. Так, например, новосибирское слабо формализованное сообщество «архитекторов и краеведов» значительно повлияло на становление неформальных правил игры, при которых местные застройщики (представители «рыночного мира») стремятся избегать работы с участками, на которых есть актуальные или потенциальные объекты культурного наследия (ОКН), несмотря на то что это накладывает серьезные ограничения на развитие рынка на фоне общего дефицита участков под застройку в центре города. Участники этого сообщества включаются в защиту объектов культурного наследия («архитекторы и краеведы»), действуя в конфликтах оспаривания уплотнительной застройки, если она угрожает исторически значимому объекту или облику значимого места при условии признания объекта защиты ценным с точки зрения экспертов-участников сообщества. В таких ситуациях «архитекторы и краеведы» могут действовать бок о бок с сообществами места в попытках повлиять на формальные и неформальные правила реализации строительных инвестиционных проектов в городе, формируя тем самым сеть взаимодействия с лидерами местных сообществ, на территории которых есть ОКН с угрозой сноса или разрушения.

Связь между конфликтами может установиться и через связь повесток, имеющих потенциал к объединению двух сообществ места, конфликты на территории которых имеют один триггер или похожие повестки. Принцип

соседства здесь может быть не всегда актуален. Так, два локальных сообщества, территории которых расположены во многих десятках километров друг от друга, могут объединиться для противостояния строительству двух разных мусорных полигонов, строящихся одним инвестором или в рамках одной и той же региональной инвестиционной программы. Так сообщества выходят из позиции NIMBY, переходя в позицию NIOBY (Not In Our Backyards), в попытке создать альянс или сеть территориально распределенных сообществ, которая обладала бы достаточными ресурсами, чтобы противостоять стратегическим региональным акторам для защиты своих территорий. Готовность лидеров поддержать «чужие» конфликты ресурсами для получения ресурса поддержки в защите своей территории была подтверждена некоторыми лидерами конфликтных сообществ в проводившейся авторами серии интервью.

Но связи между конфликтами не всегда носят прямой характер, как в примере с рынками, где описана «игра с нулевой суммой», когда выигрыш одного актора означает проигрыш другого. Большинство связей между конфликтами сложнее: «конфликт А» связан не с конкретным «конфликтом Б», а с борьбой некоторых городских элитных групп за влияние и ресурсы как таковые, за положение в иерархии городских элит и переговорные позиции по иным, не относящимся к конкретной конфликтной повестке вопросам. Эта борьба может приобретать форму публичного конфликта или серии публичных конфликтов, а может протекать в кулуарных и административных формах, не становясь собственно публичным конфликтом. Конфликт как инструмент борьбы на стратегическом поле может оказаться как прямой попыткой ослабить конкурента и повлиять на его место в отраслевой иерархии, так и попыткой создать себе «сильную позицию» в переговорах с конкурентом: «Мы завершим этот конфликт, если вы не будете претендовать на участок Х». В связи с изменчивостью целей стратегических акторов прогнозирование хода связанных с их интересами конфликтов представляет значительную практическую трудность.

Таким образом, предварительный анализ данных кейсов позволяет выделить несколько гипотетических типов связанности конфликта.

- *Прямая/опосредованная связь через предмет и повестку.*

Прямая связь конфликта с конфликтом (причинно-следственная связь) может выстраиваться через прецедент, экспертизу конфликта. При таком типе связи исходный конфликт может становиться «модельным», задает вариант решения типовой городской проблемы, инициируя другие конфликты. В содержании связи перенос информации, примеров, формируемых норм, способов действия и образов будущего.

Одним из наглядных примеров такого типа связи служит серия конфликтов вокруг строительства новых мусорных полигонов в Новосибирске (рис. 2). Прямая связь конфликта с конфликтом через предмет/повестку дела делает возможным попытки нескольких удаленных друг от друга локальных сообществ объединиться для решения общей проблемы: размещения серии мусорных полигонов в рамках единой региональной программы. Изменение хода одного конфликта (локальное сообщество пойдет на уступки и согласится на строительство полигона) приведет к разрушению альянса и формированию новой нормы, что повлияет на аналогичный конфликт в другой локации. Таким образом, конфликты «периметра» новосибирской агломерации могут стать городскими конфликтами (рис. 2).

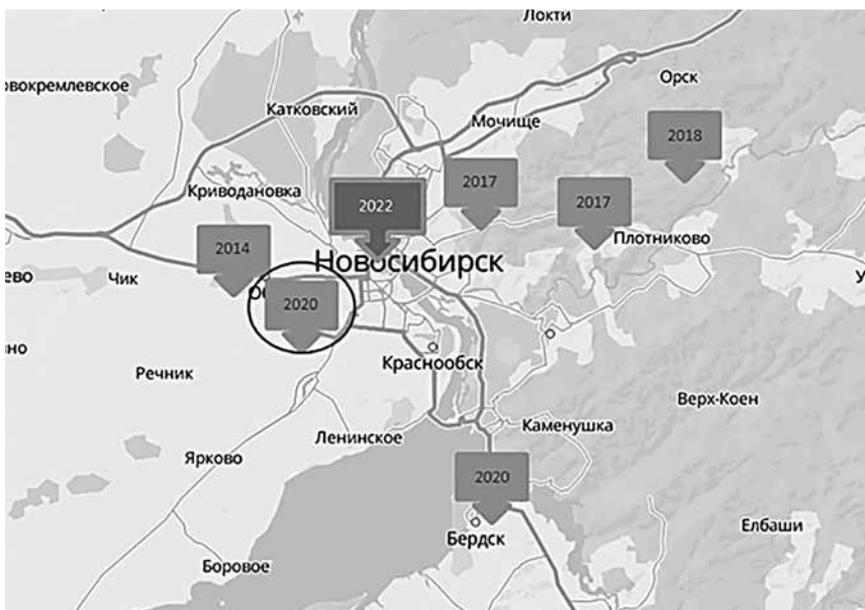

Рис. 2. Конфликты вокруг строительства мусорных полигонов и мусороперерабатывающих комплексов в новосибирской агломерации

- *Опосредованная связь конфликта с конфликтом через территорию/объект защиты/сообщества*

В этом случае «Конфликт А» не влияет на «Конфликт Б» непосредственно, но меняет качество территории/объекта защиты (придает ему дополнительную ценность как защищенного, ставшего основой формирования

идентичности сообщества) или меняет качества сообщества (новые компетенции, мобилизованность). В свою очередь, новые качества территории/объекта защиты влияют на характеристики «Конфликта Б» (интенсивность, резонанс, вероятность исхода). Примером влияния конфликта на конфликт через сообщество может служить отмеченный выше резонансный кейс сноса Дома спорта и клуба «Отдых», в ходе чего сформировалось устойчивое и мощное оборонительное сообщество, инициировавшее ряд конфликтов на территории в защиту сохранения ее исторического облика.

Иногда такое влияние может просматриваться не в прагматическом, а в символическом плане. Новые триггеры на одном и том же объекте вызывают конфликты символически: инициаторы ущемлены в достоинстве городского гражданства, новые триггеры, связанные с одним объектом, ставят под сомнением их место в иерархии. Например, активные горожане в Новосибирске протестовали против строительства четвертого моста, однако проект все-таки был запущен, но последующие конфликты из-за переноса сроков сдачи моста и пробок, спровоцированных сужением дорог для нужд строительства, имели не менее широкий резонанс. Связанные одним объектом, триггеры усиливали друг друга: власти не только не прислушались к горожанам во время выбора места размещения платного моста, но и не приняли попыток реализовать проект в срок и с приемлемым качеством.

Формальные признаки такой связи: единство пространства, последовательность событий во времени, общие акторы, с некоторой вероятностью общие триггеры и общие события.

- *Прямая связь конфликта с конфликтом (причинно-следственная связь)*

В этом типе связи «Конфликт А» используется как средство разрешения, урегулирования или изменения динамики «Конфликта Б» (непосредственно) одним или несколькими стратегическими акторами. Формальные признаки такой связи: единство времени, общие акторы, а также, возможно, общие события и объект конфликта.

В другом варианте такой связи «Конфликт Б» используется как ответ на изменения городской среды / городской расстановки сил / ситуации обладания ресурсами, возникшими в результате исходного «Конфликта А», но в конкретной ситуации, без выхода на стратегический уровень.

- *Опосредованная связь через стратегических акторов / системные противостояния*

В этом случае «Конфликт А» влияет на развитие/возникновение «Конфликта Б» через системную долговременную конфликтную конкуренцию интересов групп стратегических акторов – представителей крупного бизнеса, как правило, прямо или косвенно интегрированных во властные структуры.

Публичный городской конфликт в данном случае является инструментом разрешения или изменения хода системного конфликта городских интересов, инструментом оспаривания стратегических городских ресурсов (бюджет, земля, власть). Уместно подобную ситуацию прокомментировала К. Трудель, заметив, что конфликт между субъектами территории является не только выражением противоположных интересов, но и результатом личных стратегий, которые более или менее связаны с сетями и организованы в альянсы [Pelletier, Trudelle 2016].

Формальные признаки такого конфликта: общие акторы, он не зависит от места/объекта защиты; вероятно, мало зависит от времени, но на него влияет драматургия конкурентной борьбы.

Примером такой связи конфликтов являются многочисленные кейсы с отказом мэрии Новосибирска в перезонировании перспективных участков земли для крупной строительной компании и недопуск этой компании к участию в одном из проектов комплексного развития территории (КРТ). Ответом на эти действия стало уголовное дело о клевете против одного из крупных чиновников мэрии, а также ряд других конфликтов, по которым чиновник был признан виновным.

Анализ показал, что связанность как категориальный признак не может рассматриваться в отрыве от других признаков современного сложного конфликта. Например, просматривается пересечение ее характеристик с множественностью конфликтов. Собственно множественность и закладывает основание для связанности как самостоятельной характеристики городского конфликта. В этом плане перспективно понимание множественности как *«многопартийности»*, *многосубъектности* акторов, действующих на разных уровнях властных и социальных отношений, носителей *множественных справедливостей*; в конфликтах присутствует *множественная предметность* заявляемых повесток, *семантическая сложность* конфликтных коммуникаций.

Оба ключевых параметра, множественность и связанность, дополненные еще рядом характеристик, формируют представление о городском конфликте как об объекте, требующем специального исследовательского внимания и особой методологии.

Связанность конфликтов может стимулировать скорость, масштабы мобилизации в конфликты, усиливать и усложнять конфликтное взаимодействие между субъектами разных конфликтов [Trudelle et al. 2015: 138–157; Скалабан, Лобанов, Сергеева 2022: 33–56], способствовать координированности и «профессионализации» действий акторов, в том числе гражданских, формировать их социальные навыки, то есть задавать рамки образа действия

и побуждать других людей к действию [Флигстин, Макадам 2022: 72], что требует научного осмысления и поиска новых способов влияния на текущие процессы.

Таким образом, сложность и связанность городских конфликтов можно рассматривать как качественные характеристики современного городского конфликта, ресурс его акторов, и как концептуальный подход, который будет способствовать исследованию городских конфликтов как открытых проявлений системных противоречий, определяющих конфликтное поле города в целом. Думается, что предложенный вектор анализа в случае подтверждения фактов многоаспектной связанности между городскими конфликтами будет способствовать преодолению распространенного представления о городских конфликтах как диадическом противостоянии (горожане и застройщик, горожане и органы муниципальной власти) и откроет перспективы для анализа городской конфликтности как сложного явления, формированию новой перспективы и стратегии исследования: от анализа городских конфликтов к анализу городской конфликтности.

Допущение связанности как признака современного городского конфликта ставит целый ряд исследовательских вопросов. Значимыми среди них мы видим следующие: как влияют типы связей на характеристики городских конфликтов, их динамику и исходы? Способствуют ли связи изменению их свойств, пространств или воспроизводимости конфликта в перспективе? Влияет ли связанность городского конфликта на характер городского гражданства? Содействуют ли устойчивости конфликтные группы и оборонительные сообщества [Скалабан, Лобанов, Сергеева 2022]? Ответы на эти вопросы станут предметом будущих исследований.

Источники

Александр Дж. 2009. Власть, политика и гражданская сфера / пер. с англ. М.В. Горностаевой. – *Социологические исследования*. № 10. С. 3–17.

Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество* / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос. 390 с.

Бодрийяр Ж. 2009. *Символический обмен и смерть* / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет; КДУ. 389 с.

Болтански Л., Тевено Л. 2013. *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов* / науч. ред. пер. Н. Е. Колосов. М.: Новое литературное обозрение. 576 с.

Вартанова Е.Л. 1999. *Финская модель на рубеже столетий: Информационное общество и СМИ Финляндии в европейской перспективе*. М.: Изд-во МГУ.

Вирт Л. 2005. Урбанизм как образ жизни. – Вирт Л. *Избранные работы по социологии: сб. переводов* / пер. с англ. В. Г. Николаев. М.: ИНИОН. С. 93–118.

Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. 2018. Городской конфликт как объект исследования и политического управления: проблемы концептуализации. – *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. № 4. С. 5–12.

Желнина А.А., Тыканова Е.В. 2021. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействия в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы). – *Журнал исследований социальной политики*. Т. 19. № 2. С. 205–222. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222.

Латур Б. 2014. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Медведев И.Р. 2017. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа. 372 с.

Парк Р., Томас У. 2015. Участие и социальная ассимиляция. – *Чикагская школа социологии: сб. переводов* / сост. и пер. В. Г. Николаев. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. С. 52–59.

Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. 2022. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска). – *Мир России*. Т. 31. № 4. С. 33–56. URL: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-51>.

Соколов А.В., Абрамовский И.С. 2020. Городские конфликты: действия местных сообществ в цифровом пространстве (на примере конфликта в Павловском парке города Ярославля). – *Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием* / отв. ред. О.Б. Истомина. Иркутск: ИГУ. С. 286–293.

Флигстин Н., Макадам Д. 2022. *Теория полей* / пер. с англ. Е. Головляничевой под науч. ред. В. Радаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 464 с.

A new engagement? Political participation, civic life, and the changing american citizen / С. Zukin, S. Keeter, M. Andolina, K. Jenkins, M.X. Delli Carpini. New York: Oxford University Press, 2006. 253 p.

Axelrod M. 1956. Urban structure and social participation. – *American Sociological Review*. Vol. 21. P. 13–18.

Cunningham K., Bakke K.M., Seymour L.J.M. 2012. Shirts Today, Skins Tomorrow: Dual Contests and the Effects of Fragmentation in Self-Determination Disputes. – *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 56. No. 1. P. 67–93. DOI:10.1177/0022002711429697.

Humphreys J.S., Walmsley D.J. 1991. Locational Conflict in Metropolitan Areas: Melbourne and Sydney, 1989. – *Australian Geographical Studies*. Vol. 29. No. 2. P. 313–328.

Lamb R., Gregg M. 2018. *The Dual-system Problem in Complex Conflicts*. P. 5–28. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep20101.7>.

Norris P. 2002. *Democratic phoenix: reinventing political activism*. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.

Oliver P.E., Myers D.J. 1999. How Events Enter the Public Sphere: Conflict, Location, and Sponsorship in Local Newspaper Coverage of Public Events. – *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 1. P. 38–87.

Pelletier M., Trudelle C. 2016. *Analysis of Urban Conflict Networks: Theoretical and Methodological Perspectives in Conflicts in the City. Reflections on Urban Unrest* / ed. L. Del Romero. New York: Nova Publishers.

Trudelle C., Klein J.-L., Fontan J.-M. 2015. Urban Conflicts and Socio-Territorial Cohesion Consensus Building and Compromise in the Saint-Michel Neighbourhood in Montreal. – *Canadian Journal of Urban Research*. January. P. 138–157.

Villeneuve P., Trudelle C., Pelletier M., Thériault M. 2009. 'Les conflits urbains: une approche analytique'. *Environnement urbain*. – *Urban environment*. Vol. 3. P. 1–8.

Евстифеев Роман

Городские локальные идентичности в мире и в России: неосязаемые и неосвоенные ресурсы публичной политики

Евстифеев

Роман Владимирович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Владимир, Россия

Для связи с автором:
evstifeev@inion.ru

Для цитирования:

Евстифеев Р.В. Городские локальные идентичности в мире и в России: неосязаемые и неосвоенные ресурсы публичной политики // Публичная политика. 2023. Т. 7. № 1–2. DOI: 10.31856/2541-8351_2023_7_1-2_32

Аннотация

В статье рассмотрены взаимоотношения городской локальной идентичности и публичной политики, выявлены основные проблемы, сформулированы модели включения городской идентичности в сферу публичной политики.

Ключевые слова: городская идентичность, публичная политика, городское развитие, городское планирование, местные сообщества.

Evstifeev Roman

City local identities in the world and in Russia: the intangible and untapped resources of public policy

Evstifeev Roman V. –

Doctor of Political Sciences.

Leading Researcher,

*Institute of Scientific Information
for Social Sciences*

*of the Russian Academy of Sciences
Vladimir, Russia*

To contact the author:

evstifeev@inion.ru

Abstract

The article considers the relationship between urban local identity and public policy, identifies the main problems, and formulates models for the inclusion of urban identity in the sphere of public policy.

Keywords: city identity, public policy, city development, city planning, local communities.

В основе данной статьи лежат многолетние исследования городских идентичностей, в которых автор принимал участие. Эти исследования включали в себя (1) обобщения и оценки имеющихся зарубежных и отечественных теоретических разработок и методологических подходов, (2) оценку исследований городских локальных идентичностей в России и за рубежом, (3) а также оригинальные эмпирические исследования городских локальных идентичностей в шести российских городах (Белгород, Владимир, Иваново, Калининград, Смоленск, Ярославль) в 2015–2020 гг. и мониторинговое исследование социального согласия и социального самочувствия населения одного российского региона (Владимирская область) в 2015–2023 гг.

Задача данной статьи – на основе полученных научных знаний попробовать рассмотреть городскую локальную идентичность с точки зрения публичной политики.

Для решения этой задачи необходимо сначала определить теоретико-методологические подходы к изучению локальных идентичностей и публичной политики, которые позволили бы совместить эти сферы, выявить совпадения и несоответствия.

До идентичности

Понятие «идентичность» сегодня стало популярным не только в научной сфере, оно активно используется и в публицистическом, и в политическом дискурсах. Политики и ученые уже привычно заявляют о «кризисе идентичности», о необходимости поиска и сохранения идентичности наций, народов, отдельных социально-профессиональных групп людей. Сегодня трудно представить современную политическую дискуссию без применения концепции идентичности.

Однако изучение истории и эволюции понятия «идентичность» показывает, что, как обоснованно отмечает Мэри Моран, «идентичность не всегда была в центре политики» [Моран 2021: 15]. По мнению Моран, до 1950-х гг. научного интереса к проблемам идентичности вообще не существовало: в научной литературе до середины XX в. нет упоминаний идентичности в современном смысле слова, отсутствуют дискуссии о разных типах идентичности, о кризисе идентичности и т. д.

Тем не менее, соглашаясь с выводами М. Моран, стоит отметить, что взлет популярности понятия «идентичность» в конце XX в. был основан на достижениях науки прошлого, с одной стороны, и на тех значительных изменениях, которые произошли в современных обществах. Все это в совокупности привело к необходимости повышенного внимания к идентичности и к наполнению этого понятия новым актуальным содержанием.

Развитие научного знания об обществе и человеке неоднократно подвело ученых к необходимости признания роли процессов личностной

и групповой самоидентификации людей, однако господствовавшие социально-экономические условия оттесняли эти процессы на периферию общественной жизни.

Совершенно выборочно и кратко можно было бы отметить отдельные идеи и озарения ученых, которые жили и творили, так сказать, до периода взлета «идентичности».

Одним из первых в философском плане противопоставил всеобщее и личностное Ансельм Кентерберийский (1033–1109), который, размышляя в религиозной парадигме, тем не менее совершенно искренне удивлялся, что все его стремления к божественному и всеобщему возвращаются к сущности человека: “Tendebam in Deum et offendi in me ipsum” («Лез к Богу – а уткнулся в себя само») [Anselmi 1946: 99].

Это великое прозрение по понятным причинам долгое время оставалось неосмысленным: до появления наук о человеке и его психике, обществе в целом, должны были пройти сотни лет, в течение которых шло накопление знаний, ошибок, проблем и прорывов.

Отсчитав эти несколько сотен лет (но не пропустив их значения!), мы отметим только нескольких мыслителей XX в., без идей которых, на наш взгляд, невозможно правильно определить и понять идентичность.

Начнем с незаслуженно забытых научных достижений русского философа Льва Платоновича Карсавина (1882–1952), который в своем труде «Философия истории» (1929) пишет о «развитии», которое понимается как явление, противоположное «святию», «разворачивание, раскрытие чего-то уже потенциально, но только потенциально данного, то есть актуализацию ранее актуально не бывшего, обогащение бытия» [Карсавин 1993: 34]. Иными словами, в основе развития общества и человека лежит не привнесение чего-то нового извне, а процесс произрастания и развертывания нового из уже имеющегося внутри.

Французский историк Марк Блок (1886–1944) рассматривает в своей последней, оставшейся неоконченной книге «Апология истории» сущность науки истории. Блок отмечает, что история, конечно, изучает, прежде всего, людей, но дополняет это общее определение существенным уточнением: история – это изучение людей во времени (!). Таким образом, Блок указывает на выдающуюся роль времени не только в жизни людей («людей во времени»), но и в изучении, то есть в научном рассмотрении («изучение... во времени») [Блок 1972: 19].

Соотечественник Марка Блока Морис Хальбвакс (1877–1945) предложил понятие «коллективная память» [Хальбвакс 2007], понимая под ним комплекс процессов, связанных с человеческой памятью и обусловленных границами и ориентирами, создаваемыми обществом, такими как язык, представления о пространстве и времени и т. д. Таким образом, Хальбвакс вплотную подходит

к обоснованию существования коллективной памяти различных социальных групп, которую можно обозначить как «культурная память».

Заключительный абзац «доидентичностного» развития общественной мысли мы посвятим одной из идей Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993), настаивавшего на принципиальной роли диалога в развитии интеллекта, человека и общества, культуры в целом [Лотман 2010]. И более того, крайне эвристически полезной представляется идея Лотмана о том, что основой человеческого интеллекта является диалог с самим собой (!) и с Другим. «Интеллект – всегда собеседник», – пишет Лотман, отмечая, что самими собой человек или группы становятся в результате осмысленного диалога.

Уже такой краткий и выборочный взгляд позволяет увидеть, во-первых, то, что, несмотря на отсутствие употребления понятия «идентичность», мыслители рассматривали схожие проблемы, во-вторых, шаг за шагом человечество продвигалось к современному состоянию, в котором осознание себя личностью и социальным элементом группы является важнейшей характеристикой человеческого бытия, и, наконец, в-третьих, это продвижение к концу прошлого столетия зафиксировалось в научной литературе, в которой произошел взрывной рост публикаций, затрагивающих проблему идентичности.

Эпоха идентичности

За последние несколько десятилетий понятие идентичности приобрело большую популярность в различных дисциплинах и стало весьма распространенным термином, который, однако, может иметь разное значение [Горнова 2019]. Уже в 1983 г. П. Глисон критически отмечал, что «идентичность стала означать так много вещей, что сама по себе она ничего не значит» [Gleason 1983: 914].

В похожем смысле выразился Уильям Маккензи: идентичность – это слово, которое «говорит все и ничего о личной и социальной тревоге последней трети XX века» [Mackenzie 1978: 191].

По мнению Мэри Моран, идентичность полезно рассматривать как «ключевое слово», то есть как сложное и противоречивое слово, проблемы значения которого неразрывно связаны с теми проблемами, для обсуждения которых его используют [Моран 2021: 21]. По ее мнению, главный фактор «проявления» идентичности – осознаваемое растущее неравенство, порождающее конфликты.

В связи с возникшей темой неравенства отметим, что сам термин «идентичность» происходит от латинского “*identitas*”, что означает «тождественность», «одинаковость». Этимологически “*identitas*” является производным от слова “*idem*”, что можно перевести как «тот же самый». Таким образом, “*identitas*”, с одной стороны, манифестирует равенство определенных близких элементов, а с другой стороны – подчеркивает неравенство с элементами из других групп. В этом смысле можно согласиться с идеей М. Моран, существенно дополнив ее

таким образом, чтобы идентичность понималась как возможность осознания равенства с членами своей группы, с одной стороны, и как подчеркивание неравенства с членами других групп – с другой. Так или иначе, идеи неравенства и конфликты, с ним связанные, безусловно, присущи идентичности и часто именно идентичностью подпитываются.

В общем и целом идентичность рассматривается как «представления людей о том, кем они являются и как они относятся к другим» [Hogg, Abrams 1988: 2], то есть идентичность оказывается направленной не только на себя, но и на другие группы, проявляя и определяя характеристики, по которым индивиды и группы отличаются друг от друга [Jenkins 2014: 7].

Обострение внимания к теме идентичности привело к тому, что в исследовательскую оптику попали и местные локальные идентичности, которые в этой оптике тесно увязывались с проблематикой городского развития и урбанистических исследований (urban studies).

Если проанализировать различные исследования городских идентичностей, которые проводились в рамках различных наук, то многообразие подходов можно сгруппировать в три большие группы.

Во-первых, исследователи изучают различные типы репрезентаций города, предполагая, что описание этих репрезентаций, классификация их особенностей и уникальных черт позволят выявить то, что лежит в их основе, – то есть саму идентичность, те черты в сознании жителей, которые отличают их от других и позволяют выделить и отделить эту социальную группу. Иными словами, усилия ученых направлены на сбор различными методами кодированной информации, которая после раскодирования превращается в описание городской идентичности.

Исследователи, работающие в рамках данного подхода (его условно можно назвать культурологическим), изучают городскую архитектуру [Mair, Zaman 2020], особенности градостроительства и градоустройства [Abowd 2014], весь широкий спектр характеристик городской жизни от материальных ее проявлений [Sere 2013] до звуков города, запахов и т. д. [Cheshmehzangi 2020; Baker 2019]. Кроме того, исследователи иногда обращаются к условно-некодированной информации, стараясь получить данные, анализируя структурно-природную информацию – ландшафты, леса, поля, горы, реки, моря и т. д.

Во-вторых, городская идентичность может быть исследована с помощью обращения к носителям экспертного знания о городе и идущих в нем процессах, то есть с помощью методов работы с экспертами, такими как экспертные интервью, опросы экспертов, различные методы групповой работы с экспертами. В этом методе собираемая информация также является кодированной, но собирает ее исследователь непосредственно у ее носителей – экспертов. Такой подход (его можно обозначить как «экспертный») не так часто применяется в научных

исследованиях, а вот в проектах по переустройству городского пространства он оказывается востребован.

В-третьих, о городской идентичности можно спросить у самих жителей, воспринимая их как генеральную совокупность социологического исследования. Данный метод (социологический) основан на признании того простого факта, что носителем городской идентичности являются жители города, хотя, как мы увидим ниже, этот факт требует существенного расширения понятия «житель города» через включение в него всех тех влияний, которые сохранены и сосредоточены в городской среде и в городской культуре.

В последние годы также набирает популярность автоэтнографический метод, когда автор исследования сам непосредственно включается в процессы создания, переживания и развития городской идентичности, описывая этот опыт в научной работе [Рогозин 2015].

Таким образом, на сегодняшний день существует большой массив работ по городской локальной идентичности. Однако почти все они выполнены с весьма различных и даже противоположных методологических позиций, что порождает трудности с обобщениями и сравнениями. Авторы, анализируя визуальную информацию, аудиоинформацию, текстовую информацию, структурно-антропологическую информацию, символическую среду города и т. д., делают выводы и обобщения, которые крайне трудно соотносить с выводами других исследований. В результате не происходит необходимого накопления структурированного знания о городской идентичности.

Городская идентичность + публичная политика?

Изучение публичной политики имеет не менее впечатляющую историю и эволюцию, к тому же она описана гораздо лучше. В рамках данной статьи мы ограничимся только несколькими замечаниями.

Концепт «публичная политика» вполне эффективен при анализе возможностей и вариантов общественного участия в делах страны, а также при формировании представлений о политическом у широкого круга граждан [Балобанов 2020: 119]. Таким образом, публичная политика (publicpolicy) включает в себя процессы подготовки, обсуждения, принятия и исполнения политико-управленческих решений, причем акцент делается на участии в этих процессах не только властных структур, но и других акторов, групп влияния, защитников интересов тех или иных меньшинств, экологических организаций, а также экспертного сообщества [Евстифеев, Сунгуров, Козлова, Брянцев 2020]. Исходя из такого определения, вполне понятен интерес исследователей публичной политики к переговорным процессам, к эволюции общественных идей и представлений [Cairney, Sabatier 2015; Colebatch 1998; Сунгуров 2022]. В этом смысле городская идентичность, как представления городского сообщества о самом себе, вполне вписывается

в репертуар публичной политики, например, когда речь идет о совместной работе по формированию бренда города [Rodrigues, Schmidt 2021].

Однако можно констатировать, что публичная политика и городская локальная идентичность на уровне осознания и конкретных действий пока еще не встретились и не смогли обогатить друг друга. Чтобы это произошло, по-видимому, необходимы дополнительные усилия как исследователей, так и самих жителей, а также их политических представителей в городской власти.

В этой связи полезно будет указать на те подходы, которые либо не вводят понятие идентичности, либо подвергают его серьезной критике. Как ни странно, именно в рамках этих подходов наиболее ясной становится видна связь публичной политики и городской идентичности.

Прежде всего, отметим, что широкий спектр урбанистических теорий (в советское время – теория градостроительства), на основе которых часто проводятся преобразования в крупных городах, почти не нуждается в понятии идентичности, которому в лучшем случае отводятся второстепенные роли. Урбанизм (по крайней мере, традиционный) утверждает, что в основе городского развития находятся удобная инфраструктура и транспортная логистика.

Городская идентичность стала популярным явлением во многих исследованиях и городских проектах. Но этот термин рассматривается в основном в границах «привязанности к месту» [Norberg-Schulz 1980; Butina-Watson, Bentley 2007; Hague, Jenkins 2005].

Однако в среде самой урбанистики под влиянием происходящих в обществе изменений возникает трансформация, направленная на переосмысление городского планирования. В основе этой трансформации – признание первоочередной роли городских сообществ в проводимых в городе преобразованиях [Wilson 2019]. Как пишет Л. Сандеркок, имеющая более чем 50-летний опыт участия в реализации урбанистических проектов [Sandercock 2023], «основная задача для планировщиков сейчас – научиться жить в мире процессов, а не целенаправленно концентрироваться на достижении результатов» [Sandercock 2024: 5–6]. Сандеркок отмечает, что в мире процессов решающее значение имеет чувствительность к контексту, а не к механическим процедурам или «передовой практике». Иными словами, городскому планированию требуется абсолютное внимание к тому, что действительно происходит с горожанами в повседневной жизни их городов, учет и оценка их точки зрения, что требует навыков слушания, беседы, участия, творчества и построения сообщества, а также таких качеств, как забота, щедрость, открытость, любознательность, сострадание и смирение.

Призывая к подобной революции в городском развитии, Сандеркок практически полностью переходит на позиции публичной политики, утверждая, что «мы живем в мире утонченной взаимозависимости», что все решения в сфере городского развития следует принимать с учетом этой взаимозависимости всех

участников процесса (жителей, политиков, урбанистов и т. д.) и с полным пониманием целостности нашей жизни.

Совершенно иной подход характерен для теорий, развивающихся в рамках так называемой «деколонизации знания». Авторы, придерживающиеся такой точки зрения, утверждают, что идентичность является продуктом «политики идентичности», за которой стоят интересы доминирующих социальных групп [Mouuk 2023]. С этой точки зрения, идентичность носит, скорее, навязываемый характер, конструируемый с целью поддержать необходимую социальную иерархию.

В этом смысле данные теории близки теории гегемонии А. Грамши, который, размышляя о становлении самосознания групп населения (идентичности!), отмечал, что, во-первых, рост этого самосознания неминуемо приводит к рождению сознания политического (то есть к осознанию своего места в социальной иерархии) и, во-вторых, «критическое постижение самого себя осуществляется, следовательно, через борьбу политических «гегемоний», противостоящих направлений, сначала в области этики, затем политики, чтобы вылиться наконец в высшую разработку собственной концепции действительности [Грамши 1959: 23].

С точки зрения Грамши и последователей «деколонизации знания», идентичность жителей города носит, если так можно выразиться, «колониальный» характер, внешний для жителей города, усиливающий их отчуждение от города, хотя и притворяющийся местным.

«Взорвать» данную ситуацию можно, не отказываясь от идентичности, а путем доведения идентичности до высшей точки развития – до политического сознания группы, то есть до ее участия в формировании политических решений по распределению ценностей.

В заключение данного раздела стоит напомнить исследовательскую посылку, предложенную социологом Бруно Латуром, который в своей книге «Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию» сформулировал несколько положений, имеющих непосредственное отношение к исследованию городских идентичностей и к совмещению понятия идентичности с публичной политикой [Латур 2014].

Учет этих положений в исследованиях городской локальной идентичности, на наш взгляд, позволяет теоретически обосновать включение городской идентичности в разряд значимых факторов развития публичной политики.

Латур указывает на то, что группы людей существуют только в непрерывном процессе группообразования. Как только этот процесс останавливается – группа исчезает.

Далее Латур отмечает особенность социального действия, у которого множество причин, то есть в любом действии участвует множество акторов.

Немаловажно также то, что в социальном пространстве объекты тоже активны, то есть могут учитываться и рассматриваться как действующие акторы.

Исследователям, предлагает Латур, следует различать фактические реалии и реалии, являющиеся дискуссионными, причем последние часто являются более важными для описания социальных процессов.

Последнее, на чем настаивает Латур и с чем нельзя не согласиться в случае изучения городской идентичности и публичной политики, – исследовательские отчеты, как бы хороши они ни были, отражают только часть реальности, значительная часть остается за рамками опубликованных исследований.

Идентичность без публичной политики?

Проведение в 2015–2022 гг. конкретного исследования локальных идентичностей в шести российских городах (Белгород, Владимир, Иваново, Калининград, Смоленск, Ярославль) позволило сделать ряд значимых выводов, определить структуру городской идентичности и выявить важнейшие проблемные точки ее изучения. Первая часть исследования опубликована в 2015 г. [Евстифеев, Задорин, Крупкин и др. 2016], вторая, заключительная, часть будет опубликована в 2024 г.

Исследование включало в себя массовый опрос по однообразной анкете ($n = 600$ в каждом городе), проведение экспертных интервью, проведение фокус-групп с различными социальными категориями населения, а также выборочный анализ репрезентаций образа города на сайтах органов городского управления. Как видно из этого перечисления, исследование не учитывало иные репрезентации города (архитектура, визуальная информация, литература и т. д.). Это можно считать ограничением исследования, а примененный авторами исследования подход можно назвать историко-социологическим.

Несмотря на существенные различия изученных городов по многочисленным жизненно важным параметрам, тем не менее в исследовании удалось получить некоторые общие выводы и результаты.

Одним из главных результатов исследования можно признать то, что на примере изучения шести городов было доказано существование локальных (городских) идентичностей. Однако данная идентичность является, скорее, рамочной, чем жестко структурированной. Городская идентичность – живое и подвижное явление, зависящее как от материальных процессов, так и от состояния коллективного сознания и диалога внутри сообщества. Кроме того, городской идентичности присуща определенная динамика развития во времени, подчиняющаяся не до конца понятным закономерностям.

Изначальная гипотеза исследования предполагала, что во всех шести городах будет зафиксирована значимая корреляция между уровнем солидарности и доверия в местном сообществе и уровнем развития городской идентичности.

Однако результаты исследования показали, что эта зависимость носит более сложный характер, требующий отдельного изучения. Тем не менее осторожно и аккуратно можно сформулировать так: локальная идентичность является основой формирования и накопления социального капитала, развития доверия и солидарности.

Городские идентичности во всех изученных городах имеют общие структурные элементы, которые наполняются различным содержанием в городских сообществах и участвуют в формировании социальных институтов.

Структура городской идентичности содержит восемь основных элементов:

1. Представления о локальной географии (средне- и крупномасштабной).
2. Значимые места (символический центр).
3. Символические ценности локальной идентичности (предметы гордости, значимые исторические события).
4. Пантеон героев – реальных и мифических (репутации, уважаемые люди).
5. Мифы самостояния (главные представления о членах сообщества).
6. Представления о структуре сообщества: ядро («элита»), страты, сегменты, границы, дифференциация «свой – чужой».
7. Ритуалы воспроизводства идентичности.
8. Этнографические особенности жителей.

Данные структурные элементы в различных городах выражены по-разному и с разной интенсивностью; кроме того, по всей видимости, городским идентичностям свойственны различные типы динамики развития этих элементов и идентичности в целом.

Городские локальные идентичности часто опираются на материальные городские объекты, но их самих можно рассматривать как разновидность неосознаваемых (неосознаваемых!) активов города. Однако эти активы в большинстве случаев слабо осознаны, распределены неравномерно и часто используются в интересах отдельных политиков и политических групп.

В результате ресурсы городской идентичности оказываются неосвоенными, а дискуссионные и оспариваемые вопросы городских ценностей и уникальных особенностей вытесняются из публичного поля.

Исследования, проведенные в шести указанных городах, показали эффект неосознаемости и неосвоенности идентичностных активов, проявившийся в том, что само обращение к характеристикам идентичности и объектам часто приобрело конструктивистский оттенок, то есть вмешательство исследователя в эту сферу приводило к ее изменению и трансформации в сознание тех людей, кто сталкивался с исследовательскими процедурами.

Представляется, что, основываясь на проведенном исследовании в шести городах, можно сформулировать по крайней мере две модели освоения городской идентичности.

Во-первых, традиционное городское планирование, для которого, как уже указывалось выше, целью является обеспечение функционирования города, удобство управления городом и удобство жителей.

Для этого типа характерно применение таких инструментов, как зонирование/районирование города, выделение ядра и периферии, осевое развитие и т. д. Городское планирование включает в себя создание комфортной городской среды, однако городская идентичность является вторичным и, соответственно, второстепенным элементом. Предполагается, что городская идентичность подвижна и сильно зависит от создаваемых удобств для горожан. Несмотря на то что в изученных городах накопилось немало кейсов, опровергающих это предположение, тем не менее данный подход остается влиятельным и распространенным. Как видно из описания, городская идентичность при этом подходе остается на периферии публичной политики в городе, в лучшем случае вписываясь в городское планирование в виде привязанности к месту [Zenker 2014].

Второй подход, который можно назвать моделью публичной политики, основан на развитии городского сообщества, выработке социального «софта» для взаимодействия друг с другом, формировании независимого интеллектуального пространства, публичном выражении интересов, ситуации конкуренции и продвижения своей повестки в поле публичной политики [Евстифеев 2020]. Следует отметить, что данный подход носит, скорее, идеалистический характер, он в полном виде не был обнаружен ни в одном изученном городе и сконструирован, исходя из полученных данных и предполагаемых возможностей.

Противоречия в полученных результатах и недостаточность научных данных позволяют сформулировать главные проблемы в изучении городских идентичностей с точки зрения публичной политики.

1. Мы пока не знаем, как сравнивать городские локальные идентичности. Это означает, что кейсы совмещения городских идентичностей и публичной политики пока носят уникальный характер.

2. Описываемая городская идентичность еще оторвана от социально-экономической реальности; неясно, кто является актором, заинтересованным в развитии идентичности.

3. Изучаемая городская идентичность нетелеологична, то есть не имеет ясно выраженной цели, что позволяет «захватывать» и «присваивать» идентичность политическим акторам, используя ее в своих целях.

4. Пока остаются невыявленными закономерности динамики развития идентичности и ее устойчивости.

5. Модели конструирования идентичности пока носят гипотетический характер.

Основные выводы

Приведенные выше рассуждения позволяют сформулировать несколько выводов.

Во-первых, само понятие локальной идентичности пока неустойчиво и подвергается обоснованной критике либо просто игнорируется (например, марксистский подход, «деколонизация знания», урбанизм и т. д). С другой стороны – именно эта критика позволяет выйти из очерченных границ городской идентичности и «встретиться» с публичной политикой.

Во-вторых, изучение городских локальных идентичностей основано на достижениях различных наук, использующих различные теоретические и методологические подходы и методы исследования. Это порождает противоречия и ослабляет потенциал исследований. Однако накопленные знания и опыт в перспективе позволяют исследователям создать согласованную повестку изучения городских идентичностей, по крайней мере, на национальном уровне.

В-третьих, изучение городской идентичности является одновременно ее формированием и конструированием. Это предъявляет особые требования к исследованиям в виде четкого осознания цели, последствий, издержек, определения акторов и бенефициаров, оценки имеющихся ресурсов.

В-четвертых, публичная политика внутри городов крайне осторожно включает в свою орбиту городскую идентичность, и в то же время городская локальная идентичность не всегда дорастает до публичной политики.

В-пятых, логично было рассматривать городскую идентичность как неосязаемый городской ресурс по типу неосязаемых ресурсов культуры, однако это требует существенного пересмотра политики городского планирования.

В-шестых, деколонизационная критика идентичности подсказывает весьма продуктивный выход, основанный на том, что развиваемая в «конкуренции политических гегемоний» (А. Грамши) идентичность неминуемо переходит в фазу осознания интересов горожанами, после чего начинают поиски политического представительства и выход в сферу публичной политики.

В-седьмых, городскую локальную идентичность можно считать полезной основой для объединения жителей, формирования солидарности, разрешения конфликтов и т. д., однако для того, чтобы она «заработала», необходимо включение ее в сферу публичной политики, перевод ее в неосязаемый, но освоенный актив.

Источники

Балобанов А.Е. 2020. К пониманию концепта «Публичная политика». – *Публичная политика*. Т. 4. № 2. С. 116–127.

Блок М. 1972. *Апология истории, или Ремесло историка*. М.: Наука. 234 с.

Горнова Г.В. 2019. *Городская идентичность: философско-антропологические основания*. Омск: Амфора. 167 с.

Грамши А. 1959. *Тюремные тетради*. – Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во иностранной литературы. 566 с.

Евстифеев Р.В. 2020. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы. – *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. Вып. 4. С. 75–89.

Евстифеев Р.В., Задорин И.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д., Шубина Л.В. 2016. *Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля*. М.: Исследовательская группа ЦИРКОН. 120 с.

Евстифеев Р.В., Сунгуров А.Ю., Козлова Н.Н., Брянцев И.И. 2020. *Общественные палаты регионов России: между медиацией и имитацией*. СПб.: Алетей. 252 с.

Карсавин Л.П. 1993. *Философия истории*. СПб.: АО Комплект. 342 с.

Латур Б. 2014. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 384 с.

Лотман Ю.М. 2010. *Семиосфера*. СПб.: Искусство – СПб. 704 с.

Моран М. 2021. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история. – *Неприкосновенный запас*. № 1. С. 15–39.

Рогозин Д. 2015. Как работает автоэтнография? – *Социологическое обозрение*. Т. 14. № 1. С. 224–273.

Сунгуров А.Ю. 2022. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований. – *Политическая наука*. № 3. С. 80–99.

Хальбвакс М. 2007. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство. 348 с.

Abowd T. 2014. *Colonial Jerusalem: the spatial construction of identity and difference in a city of myth, 1948–2012*. Syracuse: Syracuse University Press. 287 p.

Anselmi. Anselmi Cantuariensis. *Proslogion*. – *S. Anselmi Cantuariensis Archiepiscopi. Opera Omnia*. Volumen Primum. Edinburgi: Apud Thomam Nelson et filios. 1946. 290 p.

Baker A. 2019. *The Great Music City. Exploring Music, Space and Identity*. Palgrave Macmillan: Cham. 329 p.

Butina-Watson G.B., Bentley I. 2007. *Identity by design*. Oxford: Architectural Press. 298 p.

Cairney P., Sabatier P.A. 2015. An Advocacy Coalition Framework of Policy Change and the Role of Policy-Oriented Learning Therein. – *The Oxford Handbook of Classics in Public Policy and Administration*. Oxford: Oxford University Press. P. 484–497.

Cheshmehzangi A. 2020. *Identity of Cities and City of Identities*. Singapore: Springer Nature Singapore. 261 p.

Colebatch H.K. 1998. *Policy*. University of Minnesota Press. 136 p.

Gleason P. 1983. Identifying Identity: A Semantic History. – *Journal of American History*. Vol. 69. No. 4. P. 910–931.

Hague C., Jenkins P. 2005. *Place identity, planning and participation*. London: Routledge. 272 p.

Hogg M.A., Abrams D. 1988. *Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes*. Oxon: Routledge. 288 p.

Jenkins R. 2014. *Social identity*. London: Routledge. 264 p.

Mackenzie W.J.M. 1978. *Political Identity*. Harmondsworth: Penguin. 185 p.

Mair N., Zaman Q. 2020. *Berlin: A City Awaits. The Interplay between Political Ideology, Architecture and Identity*. Cham: Springer Nature Switzerland AG. 76 p.

Mouk Y. 2023. *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time*. New York: Penguin Press. 416 p.

Norberg-Schulz C. 1980. *Genius loci: Towards a phenomenology of architecture*. London: Rizzoli. 216 p.

Rodrigues C., Schmidt H. 2021. How the Creative Class Co-creates a City's Brand Identity: A Qualitative Study. – *Journal of Creating Value*. No. 7 (1). P. 19–43.

Sandercock L. 2023. *Mapping Possibility: Finding Purpose and Hope in Community Planning*. London: Routledge. 300 p.

Sandercock L. 2024. Reimagining the soul of urban planning. – *Nature Cities*. Vol. 1. P. 5–6.

Sepe M. 2013. *Planning and Place in the City. Mapping place identity*. Abingdon: Routledge. 233 p.

Wilson P. 2019. *The Heart of Community Engagement: Practitioner Stories from Across the Globe*. New York: Routledge. 264 p.

Zenker S. 2014. An integrative theoretical model for improving resident-city identification. – *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 46. P. 715–729.

Козлова Наталия, Рассадин Сергей

Депотенцирование городского политического пространства в контексте конфликтологической парадигмы (на материалах города Твери)

Козлова Наталия Николаевна –

Тверской государственный университет, заведующая кафедрой политологии, доктор политических наук, Тверь, Россия

Для связи с автором:

tver-rapn@mail.ru

Рассадин Сергей Валентинович –

Тверской государственный университет, доцент кафедры политологии, кандидат философских наук, Тверь, Россия

Для связи с автором:

s_r08@mail.ru

Для цитирования:

Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Депотенцирование городского политического пространства в контексте конфликтологической парадигмы (на материалах города Твери) // Публичная политика. 2023. Т. 7. № 1–2. DOI: 10.31856/2541-8351_2023_7_1–2_47

Аннотация

Авторы рассматривают трансформацию политического поля в городе Твери с начала 1990-х гг. до современного этапа, выявляют тренд на снижение уровня открытости политических конфликтов в Твери, выделяют факторы, детерминирующие данный процесс.

Ключевые слова: городская политика, политические конфликты, политические партии, депутатский корпус, реформа местного самоуправления, вертикаль власти.

Kozlova Natalia, Rassadin Sergey

Depotentialization of urban political space in the context of the conflictological paradigm (based on the materials of Tver)

Kozlova Natalia N. –

Tver State University, Head of the Department of Political Science, Doctor of Political Science, Tver, Russia

To contact the author:
tver-rapn@mail.ru

Rassadin Sergey V. –

Tver State University, Associate Professor of the Department of Political Science, Candidate of Philosophical Sciences, Tver, Russia

To contact the author:
s_r08@mail.ru

Abstract

The authors consider the transformation of the political field in Tver from the early 1990s to the present stage, identify a trend towards a decrease in the level of openness of political conflicts in Tver, identify the factors determining this process.

Keywords: urban politics, political conflicts, political parties, deputies, local government reform, vertical of power.

В экспертном сообществе сложилась традиция рассматривать города как институты народовластия, инноваций и центры связанных с данными процессами конфликтов. Р. Даль отмечает связь полиса/города с демократией: «Для греков единственным мыслимым лоном (site) демократии был, конечно же, полис, город-государство» [Даль 2003: 9]. З. Бауман пишет, что «на всем протяжении своей истории города были площадками непрерывных и стремительных изменений», определяя современный город «как массовую индустрию незнакомцев» [Бауман 2008: 24, 26]. В.В. Ильин и др. указывают на то, что «вопреки протестам альтернативной (негородской) цивилизации урбанизм набирает обороты, выполняет универсально значимые социализационные, культурные, образовательные, информационные, управленческие функции», при этом представляя собой направленно-ненаправленную трансляцию хаоса в виде «горячих» беспорядков в Марселе, Афинах и т. д. [Ильин, Кокоева, Родин, Шимко 2023: 23]. В зарубежном социально-гуманитарном знании сложилось несколько школ, подходов к анализу городских политических конфликтов [Davies 2003; Stoker, Mossberger 2001; Stone 2005]. В советский период отечественной истории основной акцент ставился на классовых, трудовых, этнических конфликтах, проблеме «город – деревня» при игнорировании роста общественно-политической напряженности в городах. К проблематике городских конфликтов российские исследователи обратились в постсоветский период. Согласимся с О.Б. Ивановым, что «городские конфликты как относительно новый для российской реальности тип социальных конфликтов являются еще недостаточно изученными» [Иванов 2020: 100]. В современной отечественной политологической историографии актуализируется методология, рассматривающая городские конфликты в рамках городских режимов [Аксенов 1993; Ледаев 2008; Ледаев 2010; Пустовойт 2018; Пустовойт 2019; Таболин 2023].

На примере различных городов России исследователи проанализировали виды, этапы, субъектов политических конфликтов в городах. Н.В. Борисова рассматривает городские политические режимы Перми и Пермского края как пространства символической политики [Борисова 2010]; А.Г. Большаков затрагивает политические конфликты между органами местного самоуправления и органами государственной власти на материалах Республики Татарстан [Большаков 2004]; С.Н. Шкель подвергает анализу политический потенциал ассамблей в малых городах Республики Башкортостан [Шкель 2018]; Р.И. Петрова акцентирует фокус исследования на конфликтах в Нижегородской области, Тюмени, Екатеринбурге [Петрова 2017]; А.В. Глухова, А.И. Кольба, А.В. Соколов эксплицируют стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов в крупных региональных центрах – Воронеже, Краснодаре и Ярославле [Глухова, Кольба, Соколов 2021; Кольба 2020].

Объектом научного анализа являются не только причины, виды, сценарии отдельных конфликтов, но и противоречия, складывающиеся в результате отдельных реформ на протяжении 1990–2000-х гг., затрагивающие систему местного самоуправления [Незнамова 2009; Петрова 2014; Слатинова, Меркулова 2014]. В частности, переход к институту сити-менеджера в российских городах позволил В.Г. Ледяеву и А.Е. Чириковой выделить четыре разных типа (варианта) взаимодействия ветвей публичной власти: (1) «доминирование на основе принуждения», (2) «скрытое манипулирование», (3) «доминирование на основе торга», (4) «доминирование в условиях противостояния» [Чирикова, Ледяев 2015]. В последние годы основным фокусом исследований являются сценарии развития городских локальных конфликтов, связанных с экологией, дорожной инфраструктурой, градостроительной политикой и пр. [Семенов, Шевцова, Бедерсон 2018; Тыканова 2016; Argenbright 2016]. В данном ракурсе был реализован исследовательский проект ФНИСЦ РАН «Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России» (2021), в котором представлен анализ городских локальных конфликтов в российских городах-миллионниках (Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде и Казани) [Города расходящихся улиц... 2021]. И.Р. Медведев в своем исследовании анализирует стратегии разрешения городских конфликтов, возможности горожан отстаивать свое «право на город», на культурное наследие [Медведев 2017].

Обратимся к анализу политических конфликтов в городе Твери со второй половины 1980-х гг. по настоящий момент с целью выявить стадии, основные акторы политического противостояния, а также факторы, потенцирующие политическое пространство города. Авторы рассматривают публичные конфликты как признак высокого конкурентного потенциала политической системы. В ходе исследования городского политического конфликтогенного пространства Твери можно указать на следующие виды конфликтов, которые хронологически сменяли друг друга, но в отдельные периоды времени отчасти сопрягались между собой:

1) противоречия между неформальными инициативными группами («неформалитетом») и органами партийной и советской власти («совпартохозактивом»);

2) противостояние внутри системы Советов, а также между советскими и партийными органами;

3) противоречия внутри депутатского корпуса Тверской городской думы;

4) противоречия между городской думой Твери и администрацией Твери;

5) конфликты между городской и областной властью;

6) противоречия между городской/областной властью и частью ответственности Твери.

История современных политических городских конфликтов в Калинин/Твери начинается в период перестройки с появления созданных снизу неформальных, независимых от институтов власти, сформированных вокруг конкретного общественного проекта, объединений. Эксперты определяют «неформалитет» как нетрадиционную форму «проявления социально-политической активности населения, возникшей в период перестройки, прямого участия наиболее активных групп населения в общественном процессе посредством включения в сферу своих интересов широкого спектра проблем и использования любых легальных средств для их разрешения» [Алешина 2003: 19]. На фоне общесоюзного тренда возвращения городам, улицам и пр. исторических имен в 1988 г. в Калинин инициативная группа горожан «Возвращение» начала будировать вопрос о переименовании Калинина в Тверь – название, которое город носил до 1931 г.¹ Глава Калининской/Тверской области (1987–1995) В.А. Суслов вспоминает: «Начало движению по возвращению первоначальных имен старинным русским городам положили яркие личности. В конце 80-х годов по этому поводу выступали академик Дмитрий Лихачев, историк и публицист Рой Медведев, наши знаменитые земляки, писатели Борис Полевой, Петр Дудочкин, другие известные люди. Потом этот процесс затронул и само население. У нас в Твери образовалась инициативная группа из активных людей, которые начали формировать общественное мнение. Это журналист Борис Ершов, преподаватель университета Юрий Шарков, многие краеведы, деятели науки и культуры. Они выступали в наших местных газетах, проводили опросы населения. В первый День города Калинина в 1987 году было собрано около 20 тысяч подписей в поддержку переименования»². Сотни активных участников формировали общественное мнение в пользу возвращения городу исторического имени, популяризировали свои идеи через СМИ, митинги, вовлекая в общественно-политический процесс советских граждан³. Исследователь и представитель тверского неформалитета И.Н. Алешина отмечает «обостренное чувство обособленности и инаковости, присущее неформальному менталитету», которое способствовало его политизации на этапе выборов народных депутатов СССР и РСФСР 1989–1990 гг. [Алешина 2003: 20]. На фоне углубления процессов перестройки, размежевания политических сил в стране постепенно нарастала конфронтация неформалов с властью. После переименования Калинина

¹ Инициативная группа «Возвращение». 1988. – *Архивы Тверской области*. URL: <https://archives.tverreg.ru/infres/-/archive/gato/R-1978> (дата обращения: 15.10.2023).

² 30 лет назад Твери вернули историческое имя. 2020. – *ТИА Новости*. URL: <https://tvernews.ru/news/260593/> (дата обращения: 15.10.2023).

³ Всем миром мы вернули Тверь! 2020. – *Караван Ярмарка*. URL: <https://www.karavantver.ru/vsem-mirom-my-vernuli-tver/> (дата обращения: 10.10.2023).

в Тверь 17 июля 1990 г. разногласия между данными субъектами затронули широкий спектр вопросов будущего политического развития страны. В политических целях и деятельности неформалов отразилось стремление к контролю и охране проводимых реформ [Алешина 2003: 17]. В результате выборов в местные советы 4 марта 1990 г. произошло вхождение представительской части неформальных организаций в депутатский корпус органов власти, их слияние с другими представителями продемократических структур, что завершило этап активного существования тверских неформальных организаций как политической силы [Алешина 1998]. Таким образом, альтернативная официальной партийно-советской форме активность граждан способствовала обоснованию локального тверского интереса, его манифестации в публичном поле, обозначив субъектность неформалов как одного из участников политического процесса, способных противопоставить себя власти. С опорой на труды А.Ю. Сунгурова можно утверждать, что неформалы являлись прототипом будущих центров публичной политики [Сунгуров 2007].

Вторым видом/этапом развития политического противостояния в Твери стали конфликты между партийными и советскими органами, а также расколы внутри депутатского корпуса. Данные противоречия возникли в контексте реализации задач, поставленных генеральным секретарем ЦК КПСС на XXVII съезде КПСС: М.С. Горбачев декларировал, что «партия перегружена хозяйственными, административными делами» [Горбачев 1987]. Инициированная XIX партийной конференцией 1988 г. политическая реформа была направлена на реорганизацию системы Советов – они должны были обрести полновластие (лозунг «Вся власть Советам!»), выйдя из-под опеки партийных органов, и вместе с тем изменить свою организационную структуру с целью обеспечения приоритета масс в лице депутатского корпуса над исполнительной властью. Согласно концепции реформы, партия отказывалась от сложившихся форм контроля за Советами – ликвидировала отраслевые отделы, не подбирала кандидатуры депутатов в Советы и т. д. В то же время экспертное сообщество и общественность обсуждали целесообразность реализации инициативы М.С. Горбачева о занятии должности председателя местного совета первым секретарем соответствующего партийного органа [Курашвили 1988: 29; Ильинский 1988; Жилинский 1989]. На уровне верховной власти (республик и Союза СССР) был создан институт съездов народных депутатов, а в районных, городских и областных советах предусматривалось создать президиумы с председателями Советов во главе, которые и должны были взять на себя работу с активным депутатским корпусом. Контроль за исполнительной властью предполагалось осуществлять также посредством введения ограничения на занятие выборных должностей в Советах двумя сроками подряд и запрещения членам исполкома и руководителям отделов Совета совмещать

депутатские обязанности с государственной службой [Колюшин 1988; Слива 1990]. В качестве целей политической реформы также были заявлены улучшение работы сессий Советов, расширение спектра рассматриваемых вопросов, выдвижение альтернативных кандидатур руководителей структурных подразделений Советов и т. п.

Реализация данных реформ проходила в условиях политизации массового сознания. В частности, на выборах в местные Советы 4 марта 1990 г. в Калининском округе на одно депутатское место претендовало более шести кандидатов. По итогам выборов расстановка сил в Калининском горсовете сложилась следующая: из 400 депутатов 55 % придерживались консервативной ориентации в рамках коммунистического спектра, 15 % народных избранников заявляли о центристских позициях в КПСС, 25 % депутатов манифестировали приверженность радикальным демократическим реформам, 5 % представительного корпуса можно обозначить в качестве аморфной политической массы [Козлова 1998: 180]. В Калининском горсовете образовалась фракция демороссов, деятельность которых блокировала принятие решений консервативным партийным большинством. Паралич местной власти обозначился с самого начала: с марта до июня 1990 г. продолжались выборы главы Калининского горсовета. На протяжении работы данного депутатского корпуса до осени 1993 г. народные избранники активно вмешивались в деятельность исполкома, выходя иногда за пределы своей компетенции; они постоянно критиковали главу местного совета, первого секретаря Калининского горкома С.Л. Киселева, полагая, что совмещение им партийной и советской должности не дает возможности советам избавиться от опеки КПСС. На фоне ситуации в местных советах Калининской/Тверской области депутатский корпус региональной столицы выглядел крайне политизированным, его работа сопровождалась постоянными политическими конфликтами [Козлова 2009: 106–118].

После принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 г. система местных органов власти существенно изменилась. В результате выборов 20 марта 1994 г. сформировался новый представительный орган местного самоуправления – Тверская городская дума (далее – ТГД). Численность депутатского корпуса существенно сократилась – с 400 до 33 человек, в составе первого созыва насчитывалось 15 депутатов, которые работали в здании городской администрации. Согласно Уставу Твери, предусматривалась ротация депутатов: выборы по четным и нечетным округам должны были проходить с интервалом в два года. Данная схема снижала конфликтность внутри депутатского корпуса, поскольку вновь избранные депутаты кооптировались в уже отлаженный механизм работы тех народных избранников, которые были выбраны в предыдущие два года и продолжали свою работу далее. Как отмечают и сами депутаты, и эксперты, в первый созыв ТГД, в период «политического

романтизма» и «политического взросления», вошли яркие личности, стремящиеся активно работать на благо города, они отказывались от депутатских льгот⁴. В «Декларации Тверской городской думы», своего рода политическом манифесте ТГД, было указано, что «решения Тверской городской думы, принятые в пределах ее полномочий, обязательны для исполнения всеми находящимися на территории города государственными и муниципальными органами и общественными организациями, предприятиями и учреждениями независимо от форм собственности, должностными лицами и гражданами города»⁵. Основные конфликты внутри депутатского корпуса, а также между представительным и распорядительным органом возникали вокруг проблемы недостаточности финансовой обеспеченности местного самоуправления, разрывом между возлагаемыми на него полномочиями и их ресурсным обеспечением. Собственно политических расколов в ТГД не было: в первом созыве не было ни одного коммуниста⁶. Первые решения Думы касались частных вопросов – выплата детских пособий, работа общественного транспорта и т. д. В своем желании сделать жизнь горожан лучше, рассматривая себя как первую демократически избранную представительную власть, депутаты вступали в конфликты с городской администрацией, нередко превышая свои полномочия. В частности, ТГД приняла решение о бесплатном проезде пенсионеров на городском транспорте, о запрете отправлять тверских призывников и молодых солдат в Чечню и др. Первый председатель ТГД В. Матыцин вспоминает: «Мы очень хотели сделать проезд на городском транспорте бесплатным для всех пенсионеров... Но Дума сама не могла принять такое решение в силу действующего законодательства. Поэтому мы сказали главе, что если он не примет соответствующего решения, то мы сами его примем, хотя понимаем, что оно будет не совсем законным. Но потом уже он будет с нами судиться и сам объяснять пенсионерам, почему он не хочет дать им бесплатный проезд. Это вызвало шок у администрации города, и на одном из ближайших заседаний Александр Петрович Белоусов сообщил, что решение принято»⁷. При этом,

⁴ 25 лет назад в Твери прошло первое заседание Тверской городской думы. 2019. – *ТИА Новости*. URL: <https://tvernews.ru/news/242811/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁵ Румянцева Т. Первая Дума Твери: Горожанин всегда прав, обостренное чувство справедливости и конвертики на случай трудностей. 2019. – *Комсомольская правда. Тверь*. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/26985/4045531/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁶ Тверской городской думе – 25 лет. 2019. – *Афанасий Бизнес*. URL: <https://www.afanasy.biz/news/society/137993> (дата обращения: 12.10.2023).

⁷ Румянцева Т. Первая Дума Твери: Горожанин всегда прав, обостренное чувство справедливости и конвертики на случай трудностей. 2019. – *Комсомольская правда. Тверь*. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/26985/4045531/> (дата обращения: 12.10.2023).

как заявляли депутаты, несмотря на конфликтность, все стороны сохраняли добрые и хорошие отношения⁸.

Однако отдельные решения депутатов привлекли внимание правоохранительных органов: уголовное дело в отношении председателя и ряда депутатов ТГД областной прокуратурой было возбуждено 13 марта 2006 г. по факту получения взяток депутатами городской думы за лоббирование интересов тех или иных финансовых групп. Местные СМИ сообщили, что «сумма взятки составила \$ 1000 каждому депутату за “правильное” голосование по внесению изменений в решение ТГД № 109 от 24.11.2005 г. “О введении на территории города системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности» (необоснованное повышение коммунальных платежей)»⁹. В итоге тринадцать депутатов ТГД получили сроки лишения свободы от двух лет и выше. Среди осужденных депутатов были представители партий «Единая Россия», «Родина» и КПРФ. Как утверждал заместитель прокурора Тверской области, старший советник юстиции О.П. Виноградов: «В уголовном деле в отношении депутатов Тверской городской думы политической подоплеки нет»¹⁰, однако уголовный процесс привел к серьезному политическому кризису в Твери: «Тверь оказалась без власти, оставшиеся депутаты – в состоянии растерянности и подавленности»¹¹. Поскольку часть депутатского корпуса, председатель ТГД, а также глава Твери О.С. Лебедев были отправлены в места лишения свободы¹², то в октябре 2008 г. состоялись выборы 17 депутатов в новый состав ТГД и был поднят вопрос о совершенствовании системы управления городом.

⁸ 25 лет назад в Твери прошло первое заседание Тверской городской думы. 2019. – *ТИА Новости*. URL: <https://tvernews.ru/news/242811/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁹ Депутатов Тверской городской думы посадили. 2008. – *ТИА Новости*. URL: <https://tvernews.ru/news/100994/> (дата обращения: 12.10.2023); Игра в паровозик в Тверской городской думе: кто следующий? Тверские СМИ за неделю. 2006. – *Регнум*. URL: <https://regnum.ru/article/617029> (дата обращения: 12.10.2023).

¹⁰ В деле в отношении депутатов ТГД политической подоплеки нет, мнение. 2006. – *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20060405/45342369.html> (дата обращения: 12.10.2023).

¹¹ Ставровский М. Письмо читателя: нужна ли жителям такая городская власть? 2012. – *Вече Твери*. <https://ks-region69.com/differe nt/7485-2012-09-12-14-51-22/> (дата обращения: 12.10.2023).

¹² Вступил в законную силу приговор Тверского областного суда в отношении главы города Твери Лебедева О.С. 2009. – *Афанасий Бизнес*. URL: <https://www.afanasy.biz/news/society/7534> (дата обращения: 12.10.2023).

Таблица 1

Итоги выборов в ТГД 12 октября 2008 г.¹³

№ п/п	Политическая партия	Процент поданных за партию голосов	Количество полученных мандатов
1	«Единая Россия»	49,04 %	9
2	КПРФ	31,5 %	6
3	ЛДПР	9,43 %	1
4	«Справедливая Россия»	7,84 %	1

Данные *табл. 1* отражают высокий уровень политической напряженности на муниципальных выборах в ТГД, которая привела к политическому конфликту в 2008 г., связанному с изменением Устава Твери – реформированием избирательной системы и трансформацией управленческой модели города: избранием главы Твери из числа депутатов Думы, а не прямым голосованием жителей; назначением по конкурсу главы городской администрации (сити-менеджера); введением пропорциональной системы выборов депутатов представительного органа власти. Таким образом, складывалась система двоевластия в Твери: глава города, избранный депутатским корпусом, и глава администрации города, избранный по конкурсу с участием народных избранников. Кардинальная трансформация городской власти порождает различные оценки со стороны политического и журналистского сообщества. Заместитель председателя Тверской городской думы С. Аксенов комментировал реформу следующим образом: «Люди должны понять, что мы хотим отделить политика (главу города) от хозяйственника (сити-менеджера)»¹⁴. Журналист «Караван+» Е. Титов утверждал, что «целью московских пиарщиков под предводительством заместителя губернатора Владимира Пызина было окончательно отстранить от всякого участия в принятии решений жителей Твери... сделать “промосковское” большинство в городской думе»¹⁵.

¹³ Постановление от 14.10.2008 № 01-07/119 «О результатах выборов депутатов Тверской городской думы». 2008. – *Архив Тверской области*. URL: <https://tvergov.ru/doc/11112> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁴ Загарских Ю. Назначить нельзя выбирать. 2008. – *Избирательная комиссия Тверской области*. URL: <http://www.tver.izbirkom.ru/content/6028/> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁵ Титов Е. Вотум недоверия. 2008. – *Избирательная комиссия Тверской области*. URL: <http://www.tver.izbirkom.ru/content/5956/> (дата обращения: 10.10.2023).

В Твери было инициировано публичное обсуждение проекта Устава на предприятиях и организациях областного центра. В целом с момента принятия новой редакции в первом чтении в городскую думу поступило 278 поправок¹⁶. Острые дискуссии вокруг устава, иски в судебные инстанции¹⁷, обращения в прокуратуру¹⁸ дают возможность отследить основные линии политическо-го разлома в городском пространстве Твери¹⁹: противоречия по партийно-идеологическому спектру, между ТГД и администрацией Твери, между городской и областной властью, между элитарными группами Твери и региона.

Изменения в Устав города были приняты на заседании Тверской городской думы 3 декабря 2008 г. с перевесом в один голос. Согласно новому Уставу Твери 2008 г., конфигурация МСУ выстраивалась следующим образом: Тверская городская дума – представительный орган муниципального образования; глава города Твери – высшее должностное лицо муниципального образования; администрация города Твери – исполнительно-распорядительный орган муниципального образования²⁰. По новому Уставу глава города Твери избирается Тверской городской думой из своего состава не менее 1/2 голосов депутатского корпуса и осуществляет свою деятельность на постоянной оплачиваемой основе, главой администрации Твери является лицо, назначаемое на должность Тверской городской думой по результатам конкурса на замещение указанной должности на срок полномочий Тверской городской думы²¹. Таким образом, к 2008 г. федеральная политика укрепления «вертикали власти» дошла до муниципального уровня: при отсутствии право-

¹⁶ Авдеева С. Политмутанты: Тверью рулит двухголовое начальство. 2009. – *Свободная Пресса*. URL: <https://svpressa.ru/society/article/8569/> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁷ Решение Центрального районного суда города Твери от 07.04.2008 по делу № 2-2126/08 Об удовлетворении заявления о признании недействующей части 2 статьи 68 Устава города Твери в части проведения в 2008 году выборов в ТГД по всем 33 округам. 2008. – *Решения и определения судов*. URL: <https://resheniya-sudov.ru/2008/105531/> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁸ В суд направлено заявление о признании Устава города Твери противоречащим закону. 2011. – *ТИА Новости*. URL: <https://tvernews.ru/news/66408/> (дата обращения: 15.10.2023); По требованию прокуратуры суд признал противоречащими закону отдельные положения Устава города Твери. 2011. – *Афанасий Бизнес*. URL: <https://www.afanasy.biz/news/society/3058> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁹ Нужен ли Твери новый Устав? 2008. – *Избирательная комиссия Тверской области*. URL: <http://www.tver.izbirkom.ru/content/6091/> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁰ Устав города Твери 03.12.2008. 2008. – *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/441667461> (дата обращения: 15.10.2023).

²¹ Там же.

вых оснований для вмешательства в работу МСУ (согласно ст. 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти) переход на пропорциональную систему выборов депутатского корпуса и разделения должностей главы города и главы администрации города в перспективе должны были позволить партии власти контролировать систему местного самоуправления. Одновременно в политическом конфликте вокруг Устава Твери в 2008 г. проявилась и тенденция московизации тверского политического пространства: с 2003 г. губернатором Тверской области являлся москвич Д.В. Зеленин, который курировал региональное отделение «Единой России», стремился контролировать муниципальные образования, предложил московского кандидата на должность главы администрации Твери. Данная политическая схема в конечном счете была доведена до своего логического конца при определенной «ложке дегтя». Политический конфликт вокруг нового Устава Твери отрицательно повлиял на рейтинг «партии власти», которая на выборах 16 депутатов ТГД 1 марта 2009 г. получила меньше голосов избирателей, чем в октябре 2008 г. (табл. 2)

Таблица 2

Итоги выборов в ТГД 1 марта 2009 г.²²

№ п/п	Политическая партия	Процент поданных за партию голосов	Количество полученных мандатов
1	КПРФ	49,18 %	10
2	«Единая Россия»	29,44 %	5
3	ЛДПР	9,25 %	1
4	«Справедливая Россия»	5,70 %	–
5	«Союз народных депутатов»	2,81 %	–

С учетом результатов осенних выборов численность фракций «Единой России» составила 14 мандатов, КПРФ – 16 мандатов, ЛДПР – 2, а «Справедливой России» – 1²³. Несмотря на данные обстоятельства,

²² Алексеева И. Муниципальные выборы: итоги подведены. 2009. – *Избирательная комиссия Тверской области*. URL: <http://www.tver.izbirkom.ru/content/6407/> (дата обращения: 12.10.2023).

²³ Радж Н. Кого выбрали горожане и жители области. 2009. – *Избирательная комиссия Тверской области*. URL: <http://www.tver.izbirkom.ru/content/6402/> (дата обращения: 12.10.2023).

с перевесом в один голос 12 мая 2009 г. главой администрации Твери был избран первый заместитель губернатора Тверской области В.Б. Толоко²⁴, что дало возможность местным СМИ написать, что «губернатор Тверской области Дмитрий Зеленин получает наконец полноценный контроль над городом, а перманентная бюджетная война между городскими чиновниками и областной администрацией завершилась полной победой команды губернатора»²⁵.

К концу 2009 г., по мнению главы Твери В.И. Бабичева, существенно снизился конфликтный потенциал депутатского корпуса: «то политическое противостояние, которое наблюдалось вначале, быстро сошло на нет», «удалось сбалансировать работу представительной и исполнительной ветвей власти», «никаких экономических, социальных или политических бурь в городе Твери, я надеюсь, не будет»²⁶.

Однако политическое противостояние двух крупных фракций в ТГД – «Единой России» и КПРФ – блокировало решение об изменении Устава Твери в соответствии с федеральным законодательством. Поскольку народные избранники не смогли прийти к консенсусу по вопросам системы выборов депутатов в городскую думу и главы города, то Законодательное собрание Тверской области 23 июля 2012 г. приняло решение о роспуске ТГД²⁷. Таким образом, новый виток политического конфликта внутри городской думы был связан со следующим избирательным циклом в ТГД, поиском новой электоральной формулы. Интерес к выборам проявил и новый (с 2011 г.) губернатор Тверской области А.В. Шевелев, который изъявил желание возглавить список партии на предстоящих выборах в представительный орган Твери²⁸. Помимо первого лица региона в выборах в ТГД, в первую тройку кандидатов по партийному списку «Единой России» входили «политические тяжеловесы» – депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель

²⁴ Василий Толоко стал сити-менеджером с перевесом в один голос. 2009. – *Тверь Digest*. URL: <https://otveri.info/2009/05/vasilyi-toloko-stal-siti-menedzherom-s-10/> (дата обращения: 12.10.2023).

²⁵ Авдеева С. Политмутанты: Тверью рулит двухголовое начальство. 2009. – *Свободная Пресса*. URL: <https://svpressa.ru/society/article/8569/> (дата обращения: 10.10.2023).

²⁶ Лазуткина Е. Первый прошел эффективно. 2009. – *Афанасий Бизнес*. URL: https://www.afanasy.biz/pdf/2009/42/07_42.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

²⁷ Тверская городская дума: история и современность. 2022. – *Официальный сайт Тверской городской думы*. URL: <https://www.tverduma.ru/history/> (дата обращения: 10.10.2023).

²⁸ Губернатор Андрей Шевелев будет участвовать в выборах в Тверскую городскую думу. 2012. – *Твериград*. URL: <https://tverigrad.ru/publication/gubernator-andrej-shevelev-budet-uchastvovat-v-vyborax-v-tverskuyu-gorodskuyu-dumu/> (дата обращения: 12.10.2023).

председателя Государственной Думы России IV созыва, председатель комитета Государственной Думы по безопасности (2004–2011), заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации (1999–2001) В.А. Васильев и популярный у горожан, освободившийся из мест лишения свободы, бывший мэр Твери О.С. Лебедев²⁹.

Выборы в ТГД 14 октября 2012 г. проходили по смешанной (мажоритарно-пропорциональной) системе в соответствии с внесенными 28 мая 2012 г. изменениями в Избирательный кодекс Тверской области при участии значительного количества политических сил – 12 политических объединений получили место в избирательном бюллетене (табл. 3). Явка на выборах составила 24,16 %.

Таблица 3

Итоги выборов в ТГД 14 октября 2012 г.³⁰

№ п/п	Политическая партия	Процент поданных за партию голосов	Количество полученных мандатов
1	«Единая Россия»	41,30 %	9
2	КПРФ	18,72 %	4
3	«Справедливая Россия»	17,82 %	4
4	«Яблоко»	4,77 %	–
5	ЛДПР	4,03 %	–
6	«Зеленые»	3,83 %	–
7	Недействительные бюллетени	2,72 %	–
8	«Патриоты России»	2,01 %	–

²⁹ О распределении депутатских мандатов внутри муниципальных списков кандидатов, допущенных к распределению депутатских мандатов на досрочных выборах депутатов Тверской городской думы 14 октября 2012 г. 2012. – *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/441664536> (дата обращения: 12.10.2023).

³⁰ 14 октября 2012. Досрочные выборы депутатов Тверской городской думы. 2012. – *INFO.VYBORY.PRO*. URL: https://info.vybory.pro/poisk-vyborov/rezultaty-vyborov?election_id=46942201044827&level_elect=3&group=6&mark2=3791580 (дата обращения: 12.10.2023).

9	Коммунистическая партия социальной справедливости	1,81 %	–
10	«Коммунисты России»	1,76 %	–
11	Союз горожан	0,64 %	–
12	Демократическая партия России	0,29 %	–
13	Народная партия России	0,28 %	–

По всем 16 одномандатным округам победили представители «Единой России», формируя, таким образом, партийную фракцию численностью 25 человек, которые проголосовали за нового главу Твери директора Тверского колледжа имени А.Н. Коняева А.Б. Корзина. В связи со сменой губернатора в Тверской области в 2011 г. ушел с должности главы администрации Твери В.Б. Толоко, его место в 2012 г. занял местный политик, глава города в 1996–2000 гг. В.М. Павлов³¹, а в 2014 гг. – кандидат, предложенный губернатором Тверской области, глава Западнодвинского района Ю.В. Тимофеев³². В рамках процедуры открытого голосования против Ю.В. Тимофеева выступили представители оппозиции, но их голоса не могли повлиять на конечный результат. Таким образом, административно-кадровая вертикаль Твери и Тверской области была восстановлена. Снижение уровня конфликтности внутри ТГД VII созыва (2012–2017) позволили депутатскому корпусу разработать и принять значительный объем проектов – Генеральный план Твери, Правила благоустройства, Стратегию развития Твери до 2030 г. и др. Время Ю.В. Тимофеева, обозначенное тверскими СМИ как «ломать и строить»³³, привело к росту напряженности в отношениях с местными бизнес-структурами³⁴ и закончилось

³¹ Орлова М. Валерий Павлов – новый сити-менеджер Твери. 2012. – *Караван Ярмарка*. URL: <https://www.karavantver.ru/gazeta-3332/> (дата обращения: 15.10.2023).

³² Главой администрации Твери стал Юрий Тимофеев. 2014. – *Твериград*. URL: <https://tverigrad.ru/publication/glavojj-administracii-tveri-stal-yurijj-timofeev-2/> (дата обращения: 15.10.2023).

³³ Два с половиной года войны Юрия Тимофеева. 2016. – *Твериград*. URL: <https://tverigrad.ru/publication/dva-s-polovinojj-goda-vojnny-yuriya-timofeeva/> (дата обращения: 15.10.2023).

³⁴ Кузьмина К. Год Юрия Тимофеева, четыре года – губернатора Шевелева: есть ли будущее? 2015. – *Караван Ярмарка*. URL: <https://www.karavantver.ru/news-15830/> (дата обращения: 15.10.2023).

при смене первого лица региона в 2016 г., когда на пост главы области был избран москвич, губернатор-«варяг» И.М. Руденя.

На период работы ТГД VII созыва пришлось очередное изменение Устава Твери, согласно которому город возвращался к «одноголовой» системе управления: глава Твери отныне возглавлял не представительный, а исполнительный орган местной власти³⁵. Трансформация нормативно-правового акта была вызвана необходимостью приведения документа в соответствие с требованиями Закона Тверской области от 29.04.2015 № 30-30 «О внесении изменений в Закон Тверской области “Об отдельных вопросах формирования представительных органов муниципальных районов Тверской области и избрания глав муниципальных образований Тверской области”». В редакции Решения ТГД № 180 от 19 августа 2015 г. статья 36 Устава Твери звучала следующим образом: «Глава города Твери является выборным высшим должностным лицом города Твери, возглавляет администрацию города Твери и наделяется настоящим Уставом собственными полномочиями по решению вопросов местного значения... 2. Глава города Твери избирается Тверской городской думой из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса в порядке, установленном решением Тверской городской думы, и осуществляет свою деятельность на постоянной оплачиваемой основе»³⁶.

Таким образом, статус главы депутатского корпуса оказался ниже, чем главы административного органа МСУ, что снижало политико-символический капитал ТГД. Конкурсная комиссия, которая выбирала главу города, предполагала значительное влияние регионального административного ресурса, так как состав комиссии на 50 % формировался из представителей депутатского корпуса и на 50 % делегировался региональной властью. Поскольку глава города считался избранным лицом, снять его представительным органом юридической возможности не было. Как справедливо отметил один из тверских экспертов: «Свой сити-менеджер был у губернатора Зеленина, свой – у Шевелева, свой скоро будет у Рудени, но никогда – у Тверской городской думы»³⁷.

³⁵ Контрреволюция: Тверь прощается с «двуглавой» системой управления. 2015. – *МК в Твери*. URL: <https://tver.mk.ru/articles/2015/07/01/kontrevolyuciya-tver-proshhaetsya-s-dvuglavoy-sistemoy-upravleniya.html> (дата обращения: 15.10.2023).

³⁶ Тверская городская дума. Решение от 19.08.2015 № 180 «О внесении изменений и дополнений в Устав города Твери» (утратило силу – Решение Тверской городской думы г. Твери от 23.01.2019 № 2). 2015. – *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=117039761&backlink=1&&nd=117127881> (дата обращения: 12.10.2023).

³⁷ Два с половиной года войны Юрия Тимофеева. 2016. – *Твериград*. URL: <https://tverigrad.ru/publication/dva-s-polovinojj-goda-vojnny-yuriya-timofeeva/> (дата обращения: 15.10.2023).

Губернатор Тверской области И.М. Руденя проявил интерес к выборам ТГД VIII созыва в 2017 г. и возглавил список единороссов на выборах в гордуму Твери: «Столица должна развиваться более динамично, по уровню комфорта и по уровню инфраструктуры, образования, здравоохранения она должна быть лидером в Тверском регионе. Тверская городская дума – это идеологи, которые будут формировать и развивать эти направления»³⁸. Выборы в ТГД VIII созыва проходили по мажоритарно-пропорциональной системе (табл. 4).

Таблица 4

Итоги выборов в ТГД 11 сентября 2017 г.³⁹

№ п/п	Политическая партия	Процент поданных за партию голосов	Количество полученных мандатов
1	«Единая Россия»	44,15 %	9
2	КПРФ	14,07 %	3
3	«Родина»	10,73 %	2
4	«Справедливая Россия»	9,62 %	2
5	ЛДПР	8,01 %	1
6	Против всех	5,32 %	–
7	Российская партия пенсионеров	2,93 %	–
8	«Яблоко»	2,81 %	–

Явка на выборах снизилась до 19,75 % избирателей. Как известно, снижение явки на выборах в экспертной среде квалифицируется как падение интереса к конкретным политическим институтам, обусловленного различными факторами – уровнем ресурсообеспеченности, автономности, легитимности и т. д. [Доверие как критический фактор... 2021: 12]. Еще одним критерием снижения показателя интереса к представительному органу МСУ

³⁸ Руденя возглавил список «Единой России» на выборах депутатов гордумы Твери. 2017. – *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20170718/1498693148.html> (дата обращения: 15.10.2023).

³⁹ Баранов Г. Выборы в Тверскую городскую думу: итоги. 2017. – *Вече Твери*. <https://ks-region69.com/easyblog/44438-vy-bory-v-tverskuyu-gorodskuyu-dumu-itogi/> (дата обращения: 15.10.2023).

являются данные протестного голосования, в исследуемом случае процент поданных против всех голосов составил 5,32. Поскольку по 16 одномандатным округам победу одержали кандидаты от «Единой России», сформировав фракцию из 25 депутатов в противовес совокупности депутатов от оппозиции численностью 8 мест, то 5 октября 2017 г. на пост председателя Тверской городской думы был избран кандидат от «Единой России», главврач поликлиники Тверского медицинского университета Е.И. Пичуев. Альтернативная кандидатура от КПРФ С. Шишкова не была поддержана депутатским корпусом⁴⁰.

Главой Твери был избран А.В. Огоньков, занимавший должность главы администрации Твери с сентября 2016 г.⁴¹ В дискурсе главы города обозначены задачи, поставленные областной властью, что дает основания говорить о дальнейшем укреплении вертикали власти и размывании локального (городского) политического режима: «Губернатор Игорь Михайлович Руденя ставит перед нами амбициозные цели – вывести регион на лидирующие позиции в Центральном федеральном округе. Город Тверь должен стать в этой работе локомотивом и примером для всего региона. Для этого каждому необходимо работать в высшей степени эффективно и профессионально, применяя весь свой опыт и потенциал. Именно на это должна настраиваться новая команда администрации»⁴². Второй срок губернатора И.М. Рудени, который был избран в сентябре 2021 г., способствовал консервации схемы управления Тверью. В январе 2021 г. прекратили свою деятельность департамент архитектуры и градостроительства, а также отдел записи актов гражданского состояния администрации города, а полномочия бывших городских структур были переданы на региональный уровень⁴³. Выборы в ТГД в 2022 г. прошли по мажоритарной системе при явке 12,4 % избирателей. Все 25 мандатов

⁴⁰ За пост председателя Тверской думы боролись Евгений Пичуев и Сергей Шишков. 2017. – *МК в Твери*. URL: <https://tver.mk.ru/articles/2017/10/05/zapost-predsedatelya-tverskoj-dumy-borolis-evgeniy-pichuev-i-sergey-shishkov.html> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴¹ Алексей Огоньков избран мэром Твери. 2017. – *Аргументы и факты. Тверь*. URL: https://tver.aif.ru/politic/gover/aleksey_ogonkov_izbran_merom_tveri (дата обращения: 12.10.2023).

⁴² В Твери избрали Главу города. 2017. – *«Единая Россия»*. URL: <https://tver.er.ru/activity/news/v-tveri-izbrali-glavu-goroda#:~:text=В%20Твери%20избрали%20Главу%20Города.,выбран%20на%20пост%20главы%20города> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴³ В Твери ликвидированы два ведомства. 2021. – *Твериград*. URL: <https://tverigrad.ru/publication/v-tveri-likvidirovany-dva-vedomstva/> (дата обращения: 12.10.2023).

получили кандидаты от «Единой России»⁴⁴, единогласно проголосовавшие за избрание Е.И. Пичуева на должность председателя ТГД. Соответственно, эпоха политических конфликтов внутри депутатского корпуса ТГД закончилась. Отношения ТГД с городской администрацией и областным правительством в публичной сфере приобрели устойчивый неконфликтный характер. Поводом для политической напряженности не стало истечение срока полномочий главы города 5 декабря 2022 г., за которым последовало решение ТГД «О проведении конкурса по отбору кандидатур на должность главы города Твери» 22 декабря 2022 г., после чего документы были переданы на региональный уровень для формирования конкурсной комиссии. На момент написания статьи (октябрь 2023 г.) конкурс так и не состоялся, эксперты оценивают данную ситуацию как юридически адекватную, поскольку в НПА сроки формирования комиссии не указаны⁴⁵. Поэтому журналисты называют главу города А.В. Огонькова «эксклюзивным политическим феноменом»⁴⁶, а с медийной точки зрения квалифицируют как «самого незаметного мэра в ЦФО». В то же время показатели развития городской локации, озвученные главой города Твери в мае 2022 г. перед депутатами ТГД, носили позитивный характер: «В целом, по оценке ВЭБ.РФ, индекс качества жизни в Твери соответствует средним показателям по России, а по ряду позиций имеет значения выше среднего уровня. По интегральному Индексу качества городской среды, который рассчитывает Минстрой России, Тверь третий год подряд показывает уверенный рост среди городов и с положительной динамикой в части реализации проектов по благоустройству»⁴⁷. По итогам заседания работа администрации Твери в 2022 г. была признана удовлетворительной народными избранными.

⁴⁴ Зенин А. В Твери избранным депутатам городской думы вручили удостоверение. 2022. – *Вся Тверь*. URL: <https://газета-вся-тверь.рф/news/obshchestvo/v-verti-izbrannym-deputatam-gorodskoy-dumy-vruchili-udostovereniya/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴⁵ Румянцева Т. Законно ли, что в Твери до сих пор так и не выбран новый глава города. 2023. – *Комсомольская правда. Тверь*. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/27490/4750750/> <https://www.tver.kp.ru/daily/27490/4750750/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴⁶ Казус Огонькова: почему Руденя не может утвердить главу Твери. 2023. – *Региональные комментарии*. URL: <https://regcomment.ru/analytics/kazus-ogonkova-pochemu-rudenya-ne-mozhet-utverdit-glavu-tveri/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴⁷ Глава Твери Алексей Огоньков отчитался о работе администрации города в 2022 году. 2023. – *Администрация города Твери*. URL: <https://www.tver.ru/administration/structure/departament-zhilishchno-kommunalnogo-khozyaystva-zhilishchnoy-politiki-i-stroitelstva/formirovanie-komfortnoy-gorodskoy-sredy/427878/> (дата обращения: 15.10.2023).

Таким образом, вмешательство в городскую политику акторов областного уровня является фактором, депотенцирующим политическое пространство Твери, растворяет локальную политику в региональной. Данный тренд юридически подкреплён поправками к Конституции Российской Федерации 2020 г., вводящей понятие «единая система публичной власти», включающей в себя и органы МСУ. Согласно ст. 131, «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом»⁴⁸.

«Зачем уводить из городов политику?» – задает вопрос журналист М. Орлова, ответ на который заключается в констатации недоверия органов власти горожанам в вопросах распоряжения «своими городами и весями»⁴⁹. Возможно ли увести политику из городов? Как показывает политическая история Твери, общественно-политические конфликты могут облекаться в культурно-символические формы. Перемещение памятников, переименование улиц, появление новых арт-объектов и проектов в Твери сопровождается размежеванием общественного мнения горожан⁵⁰. В качестве репрезентативного кейса приведем пример с переименованием улицы 50 лет Октября в Пролетарском районе Твери в проспект Николая Корыткова (советский государственный деятель, первый секретарь Калининского обкома КПСС с 1960 по 1978 г.) в декабре 2020 г.⁵¹ Ассоциация тверских

⁴⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). 2020. – *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴⁹ Орлова М. Город без хозяина. Истекают полномочия самого незаметного мэра Твери. 2023. – *Караван Ярмарка*. URL: <https://www.karavantver.ru/gorod-bez-hozajina-istekajut-polnomochija-samogo-nezametnogo-mjera-tveri/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁵⁰ Тарасова И. В Твери вознамерились памятник Ленину убрать, улицу Советскую переименовать. 2019. – *Комсомольская правда. Тверь*. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/26945/3997321/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁵¹ Общественность поддерживает переименование проспекта 50 лет Октября в Твери в проспект Николая Корыткова. 2020. – *Твериград*. URL: <https://tverigrad.ru/publication/obshhestvennost-podderzhivaet-pereimenovanie-prospekta-50-let-oktjabrja-v-tveri-v-prospekt-nikolaja-korytkova/> (дата обращения: 15.10.2023); Тушкова В. Придется ли менять документы жителям домов по проспекту 50 лет Октября Твери, когда его переименуют. 2020. – *Комсомольская правда. Тверь*. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/2171206/4319064/> (дата обращения: 15.10.2023).

землячеств выступила с данной инициативой⁵², которую поддержал губернатор Тверской области, активная группа жителей Пролетарского района собрала много подписей, подготовила письма в ТГД, главе Твери, в которых изложила аргументы против переименования и озвучила их на заседании ТГД 20 декабря 2020 г.⁵³ Однако большинством голосов (18 «за») проспект был переименован. На наш взгляд, являясь точкой пересечения интересов властей, бизнеса и общества, культурно-символическая, а также градостроительная политика сохранит свой конфликтный потенциал в городских локациях и в дальнейшем.

В заключение обобщим этапы и факторы депотенцирования политического городского политического пространства, выявленных на материалах Твери. Первый этап политического противостояния в Калинин/Твери во второй половине XX в. был связан с реализацией реформы политической системы СССР, в ходе которой сгенерировались условия для генезиса нового субъекта политики – «неформалитета», провозгласившего изначально культурно-символический лозунг возвращения исторического названия городу, предлагавшего в дальнейшем углубление процессов демократизации. В процессе институциональных трансформаций в системе Советов обозначились группы противоречий между депутатским корпусом, президиумом и исполкомом, которые были «сняты» с политической повестки принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г., созданием новой модели местного самоуправления. Формирование ТГД первых созывов на основе мажоритарной системы в условиях становящейся партийной системы способствовало избранию ярких политиков, вступающих на путь противоборства с администрацией города. В свою очередь, укрепление вертикали власти и приход к власти в области губернаторов-«варягов» повлек конфронтацию между городским и региональным уровнями власти. Снижение напряженности между субъектами политики стало возможным за счет изменения схемы управления городом и перехода к двухголовой системе – отказу от прямых выборов главы города, избрание главы города депутатским корпусом, избрание главы администрации города (сити-менеджера) конкурсной комиссией. С переходом на пропорциональную систему выборов депутатов ТГД нарастали политические разногласия, которые наиболее явно проявились в работе ТГД VI созыва

⁵² Тверская дума. Игры «патриотов». 2020. – *Вече Твери*. URL: <https://ks-region69.com/statianalitika/127001-tverskaja-duma-igry-patriotov/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁵³ Тверская городская дума превращается в цирк с конями, или Как плюнули на мнение жителей при переименовании проспекта 50 лет Октября. 2020. – *Тверь24*. URL: <https://tver24.com/2020/12/tverskaya-gorodskaya-duma-prevrashhaetsya-v-tsirk-s-konyami-ili-kak-plyunuli-na-mnenie-zhitelej-pri-pereimenovanii-prospekta-50-let-oktyabrya/> (дата обращения: 15.10.2023).

(2009–2012 гг.). Депоцентрирование данного конфликта было осуществлено, во-первых, путем введения смешанной избирательной системы, в результате которой партия власти «Единая Россия» стала контролировать большинство депутатского корпуса; во-вторых, изменением схемы управления городом – возвращением «одноголовой» системы управления, но не в лице главы депутатского корпуса, а в лице главы администрации, избираемого конкурсной комиссией с участием представителей городской и региональной властей. Опиравшееся на нормативные, экономические, медийные и другие ресурсы доминирование такого актора, как губернатор Тверской области, в политической локации города способствовало депотенцированию конфликтов. Последний штрих в устранении политического противостояния внутри депутатского корпуса был сделан введением мажоритарной системы избрания ТГД в 2022 г., итогом которой стало избрание всех депутатов от партии «Единая Россия». Как показала практика, единственным пространством для публичных конфликтов осталась сфера культурно-символической политики, сторонами в которой выступают часть жителей города и органы городской/региональной власти. Таким образом, факторами снижения уровня конфликтности городского политического поля явились: изменения схемы управления городом, реформы городской избирательной системы, укрепление «вертикали власти», встраивающих городское политическое пространство в систему публичной власти, «московизация» Твери.

Источники

Аксенов К. 1993. *Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области*. URL: <https://mydocx.ru/5-96492.html> (дата обращения: 15.10.2023).

Алешина И.Н. 1998. *Общественные структуры и органы власти: формы взаимодействия. – Управление регионом: состояние и перспективы развития: материалы научно-практической конференции: 24–25 ноября 1998 г., г. Тверь / ред. А.И. Капитонов и др. Тверь: Администрация Тверской области, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, Тверской государственный университет. С. 158–160.*

Алешина И.Н. 2003. *Неформальная оппозиция в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.: на материалах Калининской области*: дисс. ... канд. истор. наук. Тверь. 263 с.

Бауман З. 2008. *Город страхов, город надежд. – Логос. № 3. С. 24–54.*

Большаков А.Г. 2004. *Политические конфликты в российских регионах: институциональные условия и возможности управления (случай Республики Татарстан). – Российская ассоциация политической науки*. URL: <https://www.rapn.ru/in.php?part=in&gr=72&d=130&n=35&p=0&to=> (дата обращения: 10.10.2023).

Борисова Н.В. 2010. Городские политические режимы и пространство символической политики. – *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. № 4. С. 48–55.

Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. 2021. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ). – *Журнал исследований социальной политики*. № 2. С. 239–252.

Горбачев М.С. 1987. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 1986. – *Избранные речи и статьи*. Т. 3. М.: Политиздат. URL: http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/doklad_xxvii.txt. (дата обращения: 08.09.2023).

Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России: монография / В.Д. Бедерсон и др.; отв. ред. Е.В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 194 с.

Даль Р. 2003. *Демократия и ее критики* / пер. с англ. под ред. М.В. Ильина. М.: РОССПЭН. 576 с.

Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства. Материалы к заседанию научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Москва, 2020. – *Аналитический вестник*. 2021. № 1 (761). 71 с.

Жилинский С.Э. 1989. Разграничение функций партийных и государственных органов. – *Известия вузов. Правоведение*. № 6. С. 9–21.

Иванов О.Б. 2020. Городские конфликты: типология и медиация. – *Власть*. № 4. С. 99–104.

Ильин В.В., Кокоева И.А., Родин П.Н., Шимко А.В. 2023. Семантика города. – *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. № 4 (66). С. 16–25.

Ильинский И. 1988. Полновластие. – *Советы народных депутатов*. № 10. С. 3–9.

Козлова Н.Н. 1998. *Тверские Советы народных депутатов в годы перестройки (1985–1991): опыт реформирования*: дисс. ... канд. истор. наук. Тверь. 243 с.

Козлова Н.Н. 2009. *Тверские советы народных депутатов в период перестройки: историко-политологический анализ*: монография. Тверь: ТвГУ. 172 с.

Кольба А.И. 2020. Конфликты в процессе функционирования городских сообществ: современное состояние исследований. – *Социальные и гуманитарные знания*. № 6 (1). С. 20–29.

Колюшин Е.И. 1988. Советы и реформа политической системы. – *Известия вузов. Правоведение*. № 5. С. 3–13.

Курашвили Б. 1988. К полновластию Советов. – *Коммунист*. № 8. С. 28–36.

Ледяев В.Г. 2008. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования. – *Политическая наука*. № 3. С. 32–60.

Ледяев В.Г. 2010. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования. – *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 23–48.

Медведев И.Р. 2017. *Разрешение городских конфликтов*. М.: Инфотропик Медиа. 372 с.

Незнамова Е.А. 2009. *Местное самоуправление: прошлое, настоящее, будущее*. М.: Изд-во РАГС. 268 с.

Петрова Е.В. 2014. Местное самоуправление в Республике Бурятия. – *Власть*. Т. 22. № 3. С. 68–72.

Петрова Р.И. 2017. Политизация городских конфликтов в современной России: участники, повестка, тактическое взаимодействие. – *Вестник Пермского университета*. Серия: Политология. № 3. С. 122–136.

Пустовойт Ю.А. 2018. «Земля» и «воля»: городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах. – *Власть и элиты*. № 5. С. 295–330.

Пустовойт Ю.А. 2019. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах. – *Полис: журнал политических исследований*. № 4. С. 104–118.

Семенов А.В., Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. 2018. Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта. – *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 21 (3). С. 140–169.

Слатинов В.Б., Меркулова К.Г. 2014. Институциональные эффекты трансформации систем управления областными центрами в условиях муниципальной реформы (на материалах Центрально-Черноземного региона). – *Человек. Сообщество. Управление*. № 4. С. 57–74.

Слива А.Я. 1990. Совет. Президиум. Исполком. – *Народный депутат*. № 11. С. 7–17.

Сунгуров А.Ю. 2007. Ленинградский клуб «Перестройка» как прототип Центра публичной политики. – *Электронная библиотека «Гражданское общество в России»*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_Perestr_2007.pdf. (дата обращения: 08.09.2023).

Таболин В.В. 2023. *Городской конфликт: понятийные версии*. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/09/28/2028216207/Городской%20конфликт%20понятийные%20версии%20.pdf> (дата обращения: 08.09.2023).

Тыканова Е.В. 2016. Консолидация локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства Санкт-Петербурга. – *Петербургская социология сегодня*. № 7. С. 364–388.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. 2015. Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти. – *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 24. № 3. С. 6–32.

Шкель С.Н. 2018. Почему депутаты не бунтуют: политический потенциал ассамблей в малых городах Республики Башкортостан. – *Ars Administrandi (Искусство управления)*. Т. 10. № 4. С. 667–686. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-667-686.

Argenbright R. 2016. *Moscow under Construction: city building, place-based protest, and civil society*. Lanham: Lexington Books. 201 p.

Davies J.S. 2003. Partnerships versus regimes: Why regime theory cannot explain urban coalitions in the UK. – *Journal of Urban Affairs*. Vol. 25. No. 3. P. 253–270.

Stoker G., Mossberger K. 2001. The Evolution of Urban Regime Theory: the Challenge of Conceptualization. – *Urban Affairs Review*. Vol. 36. No. 6. July. P. 810–835.

Stone K. 2005. Looking back to look forward: Reflection on Urban Regime Analysis. – *Urban Affairs Review*. Vol. 40. No. 3. January.

Григорьев Ньургун

Формирование институционального управления регионами Дальнего Востока России

Григорьев

Ньургун Афанасьевич –

кандидат политических наук,
доцент кафедры истории,
обществознания
и политологии исторического
факультета

Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия.

Для связи с автором:
nagrigroriev@mail.ru

Для цитирования:

Григорьев Н.А. Формирование институционального управления регионами Дальнего Востока России // Публичная политика. 2023. Т. 7. № 1–2. DOI: 10.31856/2541-8351_2023_7_1–2_72

Аннотация

В статье исследуется формирование институтов управления регионами Дальнего Востока России. За последние два десятилетия была обозначена приоритетность данного макрорегиона по социально-экономическим и геополитическим причинам. Институциональное оформление в реализации региональной политики сопровождается созданием новых органов власти, корпораций развития, территорий особого экономического развития.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, региональная политика, федерализм, регионы, инвестиционная политика, органы власти, Министерство развития Дальнего Востока и Арктики, Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики, TOP.

Grigoriev Nurgun

Formation of institutional management of regions Far East of Russia

Grigoriev Nurgun Afanasyevich –

*Candidate of Political Science,
Associate Professor
of the Department of History,
Social Science and
Political Science of the Faculty
of History
of the North-Eastern Federal
University M.K. Ammosov.*

*To contact the author:
nagrigoriev@mail.ru*

Abstract

The article examines the formation of institutions for managing of regions in the Far Eastern region of Russia. Over the past two decades, the priority of this macroregion has been designated for socio-economic and geopolitical reasons. Institutionalization in the implementation of regional policy is accompanied by the creation of new authorities, development corporations, and territories of special economic development.

Keywords: Russia, Far East, regional policy, federalism, regions, investment policy, authorities, Ministry of Development of the Far East and Arctic, Corporation for the Development of the Far East and Arctic, TOR.

Развитие федеративных отношений в России актуализирует региональную политику как фактор интеграции и более эффективного взаимодействия двух уровней власти – федерального центра и регионов. Нелинейный путь развития российского федерализма привел к централизованной модели, при которой не сложилось более четких правил игры во взаимодействии федеральных и региональных элит. Однако в случае возникновения определенной чрезвычайной ситуации (например, пандемия COVID-19) центр передает часть полномочий регионам, что подтверждает тезис об эффективности региональных властей в чрезвычайной ситуации.

В условиях централизованной модели российского федерализма развиваются политико-правовые и институциональные основы федеративного государства, такие как верхняя палата российского парламента Совет Федерации, процедура прямых выборов глав субъектов, межбюджетные отношения, конституционное разграничение полномочий двух уровней власти – федерального центра и субъектов РФ. Региональные власти в целом отвечают за социально-экономические показатели развития, что приводит к формированию ответственности перед федеральным центром и местным населением.

Концепт федерализма является одной из актуальных тем исследований в политической науке. Зарубежные исследователи во многом обращали внимание на корпоративность в федерациях, где территориальные образования (штаты, провинции, земли и т. д.) имеют широкие полномочия [Elazar 1987; Riker 1964]. Также в работах указывалось, что в сложносоставных полициях, с разным однонациональным, религиозным составом, а также с большой территориальной протяженностью, складывается федеративное устройство (США, Канада, Россия, Индия, Бразилия, Бельгия и др.) [Stepan 1999]. За последнее время в мире наблюдаются процессы децентрализации, где постепенно часть центральных функций государства делегируются другим уровням власти (регионам и местному самоуправлению), а также возникают интеграционные объединения.

Реализация региональной политики в современной России также сопровождалась определенной цикличностью и нечеткой структурой управления. С 1990-х гг. власть применяла различные подходы в развитии регионов, начиная с политики развития и стимулирования наиболее развитых субъектов до компенсаторского подхода, в рамках которого ставятся задачи выравнивания регионов в уровне социально-экономического развития. Основными механизмами реализации региональной политики являются межбюджетные отношения, особые экономические зоны, инвестиционная политика и т. д.

В зарубежных федерациях, как правило, реализуется компенсаторский подход. В США существует система грантов, которые выделяются штатам, отстающим по многим социально-экономическим показателям (Миссисипи,

Аризона, Теннесси и др.) [Региональная политика... 2015]. В то же время в отношении наиболее развитых штатов существуют поддержка и стимуляция местного развития, среди которых особенно выделяется научно-технологическая сфера (штат Калифорния и Кремниевая долина, штат Вашингтон и город СिएТЛ и др.). В Канаде наблюдается похожая ситуация, где в отношении наиболее слабых провинций, таких как Саскачеван или северные территории, выделяется финансовая помощь в виде дотаций. Наиболее развитые провинции географически находятся на юге и западе страны, где сосредоточены основные промышленные зоны, городские агломерации (Онтарио, Британская Колумбия, Квебек и др.).

В Китайской Народной Республике реализуется смешанный подход в региональной политике [Региональная политика... 2015]. Здесь можно выделить такой механизм, как создание особых экономических зон, создаваемых в основном на востоке страны, морском побережье и в крупных городах-мегаполисах. Также можно выделить особый геополитический подход в реализации региональной политики, в рамках которого центральная власть развивает территории, где сложилась непростая этнополитическая ситуация (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибетский автономный район и др.).

Данное исследование опирается на институциональный подход, в рамках которого институты управления в реализации региональной политики представлены федеральными и региональными органами власти, а также оценивается эффективность их деятельности. В рамках неоинституционализма политические институты можно обозначить как организации, органы власти, органы управления (по Б. Ротстайну) [Ротстайн 1999]. Исполнительные органы власти субъектов федерации также можно выделить как институты развития, отвечающие за территории, отрасли (сферы) или механизмы управления. Исследователь Д. Норт разделяет понятия «институты» и «организации», где первые определяются как устоявшиеся нормы и правила поведения, а последние как политические органы и учреждения, экономические структуры, общественные и образовательные учреждения [Норт 1997].

Институциональная структура управления реализации региональной политики не завершилась полным оформлением. До середины 2000-х гг. функционировало отдельное Министерство регионального развития РФ, к задачам которого были определены развитие федеративных и международных отношений. В поздние годы функции Министерства регионального развития были разделены между различными федеральными ведомствами (Министерство экономического развития, Министерство финансов и др.).

Нормативно-правовая составляющая реализации региональной политики в России также часто претерпевала изменения. В 1996 г. был выпущен Указ Президента РФ Б. Ельцина «Об основных положениях региональной политики

в Российской Федерации», в котором были определены основные приоритеты, такие как сокращение в уровне развития субъектов и поддержка наиболее развитых регионов. В 2014 г. была принята отдельная программа по региональной политике «Региональная политика и федеративные отношения», нацеленная на сбалансированное развитие регионов и укрепление федеративных отношений. Сама программа состояла из отдельных частей, таких как «Совершенствование федеративных отношений и механизмов управления региональным развитием», «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

Одним из механизмов региональной политики в России является создание особых экономических зон в приоритетных регионах, смысл которых заключается в поощрении инвестиций, снижении налогов и упрощении правовой деятельности. Такие зоны создавались, как правило, в крупных морских портах, где происходила торговля с зарубежными странами (Владивосток, Мурманск и др.). Был создан отдельный Инвестиционный фонд РФ, средства из которого выделялись для поддержки наиболее экономически уязвимых территорий.

Межбюджетные отношения являются важным фактором в развитии федеративных отношений и реализации региональной политики в России. В 1990-е гг. сложилась децентрализованная система, где налоговые отчисления распределялись не только в большей степени в федеральный бюджет, но и в региональные бюджеты. В 2000-е гг. также произошла централизация налоговой сферы и межбюджетных отношений, сократился региональный бюджет, местные власти получили больше полномочий в социальной сфере.

В рамках компенсаторского подхода региональной политики с 2010-х гг. появляются институциональные нововведения в виде отдельных федеральных ведомств, отвечающие за отдельные макрорегионы. Здесь можно наблюдать отдельный геополитический подход, реализуемый в регионах различных стран, где наблюдаются сложные этнополитические процессы. В России данный подход реализуется на Дальнем Востоке, на Северном Кавказе и в Крыму, результатом чего стало появление отдельных федеральных ведомств, отвечающих за развитие данных макрорегионов. Регионы Дальнего Востока находятся вблизи бурно развивающихся стран Восточной Азии. Поэтому освоение и развитие территорий Сибири, Дальнего Востока и Арктики были обозначены как вопросы национальной безопасности.

Помимо факторов национальной безопасности, в отношении Дальнего Востока используются и другие факторы в реализации региональной политики – прежде всего, социально-экономические. Дальневосточные регионы

отличаются малой долей развития обрабатывающей промышленности, где наиболее развиты освоение и добыча ресурсов. Также наблюдается депопуляция населения, в рамках которой наиболее трудоспособные, квалифицированные и молодые люди мигрируют в другие регионы и в зарубежные страны. К тому же нельзя забывать про территориально-географические и климатические факторы, среди которых можно выделить отдаленность от федерального центра, холодный, суровый климат, неразвитую инфраструктуру, высокие цены на авиабилеты.

В отношении регионов Дальнего Востока наблюдается особая модель управления. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) был образован в 2000 г., административным центром был определен Хабаровск, затем в 2018 г. Владивосток. На протяжении двух десятилетий сменилось несколько полномочных представителей Президента в федеральном округе, что указывает на сложности во взаимоотношениях федеральных и региональных элит. За последние пять лет в состав ДФО были включены Забайкальский край, Республика Бурятия, что усилило многонациональный состав местного населения. Например, Республика Саха (Якутия) является национальным образованием на территории Дальнего Востока и самым большим субъектом в Российской Федерации.

Нормативно-правовая составляющая региональной политики вступает в активную фазу примерно с 2010-х гг., когда начались публичные декларации о приоритетности Дальнего Востока. В 2014 г. была принята государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.»¹. Основные задачи данной программы направлены на ускоренное экономическое развитие региона и улучшение социально-демографической ситуации. 24 сентября 2020 г. была принята «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.»². Были поставлены задачи комплексного развития регионов в социально-экономической сфере, транспортной доступности, приросте населения и т. д. Однако не были четко определены источники финансирования данных программ, федерального или региональных бюджетов.

¹ Постановление Правительства РФ № 308 «Об утверждении новой редакции государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». – *Сайт Правительства РФ*. URL: <http://government.ru/docs/11959/> (дата обращения: 15.12.2023).

² Постановление Правительства РФ № 24-64-р «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.». – *Сайт Правительства РФ*. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn116eGqD.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

В 2012 г. было создано отдельное Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. На созданное министерство были возложены функции координации деятельности по реализации государственных программ и федеральных целевых программ, управления федеральным имуществом, контроля осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий Российской Федерации. Министром был назначен бывший губернатор Хабаровского края В. Ишаев. Необходимо заметить, что идеи новых институтов управления Дальневосточным регионом возникали в 2000-е гг. Среди них можно отметить идею создания так называемой Корпорации развития Дальнего Востока и Сибири. Данная корпорация могла получить максимально широкие полномочия в финансово-экономической сфере, а также функции контроля инвестиционной политики. Однако данная идея не была поддержана в Правительстве РФ и среди региональных элит.

Дополнительным институциональным новшеством в управлении Дальним Востоком стало появление должности заместителя председателя Правительства РФ (вице-премьер), курирующего ликвидацию последствий паводка 2013 г. в ДФО и развитие Дальнего Востока и Байкальского региона. На данную должность был назначен Ю. Трутнев, ранее занимавший должность министра природных ресурсов. Эксперты отмечают его сильные лоббистские возможности, что важно для выделения финансов. Федеральный центр определил крупные задачи развития макрорегиона с появлением новых институциональных и инвестиционных проектов.

В 2019 г. Министерству РФ по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития) были переданы функции по развитию Арктики, а также было объявлено о переименовании его в Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. С 10 ноября 2020 г. министром РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики является А. Чекунов. Были определены задачи развития арктических территорий Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа, а также развитие Северного морского пути. Необходимо отметить, что задачи развития Арктической зоны, безусловно, являются важными. Однако может возникнуть ситуация, при которой существует размытость в целях и задачах одновременного развития Дальневосточного региона и Арктики.

Штаб-квартиры Министерства одновременно находятся в трех городах: Хабаровске, Владивостоке и Москве. Данное ведомство имеет разветвленную структуру:

– Департамент развития Арктической зоны Российской Федерации и реализации инфраструктурных проектов (Отдел сопровождения государственной программы «Социально-экономического развития АЗРФ», Отдел сопровождения деятельности Арктического совета, Отдел реализации социальных проектов АЗРФ, Отдел развития транспортной инфраструктуры и Северного

морского пути, Отдел энергетической инфраструктуры, Сводно-аналитический отдел);

– Департамент развития приоритетных территорий Дальнего Востока и Арктики (Отдел градостроительства и разрешительной документации, Отдел финансового обеспечения приоритетных территорий, Отдел мониторинга и контроля, Отдел земельно-имущественных отношений, Отдел развития приоритетных территорий, Отдел преференциальных режимов и работы с резидентами).

При анализе структуры министерства выделяется приоритетность развития Арктики. В 2015 г. были созданы подведомственные организации, которые решали вопросы инвестиций, развития человеческого капитала: «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» и АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике». Наиболее разветвленной организацией является Агентство по развитию человеческого капитала, имеющее представительства в Хабаровске, Москве, Архангельске, Якутске, Владивостоке, Улан-Удэ, Чите, а также широкую управленческую структуру (генеральный директор и его пять заместителей, два департамента, десять отделов).

На современном этапе в России существует множество институтов развития, которые отвечают за общие показатели развития в экономической и инвестиционной сферах. Наиболее крупными являются Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ», ОАО «Российский сельскохозяйственный банк», Инвестиционный фонд Российской Федерации, государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», ОАО «Российская венчурная компания», АО «Агентство ипотечного жилищного кредитования» и др. В 2020 г. Правительство заявило о реформе системы институтов развития для создания единых механизмов управления институтами с целью устранения пересечения их функций с органами власти и коммерческими компаниями. Например, восемь институтов развития будут ликвидированы, часть их функций станет перераспределена между Внешэкономбанком и федеральными органами исполнительной власти. Кроме перенастройки системы под национальные приоритеты, будут решаться следующие вопросы: устранение дублирования функций, разработка КР15 – системы для онлайн-мониторинга работы институтов развития. Реформа подразумевает, что часть институтов перейдет под управление «суперинститутов» – в первую очередь здесь выделяется государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» [Хван 2020].

30 апреля 2015 г. было подписано Постановление Правительства РФ «Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах

Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа»³. На месте акционерного общества «Московской материально-технической базы» была создана корпорация развития Дальнего Востока, правами акций которой от имени Российской Федерации будет обладать Министерство по развитию Дальнего Востока. В рамках закона о территориях опережающего развития управляющая компания контролирует территории опережающего развития, выступает в качестве застройщика объектов инфраструктуры территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРов), ведет реестр резидентов ТОРов.

Важным механизмом реализации региональной политики в отношении регионов ДФО является стимулирование инвестиций, что привело к созданию отдельного Инвестиционного фонда развития Дальнего Востока и Забайкальского края. В результате были внедрены особые экономические зоны в виде территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРы). Суть их функционирования мало чем отличалась от существовавших ранее особых экономических зон, предполагавших создание системы льготного ведения бизнеса, внедрение низких налогов, наличие некоторых особенностей государственного контроля и т. д. Создание таких ТОРов носило преимущественно централизованный характер, поскольку региональные и муниципальные власти имеют мало механизмов влияния на их деятельность, что является фактором в развитии региональной политики и федеративных отношений.

Деятельность ТОРов функционирует в рамках преобразованной в 2021 г. Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. На сегодня функционирует 21 ТОР в регионах ДФО. Эксперты отмечают риски деятельности ТОРов – например, угроза монополии иностранных инвесторов в экономических зонах. Также указывается на недостаточный государственный контроль при регистрации предприятий и малую степень привлечения рабочей силы на местах [Конищев, Неткачев 2020]. Тем не менее отмечается прирост инвестиций в регионах Дальнего Востока, снижение оттока населения [Гулидов 2021].

На современном этапе существует 19 ТОРов, на которых действуют упрощенные режимы в налоговой, предпринимательской сферах (налоговые льготы и административные преференции для предпринимателей, право получения земельного участка, право на подключение к объектам инфраструктуры: свет, вода, газ, водоотведение, теплоснабжение).

³ Постановление от 30 апреля 2015 г. № 432 «Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа». – *Консультант плюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179059/ (дата обращения: 15.12.2023).

Перечень функционирующих ТОРов

ТОР Амуро-Хинганская	ТОР Амурская	ТОР Большой Камень	ТОР Бурятия
ТОР Горный воздух	ТОР Забайкалье	ТОР Камчатка	ТОР Краснокаменск
ТОР Курилы	ТОР Михайловский	ТОР Находка	ТОР Приморье
ТОР Столица Арктики	ТОР Хабаровск	ТОР Чукотка	ТОР Южная
ТОР Южная Якутия	ТОР Якутия		

Среди отличительных особенностей ТОРов можно отметить акцент на привлечении иностранных инвестиций, для которых создаются льготные условия. Доля китайских инвестиций составила 1,2 трлн руб., ожидается вклад в проекты логистики, сельского хозяйства, фармацевтики, высоких технологий. Например, объем китайских инвестиций в ТОР «Якутия» составил 106 млн руб. Заместитель директора ООО «КРДВ Якутия» Николай Потапов отметил, что «китайские компании участвуют в инвестиционной стадии и в поставке оборудования для многих проектов в рамках ТОР. Так, на площадке ТОР «Южная Якутия» крупная китайская корпорация полностью поставила и смонтировала горнодобывающее оборудование по добыче угля»⁴.

Как и в любых новых, масштабных проектах, существуют определенные риски функционирования ТОРов: необходимость защиты отечественного бизнеса в рамках протекционистской политики; необходимость компенсационного механизма выпадающих доходов из региональных бюджетов; проблемы реализации готовой продукции в условиях развития бизнеса резидентов, которые порождают необходимость экспортной ориентации в силу слабого платежеспособного спроса потребителя и насыщения местного рынка продукцией за счет роста объема производства; возможное отсутствие роста в секторе малого и среднего бизнеса; риск, связанный с проблемами обеспечения оптимальных условий и гарантий для населения. Основной задачей сегодня наряду с привлечением инвестиций считается именно обеспечение населения работой; ТОРы нередко расположены в местах добычи экономически важных ресурсов, что порождает проблему контроля за деятельностью иностранных компаний [Конищев, Неткачев 2020].

⁴ Эксклюзив: Китайские инвестиции в ТОР «Якутия» превышают 100 млн рублей – замдиректора «КРДВ Якутия» Н. Потапов. URL: <https://russian.news.sp/20230624/0b145d31653c49e998ff9ee4be8084eb/c.html> (дата обращения: 15.12.2023).

В отношении Дальневосточного региона федеральный центр активно применяет практику создания новых управленческих структур, что закрепляет институциональное оформление в реализации селективного подхода региональной политики [Савченко 2022]. Но логика и содержание данной политики носит централизованный характер, поскольку ограничивает возможности региональных властей в вопросах решения социально-экономического развития, что противоречит принципам федерализма и вносит несбалансированность в систему отношений «центр – регион».

Региональная власть, отодвинутая от процесса принятия решений, тем не менее политически ответственна за их исполнение и плотно вовлечена в работу по выбору площадок, их инфраструктурному обустройству и решению текущих проблем резидентов. Региональную политику в рамках федеративного государства можно определить как совместные действия федерального центра и регионов, направленные на социально-экономическое, политическое развитие местных территорий, а также обеспечение национальной безопасности. Как отмечают исследователи Е. Бухвальд и О. Иванов, региональная политика должна перейти к «саморазвитию», что означает большую субъектность регионов [Бухвальд, Иванов 2021].

Несмотря на значительную институциональную значимость Минвостокразвития в составе российского правительства, его реальные лоббистские возможности оцениваются весьма скромно. За реализацию региональной политики в России отвечает Минэкономразвития РФ, а за выделение финансовых средств – Минфин РФ. Обобщая представленность резидентов ТОРов, можно сделать вывод об огромной роли федеральных сырьевых компаний, в отношении которого у Минвостокразвития меньше механизмов влияния. К тому же в последнее время добавились задачи развития Арктики, что может вызвать размывание общей стратегии дальневосточной политики.

Существуют и другие механизмы развития регионов Дальнего Востока. Необходимо выделить проект «дальневосточного гектара», который функционирует с 2016 г. Суть данной программы заключается в предоставлении возможности населению приобретать земельные участки на Дальнем Востоке, в освоении и развитии регионов. Задачами программы были определены освоение свободных территорий, снижение оттока местного населения, привлечение граждан на постоянное место жительства и т. д.

Землю получили почти 78 тыс. человек. Наибольшее количество земельных участков предоставлено в Приморском крае – 21 тыс. га, в Республике Саха (Якутия) – 13,7 тыс. га, в Хабаровском крае – 12 тыс. га⁵. Среди

⁵ Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2023).

сложностей в реализации проекта отмечается отдаленность земельных участков от инфраструктуры, городов, более худшие условия жизни, чем в среднем от городов Центральной России. Жители Дальневосточного региона приобрели 90 % земельных участков.

Также в контексте стимулирования миграции населения на Дальний Восток была внедрена программа дальневосточной ипотеки. В ней предусмотрены наиболее льготные условия для приобретения жилья: кредит по ставке 2 % годовых сроком до 20 лет. Однако кредитом могут воспользоваться не все – в основном молодые семьи до 35 лет или одинокий родитель с ребенком до 18 лет. В целом можно положительно оценить государственные меры по льготной ипотеке в стимулировании притока населения на Дальний Восток, а также в семейной политике.

Несмотря на поддержку прироста населения, показатели по естественному приросту и миграционному приросту в ДФО остаются отрицательными. По итогам 2019–2020 гг. положительные темпы прироста были достигнуты только в Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, незначительные приросты – в Приморском крае и Амурской области. Также возникает проблема нехватки квалифицированных рабочих кадров. В целом по России и Центральному федеральному округу потребность в специалистах, заявленная работодателями, может быть удовлетворена за счет выпускников профессиональных образовательных учреждений различного уровня полностью, а в Дальневосточном федеральном округе – менее чем наполовину. Исключение составляют Республики Бурятия и Саха (Якутия) [Широкова, Мосина, Старокожева 2021].

Институциональное оформление управления сопровождалось созданием новых органов власти, таких как отдельное федеральное министерство или Корпорация по Дальнему Востоку и Арктике. Главными механизмами реализации региональной политики стали принятие стратегии развития, межбюджетные отношения и развитие инвестиционной политики. Начали реализовываться территории опережающего социально-экономического развития с особыми налоговыми и административными преференциями. Также наблюдается политика в отношении депопуляции населения, в результате внедряются такие программы, как дальневосточный гектар и льготная ипотека. Безусловно, подобный селективный подход в реализации региональной политики, когда создаются приоритетные точки роста, может дать положительные результаты.

В то же время должны быть четко определены полномочия институтов, отвечающих за реализацию данной политики, а также региональных и местных органов власти. Региональная политика выступает интегрирующим фактором на уровне взаимодействия центра и регионов, что определяет не только успех данной политики, но и в целом федеративных отношений. Рост – это количественные характеристики, влияющие на построение институтов регионального

развития, использование таких механизмов, как принятие программ, выделение финансирования, повышение инвестиций. За ростом должно наступить развитие: улучшение социального и человеческого капитала, демографическая политика, поддержка малого бизнеса, улучшение городской среды.

Источники

Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. 2021. Стратегия пространственного развития и основные направления ее актуализации. – *ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика*. № 1. С. 7–23.

Гулидов Р.В. 2021. К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России. – *Пространственная экономика*. Т. 17. № 4. С. 143–167.

Конищев Е.С., Неткачев К.И. 2020. Особенности и риски функционирования территорий опережающего социально-экономического развития в России. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 10 (2). С. 112–117.

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала».

Региональная политика: зарубежные опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

Ротстайн Б. 1999. *Политические институты: общие проблемы. Политическая наука: новые направления* / пер. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. М.: Вече.

Савченко А.Е. 2022. Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства. – *Мир России*. Т. 31. № 3. С. 54–74.

Хван И.С. 2020. Реформа системы институтов развития Дальнего Востока: направления и задачи. – *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (93). С. 101–108.

Широкова Л.Н., Мосина Л.Л., Старокожева В.П. 2021. Основные социально-экономические проблемы Дальнего Востока. – *Социально-трудовые исследования*. № 44 (3). С. 115–129.

Elazar D. 1987. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press.

Riker W.H. 1964. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston: Little Brown.

Stepan A. 1999. Federalism and Democracy: beyond the U.S. model. – *Journal of Democracy*. Vol. 10. No. 4. P. 31.

Кулаев Максим

Организационная теория в современном грамшианстве

Кулаев

Максим Александрович –
*PhD, Санкт-Петербургский
государственный
университет, ассистент,
г. Санкт-Петербург, Россия*

*Для связи с автором:
m.kulaev@spbu.ru*

Для цитирования:

*Кулаев М.А. Организационная
теория в современном грамшиан-
стве // Публичная политика. 2023.
Т. 7. № 1–2. DOI: 10.31856/2541-
8351_2023_7_1–2_85*

Аннотация

В статье анализируется, какое место вопросы организаций занимают в современных грамшианских теориях, разделенные на две крупные ветви: грамшианскую политическую экономию и теорию Эрнесто Лакло. Ни одно из этих направлений не содержит четкой организационной теории. В статье утверждается, что в современном грамшианстве организационная теория может строиться вокруг тем, связанных с влиянием гегемонической формации на организации, проблемами парламентаризма, взаимосвязи организаций и методов, влияния различных организаций на выдвижение и объединение требований.

Ключевые слова: Грамши, гегемония, популизм, организации, партии, профсоюзы.

Maksim Kulaev

Organization theory within contemporary Gramscianism

Kulaev Maksim A. –

*PhD, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

*To contact the author:
m.kulaev@spbu.ru*

Abstract

The article addresses the position of organizational issues within contemporary Gramscian theories which can be divided into two main branches, namely Gramscian political economy and the Laclauian theory. None of these branches contain any precise organizational theory. The article argues that organizational theory within contemporary Gramscianism can be built around such themes as the influence of the hegemonic formation on organizations, problems of parliamentarism, the interconnection between organizations and means, the influence of different organizations on the making and unification of demands.

Keywords: Gramsci, hegemony, populism, organizations, parties, trade unions

Введение

Организационная теория – сложная тема для современных социальных и политических наук. Организации привлекают меньше внимания из-за своего упадка в разных сферах: массовые партии деградируют, профсоюзы не могут восстановить прежнее влияние, в общественных движениях в моду вошли сети и сообщества. Для марксистской традиции, к которой относятся вариации грамшианства, организации, наоборот, должны иметь большое значение. Грамшианские теории в данном контексте представляют отдельный интерес в силу нескольких причин. Во-первых, они чрезвычайно разнообразны и рассматривают политику с разных перспектив. Во-вторых, в рамках грамшианства в последние десятилетия шли особенно плодотворные дискуссии в области как политической экономии, так и постструктуралистских политических теорий. В-третьих, несмотря на напряженные дискуссии, тема организаций в них не получает должного внимания, поэтому еще остается возможность внести новый вклад в эти дискуссии.

В настоящей статье рассматривается, какое положение занимает вопрос о различных видах организаций в современных грамшианских теориях. В работах самого Антонио Грамши дискуссии об организациях занимают важное место. Испытав влияние ленинизма, Грамши анализировал взаимоотношения партии, профсоюзов и возникавших на итальянских предприятиях советов. В дальнейшем, однако, вопросы организаций в грамшианских теориях отходят на второй план или почти полностью исчезают.

Хотя работы Грамши повлияли на многие исследовательские направления, современные грамшианские теории можно условно разделить на две основные подгруппы. Первая – грамшианская политическая экономия, вторая – постструктуралистский дискурс-анализ Эрнесто Лакло, который переосмыслил понятия гегемонии и популизма. Представители двух этих подгрупп практически не признают друг друга, не считают исследования противоположной подгруппы чем-то ценным. Например, Оуэн Ворт, один из авторов, относящихся к грамшианской политической экономии, объявил работы Лакло «постмодернистской незначительностью» [Worth 2011: 385]. Лакло, в свою очередь, игнорировал экономические проблемы, провозглашая примат политического. Парадоксальным образом грамшианская политическая экономия и постструктуралистская теория Лакло сходятся в отсутствии серьезного внимания к организациям. Таким образом, в этой статье содержатся ответы на вопросы, почему две группы теорий с совершенно разными подходами игнорируют организационные вопросы и как вернуть организации в грамшианскую теорию.

В первой части статьи вкратце рассматривается подход к организациям самого Грамши, его понимание взаимоотношений между партией,

профсоюзами и советами. Во второй и третьей частях содержится обращение к вопросам организаций в рамках грамшианской политической экономики и теории Лакло соответственно. В четвертой части предлагается возможный новый подход к организационной теории в рамках современного грамшианства.

Организационная теория в работах Грамши

Российский опыт 1917 г. вывел вопрос об организациях на новый уровень. Две революции и период двоевластия показали важность партии, советов, профсоюзов и других рабочих организаций. Грамши следил за событиями в России и других странах, где происходили революции, – например, в Венгрии. Послевоенный подъем рабочего движения в самой Италии, который достиг кульминации в ходе так называемого «красного двухлетия», то есть в 1919–1920 гг., тоже добавил вопрос для теоретического осмысления. Волна забастовок, рост профсоюзов, игравших в этих забастовках не всегда однозначную роль, и появление фабрично-заводских советов, напомиравших советы в России, – все это было основой для развития организационной теории у Грамши. С другой стороны, ленинская мысль об организации повлияла на Грамши, и он во многом продолжал идеи Ленина.

Если формулировать вкратце, то Ленин, как известно, уделял первостепенное внимание строительству революционной партии, без которой невозможна революция. Для Ленина партия также находится в основе борьбы за гегемонию, что еще больше подчеркивает значение Ленина для грамшианских идей. В работе «Что делать?» Ленин [Ленин 1963] показывал, что для привнесения классового сознания рабочему классу необходима партия. Так как классовое сознание не может возникнуть только из экономической борьбы и в результате столкновения рабочих с экономическими проблемами, рабочий класс должен участвовать в жизни всего народа, соединять свои отдельные требования с общеполитическими требованиями. «Экономисты» и народники-террористы не смогли соединить рабочее движение и политическую борьбу в том числе из-за организационных недостатков. Организация, по Ленину, должна была иметь определенную структуру, то есть быть и централизованной, и демократичной, строиться снизу вверх.

В статье 1911 г. «Наши упразднители» Ленин [Ленин 1973], во-первых, дает свое наиболее конкретное определение гегемонии как политического воздействия рабочего класса и его представителей «на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма». Там же он, во-вторых, критикует своих оппонентов (меньшевиков Базарова, Потресова и других), уверяющих

«рабочий класс, что ему нужна не гегемония, а классовая партия». Ленин выделил союз «а» курсивом, указывая на неверное противопоставление гегемонии и классовой партии. Классовая партия в представлении меньшевиков ограничивается представительством рабочих, игнорируя, например, крестьян. Ленин, как известно, критиковал многих социал-демократов за недооценку роли крестьянства. Узость меньшевистского понимания партии, кроме того, вела, как показывал в той же статье Ленин, к ликвидаторству, то есть к отказу от внепарламентской и вообще нелегальной деятельности.

Советы, которые появились самостоятельно, рассматривались как основа нового государства – диктатуры пролетариата. Они представляли собой более высокий уровень развития, более широкую демократию по сравнению с любыми видами буржуазного государства, по сравнению с парламентаризмом. Например, Ленин подчеркивал в «Тезисах об Учредительном собрании», что Советы – это более высокая форма демократизма, чем Учредительное собрание, и единственная форма перехода к социализму. Исходя из этого, широкое развитие Советов делало Учредительное собрание ненужным.

Профсоюзы – это наиболее противоречивые организации в рамках ленинской мысли. С одной стороны, профсоюзы, безусловно, могут быть реакционными и способствовать поддержанию капитализма. В работе «Что делать?» Ленин [Ленин 1963] проводит разделение между тред-юнионистской политикой и социал-демократической политикой. Первая – буржуазная политика, ограничивающаяся экономическими требованиями, сосуществующая с капиталистической системой. Вторая – политика, стремящаяся к уничтожению капитализма и поэтому не ограничивающаяся только экономическими требованиями одной социальной группы, а обращающаяся к проблемам всего общества, то есть обеспечивающая гегемонию. С другой стороны, Ленин утверждал, что даже в реакционных профсоюзах надо работать. Профсоюзы могут обеспечить связь партии с широкими массами и поэтому стать «приводным ремнем».

Организационная теория Грамши развивалась под влиянием идей Ленина, но не всегда полностью повторяла их. Например, дискуссии о профсоюзах в партии большевиков и в Итальянской социалистической партии, от которой потом отделились итальянские коммунисты, шли практически параллельно, а в некоторых случаях итальянские дебаты предшествовали российским, поэтому Грамши формировал свои подходы к профсоюзам самостоятельно. То, что идеи Ленина и Грамши часто совпадали, говорит о глубокой близости их теорий, возникшей не в результате навязывания или повторения вслед за авторитетом, а в результате структурных сходств.

Как и Ленин, Грамши указывал на противоречивость профсоюзов. В некоторых моментах Грамши относился к профсоюзам более критически, чем

Ленин. Выступая против синдикализма, Грамши писал об ограниченности профсоюзов как таковых: «Профсоюзы доказали свою органическую неспособность служить воплощением диктатуры пролетариата. Обычно развитие профсоюзов сопровождается ослаблением революционности масс» [Грамши 1957: 71].

Конечно, из этой критики не следовали утверждения о вредности или ненужности профсоюзов. Грамши отмечал, что профсоюзы явились «первоначальными естественными формами» классовой борьбы [Грамши 1957: 66]. Они возникают в условиях капитализма и не могут с ним порвать, но могут как сдерживать революционное движение, так и способствовать накоплению сил рабочих. Профсоюзы улучшали условия жизни рабочих и боролись за введение законов, которые защитили бы трудовые права. По мнению Грамши, законность, за которую борются профсоюзы, можно использовать по-разному: «Если руководители профсоюзной организации рассматривают законность, установленную в промышленности, как необходимый компромисс (но не на вечные времена), <...> если они развертывают всю подготовительную и материальную работу, необходимую для того, чтобы в определенный момент рабочий класс смог перейти в победоносное наступление против капитала и подчинить его своей воле, тогда профессиональный союз – орудие революции» [Грамши 1957: 177].

Таким образом, профсоюзы могут быть основой для «позиционной войны». Знаменитое грамшианское различие «маневренной» и «позиционной» войны предполагает, что если революционные силы не могут захватить власть прямой атакой, то есть в результате вооруженного восстания, как в России в октябре 1917 г., то необходимо постепенное накопление сил, поиск новых союзников из числа угнетенных классов. С этой точки зрения профсоюзы – это и необходимое орудие, и поле битвы позиционной войны.

Но если профсоюзы не могут служить воплощением диктатуры пролетариата, то этим воплощением являются Советы, которые разжигают классовую борьбу, подготавливают восстание и после восстания становятся основой нового государства. Большой энтузиазм Грамши вызвала деятельность фабрично-заводских советов в Турине в 1920 г.: «Фабрично-заводской Совет строится по производственному принципу и должен являться в глазах рабочего класса прообразом коммунистического общества, которое будет построено при помощи диктатуры пролетариата» [Грамши 1957: 238–239]. В целом Грамши видел в фабрично-заводских советах Турина потенциал для возникновения Советов на уровне всей страны, как это происходило в России.

Взаимоотношения Советов и профсоюзов тоже противоречивы у Грамши. С одной стороны, он считал, что избиратели и депутаты Советов должны обязательно состоять в своих профсоюзах [Грамши 1957: 179]. Другими словами,

Советы не отрицают профсоюзы, а снимают, то есть включают в себя, как высший уровень развития включает низший. С другой стороны, Грамши критикует профсоюзную бюрократию за противодействие, например, советской власти в Венгрии, за непонимание роли фабрично-заводских советов в Турине. Если профсоюзы – это арена позиционной войны, то Советы – это часть маневренной войны, но переход от первой ко второй зависит от многих условий.

Энтузиазм Грамши по поводу Советов не означал симпатий к анархизму или «коммунизму советов». Грамши никогда не ставил под сомнение важную роль партии. Однако Советы для него были в 1920 г. выражением революционной динамики, возможностью установить связь непосредственно с низовым движением и получить противовес и против буржуазной дерадикализации, и против бюрократизации. Грамши искал способы преодолеть и стихийность, и бюрократизм [Voggs 1975].

Партия у Грамши занимает особое место, но при этом его понимание партии открывает возможности для разнообразных интерпретаций. Отсылая к Макиавелли, Грамши называет партию «современным Государем» [Грамши 1959]. Логика этого сравнения в том, что Государь Макиавелли должен был объединить Италию, а партия, осуществляя гегемонию, объединяет угнетенные классы.

В целом Грамши следовал ленинским подходам в построении партии. В 1920 г., когда итальянские коммунисты еще не создали отдельную от социалистической партии организацию, он писал: «Партия должна приобрести свой определенный облик, отличающий ее от других партий, – она должна превратиться из мелкобуржуазной парламентской партии в партию революционного пролетариата, борющуюся за построение коммунистического общества посредством рабочего государства, в партию однородную, монолитную, имеющую свою теорию, свою тактику, в партию, поддерживающую жесткую и суровую дисциплину» [Грамши 1957: 163].

Позже, в «Тюремных тетрадах», Грамши не отказывался от такого подхода, но развивал его с уже указанной целью: противопоставить «современного Государя» и стихийности, и бюрократизму. Подытоживая, следует отметить, что партия у Грамши состоит из трех фундаментальных элементов: масс, связующего элемента, то есть руководства, и опосредующего элемента [Thomas 2013].

Таким образом, грамшианская организационная теория, которая была развитием ленинских идей, стремилась найти такие типы организации, которые способствовали бы пролетарской гегемонии. Профсоюзы мыслились как первичная и поэтому противоречивая форма рабочих организаций. Взаимодействие с профсоюзами необходимо для доступа к широким массам рабочих. Советы, напротив, рассматривались как основа диктатуры

пролетариата, образ будущего общественного устройства. Партии отводилась особая роль. Она должна была преодолеть стихийность и отчужденность масс от политики и стать основой для гегемонии.

Дальнейшее развитие грамшианских теорий должно было конкретизировать в том числе и организационную теорию, тем более что намеченная Лениным и Грамши программа организационного строительства так и не была выполнена: коммунистические партии в итоге не смогли преодолеть бюрократизм, профсоюзы стали еще менее радикальными, а Советы исчезли. Однако последующие грамшианские теории внесли парадоксально малый вклад в дискуссии об организациях. Следует рассмотреть причины такого положения дел.

Грамшианская политическая экономия

Как видно из самого названия этого подхода, он фокусируется на экономических факторах, что уже само по себе отодвигает вопрос организаций на второй план. Кроме того, существенная часть литературы, относящейся к грамшианской политической экономии, представляет из себя еще и международную политическую экономию, поэтому рассматривает гегемонию с точки зрения международных отношений, то есть как часть империализма, навязывающего периферийным странам экономическую политику, выгодную великим державам. При таком глобальном взгляде партии и профсоюзы иногда теряются на общем фоне. Наконец, грамшианская политическая экономия во многом повторяет институционалистские подходы, что, с одной стороны, ставит под сомнение ее оригинальность и, с другой стороны, тоже снижает внимание к организациям. Несмотря на явные различия между структуралистским марксизмом в духе Луи Альюссера и грамшианской политической экономией, в целом ей свойствен структурный детерминизм, который не предполагает, что организации могут играть большую роль. Эти утверждения можно проиллюстрировать несколькими примерами.

Грамшианская политическая экономия применяет к объяснению самых разных стран и исторических эпох достаточно однообразные схемы: правящий класс, то есть буржуазия, постепенно подчиняет с помощью насилия или ненасильственными методами трудящихся, которые оказывают или не оказывают сопротивление, но в итоге остаются скорее объектом, поэтому их организациям отводится второстепенная роль при рассмотрении. Мексика в 1910-х гг., Боливия при Эво Моралесе, СССР и Россия во время перестройки и 1990-х гг. при таком подходе практически не различаются.

Например, при рассмотрении перестройки и построения капитализма в 1990-е гг. в России представители грамшианской политической экономии лишь вскользь упоминают об инкорпорации большинства профсоюзов

в сложившуюся политическую систему [Simon 2010]. Гораздо больший интерес вызывает деятельность правительства, номенклатуры, влияние международных организаций – прежде всего, МВФ.

Дело здесь не только в российской специфике. При описании экономического развития и различных реформ в Боливии во второй половине XX в. и в начале XXI в. профсоюзы и организации общественных движений рассматриваются как сила, реагирующая на реформы и экономические изменения, а потом становящаяся ресурсом для электоральной политики Моралеса [Hesketh, Morton 2014].

Наиболее полно современная грамшианская политическая экономия раскрывается в работах Адама Мортон, изучавшего революцию в Мексике. Мортон и другие представители этого теоретического подхода используют понятия пассивной революции и трансформизма, которые встречаются еще у Грамши. Вкратце под пассивной революцией Грамши подразумевал масштабные политические и общественно-экономические изменения, которые происходили без смены власти и без широкого вовлечения угнетенных классов в политику. Пассивную революцию он называл «революцией-реставрацией». Основным примером для Грамши служило объединение Италии и развитие в ней капиталистических отношений. Революции, например, во Франции приводили к свержению королей, включали в себя народные восстания, лишали аристократию собственности и привилегий. В Италии, наоборот, старая элита никак не пострадала. При пассивной революции сохраняются многие устаревшие, еще феодальные, отношения. Трансформизмом Грамши называл абсорбцию господствующим классом некоторых элементов угнетенных классов [Gramsci 1977: 2011]. Таким образом господствующий класс укрепляется и расширяется.

Мексиканская революция у Мортон – это проявление пассивной революции и трансформизма. По его мнению, низовые, рабочие и крестьянские, движения, появившиеся до и во время революции, потеряли самостоятельность, попав в зависимость от крупных собственников, которые в итоге сохранили свою власть. Мортон также указывает, что многие реформы, которых требовали рабочие и крестьяне (например, аграрная реформа), либо не были проведены совсем, либо оказались ограниченными. При этом Мортон отмечает, что пассивную революцию обусловило, кроме всего прочего, влияние мировой экономики [Morton 2011].

Анализ Мортон в целом мало добавляет к большому исследованию Дэвида Кольера и Рут Беренс Кольер инкорпорации рабочих организаций в политические системы стран Латинской Америки [Collier, Collier 2002]. Работа Кольеров показывает, что в силу многих экономических и политических причин рабочие и крестьянские организации тоже теряли свою независимость,

подчиняясь правящим партиям или встраиваясь в государственные институты. Кольеры следуют институционалистским подходам в исторической социологии. Грамшианская политическая экономия делает постоянные отсылки к классовой борьбе, но в итоге все равно фокусируется на деятельности институтов, которые подчиняют угнетенные классы. При таком подходе не обращается внимание на организации угнетенных классов и не задается вопросов, например, о том, какие организации лучше или хуже противостоят пассивной революции и трансформизму. Рассмотрение трансформизма в России в 2000-е гг., например, ограничивается указанием на то, что власти стали предпринимать меры, которые были популярны у населения, вроде «борьбы с олигархами». Низовые организации не имеют значения для такого анализа [Worth 2005]. При этом у самого Грамши «современный Государь» может быть противоядием от пассивной революции [Thomas 2013].

Говоря о сопротивлении неолиберальной глобализации, Андреас Биелер и Адам Мортон указывали в 2005 г., что такое сопротивление есть, оно приобретает формы международных социальных форумов, локальных общественных движений и профсоюзов. По их мнению, хотя многие устоявшиеся профсоюзы стремятся только к социальному партнерству, некоторые более радикальные профсоюзы тоже участвуют в борьбе с неолиберализмом. Авторы смотрели на перспективы этого сопротивления пессимистично [Bieler, Morton 2006]. Детального обсуждения внутренней структуры организаций не предпринимается.

Представители грамшианской политической экономии уделяли некоторое внимание Всемирным социальным форумам и их критике с точки зрения концепции современного или «постсовременного» (постмодернистского) Государя [Gill 2000]. Однако в данном случае речь идет не столько об организационных принципах, сколько о стратегиях и возможностях субъективации, которые могут предоставлять или не предоставлять форумы. Авторы критикуют форумы за элитизм, но мало объясняют его причины [Worth, Buckley 2009].

Грамшианская политическая экономия могла бы свести вопрос организаций к их положению внутри исторического блока. Исторический блок – это еще одно важное понятие, которое Грамши ввел, чтобы переосмыслить взаимоотношения базиса и надстройки при отказе от экономического детерминизма. У Грамши исторический блок – это сложившийся в определенный момент ансамбль базиса и надстроек. Мортон интерпретирует исторический блок как конкретное сочетание социальных групп, политических сил и идеологий, а также взаимоотношения между ними [Morton 2007]. К формированию исторического блока ведет успешная гегемония, которая и распределяет позиции групп внутри блока.

Комментируя деятельность Сапатистской армии национального освобождения в Мексике, Мортон отмечает, что подъем этого движения – результат органического развития, связанного с возникновением неолиберальной стратегии капиталистического накопления [Morton 2007: 183]. В рамках этого подхода можно было бы предположить, что новые экономические условия определяют и форму организации. Мортон, однако, такого вывода не делает, лишь указывая, что возникающие экономические трудности провоцируют сопротивление государственной политике. В целом это абстрактно-марксистское замечание мало способствует развитию организационной теории.

Влияние объективных экономических факторов, включая особенности мировой экономики, безусловно, необходимо учитывать в организационной теории. Изменения капитализма во второй половине XX в., глобализация, масштабный перенос производства, отказ от государства всеобщего благоденствия способствовали, например, распаду рабочего класса, упадку профсоюзов, появлению новых общественных движений, развитию сетевых организаций. Грамшианская политическая экономия упоминает эти тенденции, но абстрактно, без конкретной привязки к развитию организаций.

Постструктуралистские теории в грамшианстве

Теория Лакло также относится к грамшианству, потому что ориентируется, прежде всего, на понятие гегемонии в том смысле, в котором его развивал Грамши, но имеет мало общего с грамшианской политической экономией. Лакло не интересовался экономическими вопросами. Его теория строится на дискурс-анализе и многое заимствует не только у Грамши, но и у французских структуралистов и постструктуралистов. Лингвистику Лакло приравнивал к онтологии. Первичный элемент анализа у Лакло – это требование, поэтому организационная теория здесь могла бы строиться на основе рассмотрения требований.

Вместо термина «исторический блок» Лакло использовал термин «гегемоническая формация», который отсылает к дискурсивной формации Мишеля Фуко. Таким образом, отношения между социальными группами, политическими силами и идеологиями рассматриваются как отношения между элементами дискурса. Эти отношения определяются двумя артикуляционными логиками: логикой различия и логикой эквивалентности. Логика различия разделяет дискурсивные элементы, указывает на различия между ними, а логика эквивалентности, напротив, указывает на их сходство и объединяет [Laclau, Mouffe 2001].

Эти две логики важны для понимания классификации требований у Лакло. Теория популизма Лакло различает демократические и народные

(popular) требования. Демократические требования остаются изолированными. Гегемоническая формация может их удовлетворить, и удовлетворение изолированных требований составляет основу трансформизму у Лакло. Таким образом, грамшианская абсорбция элементов угнетенных классов обретает практическое воплощение. Абсорбция, то есть трансформизм, происходит через изоляцию требований и удовлетворение некоторых из них. Так как наличие гегемонии подразумевает добровольное подчинение, то для подчинения необходимо, чтобы некоторые требования снизу удовлетворялись. Изолированность требований поддерживается логикой различия. В отличие от демократических требований, народные требования объединяются логикой эквивалентности и служат основой для появления народа и, в конце концов, для популизма [Laclau 2005: 74].

В теории популизма Лакло объединение требований является одной из основ популизма. Через объединение требований конструируется народ, то есть народная идентичность, которая представляет собой не просто сумму требований и выражающих их социальных групп, а чем-то качественно новым. Кроме того, новый народ должен быть антагонистичен по отношению к старой гегемонической формации. Таким образом, демократические требования могут быть удовлетворены в рамках старой формации, а новые требования представляют угрозу ей и могут вести к созданию новой формации.

Объединение требований, конструирование народной идентичности, которая могла бы быть антагонистичной по отношению к старой формации, требует гегемонии. Лакло интерпретирует это понятие тоже в русле постструктуралистского дискурс-анализа как представление частной идентичности в качестве универсальной [Laclau 2005]. По мнению Лакло, универсальность не существует сама по себе изначально, но при этом партикуляризм необходимо преодолевать. Универсальность конструируется из отдельных идентичностей, когда одна из этих идентичностей представляет собой остальные. В случае с требованиями выполнение одного из требований становится залогом выполнения других.

У Лакло существует еще один уровень классификации требований. Он различает запросы (requests) и претензии (claims). Запросы умеренны, обычно адресуются местным властям и могут быть ими удовлетворены. Запросы поэтому пассивно признают легитимность существующей формации. При неудовлетворенности запросы могут превратиться в претензии [Laclau 2005: 73]. Претензии, в свою очередь, могут быть претензиями к существующему порядку или претензиями против всего порядка [Laclau 2006]. В первом случае речь идет о демократических требованиях, во втором – о народных.

Продолжая линию рассуждений Лакло о демократических и народных требованиях, исследователи различают также демократический и народный

протест [Marchart 2012]. Первый ориентируется на узкие, секторальные требования, стремится к частичным улучшениям и сосуществует со старой формацией, второй стремится создать новую формацию, не ограничиваясь выполнением отдельных требований. В этом контексте можно провести параллель с тред-юнионистской и социал-демократической политикой у Ленина.

Назвав условия для популизма (объединение требований, народная идентичность, антагонизм между народом и старой формацией), Лакло перечислил и препятствия для популизма: институциональная дифференциация, высокая социальная гетерогенность, излишняя гомогенизация требований, которая полностью подавляет все требования в пользу одного из них и не дает сформироваться народной идентичности [Laclau 2005: 200]. Таким образом, теория Лакло антиинституционалистская, что в целом совпадает с общим «мейнстримным» представлением о популизме как об угрозе институтам. Исходя из этого, институционализированные общественные движения и, например, профсоюзы, которые являются институционализированной частью рабочего движения, не способствуют популизму сами по себе.

Однако у Лакло непонятно, играют ли организации какую-либо роль в объединении требований, гегемонии и популизме. В ленинской концепции тред-юнионистской и социал-демократической политики значение организаций очевидно. Социал-демократическая политика невозможна без партии, которая привносит классовое сознание, преодолевает ограниченность требований и осуществляет гегемонию. В некоторых работах Лакло позитивно оценивал Ленина, отдавая ему должное за «коперниканскую революцию» в марксизме, то есть за утверждение «примата политического» и разрыв с позитивизмом и детерминизмом [Laclau, Mouffe 1981].

Теории гегемонии и популизма Лакло, как известно, стали ответом на появление новых общественных движений [Laclau 1985]. Новые общественные движения гетерогенны и обычно не стремятся к масштабным политическим изменениям, выдвигая умеренные требования. Гегемония и популизм должны преодолевать их гетерогенность и указывать на возможность политики в современных условиях. При этом сами новые общественные движения в своей практике не уделяли большого внимания строительству организаций. Под влиянием новых общественных движений теоретические дискуссии сместились в сторону сетей, которые должны были заменить будто бы дискредитировавшие себя централизованные организации.

Несмотря на теоретические попытки преодолеть гетерогенность новых общественных движений, Лакло не критиковал их организационные недостатки. Объединение требований, конструирование народной идентичности и установление антагонизма у него выглядят в основном риторическими операциями.

Другие авторы, которые развивали подход Лакло, тоже обходили стороной вопросы организаций даже в тех случаях, когда дискуссия об организациях напрашивалась. Например, анализируя в русле теории Лакло неудачи и дерадикализацию левопопулистских партий в современной Европе, Александрос Киупкиолис и Гиоргос Катсамбекис указывают, что партия «Сириза» утратила прямую связь с низовыми движениями, но теоретизируют утрату связи в контексте изменений дискурса [Kioupkiolis, Katsambekis 2018]. Обсуждая перонизм в период с 1955 по 1973 г., то есть во время изгнания Хуана Перона, Себастьян Баррос и Густаво Кастаньола иногда упоминают аргентинские профсоюзы, которые во время репрессий и фактического запрета перонизма сохраняли и поддерживали идеи Перона. Тем не менее основное внимание авторов сосредоточено на дискурсах, риторике, идеологии и идентичностях, существовавших в условиях антагонизма между перонистами и антиперонистами [Barros, Castagnola 2000]. Иными словами, профсоюзы в этом контексте рассматриваются как артикуляторы определенного дискурса. Анализируя в русле теории Лакло кампанию протеста против расширения аэропорта в Манчестере, Стивен Григгз и Дэвид Ховарт фокусируются на формировании идентичностей различных протестных групп и дополняют дискурс-анализ разновидностями теории рационального выбора. По мнению авторов, поиски пустого означающего помогают преодолевать дилемму безбилетника [Griggs, Howarth 2000]. Таким образом, исследователи, придерживающиеся подхода Лакло, вынуждены обращаться к теории рационального выбора, чтобы интегрировать дискуссию об организациях.

Тему организаций немного затронули Антон Йегер и Артур Боррьелло, отметив дискуссии о вертикальных и горизонтальных подходах в общих дебатах о популизме, включая теорию Лакло. Как указывают авторы, теория популизма у Лакло подразумевает, что для гегемонии и популизма необходима репрезентация, то есть опосредование. Лакло не конкретизирует, что это за репрезентация. В современных условиях, утверждают авторы, когда партии и профсоюзы в упадке, эта репрезентация проявляется в виде харизматичного лидера [Jäger, Borriello 2020]. Однако в указанной статье исследователи обращаются, скорее, к проблемам лидерства и персонализма, а обсуждение организаций составляет фон для дискуссии о лидерах. Те же авторы, исследуя успехи и неудачи левых популистов в Европе и США, отмечают общую организационную аморфность популистов, но не теоретизируют ее в рамках подхода Лакло [Jäger, Borriello 2023].

Наконец, некоторые исследователи указывают на дискурсы об организациях, контроле и иерархии с точки зрения дискурс-анализа Лакло и Шанталь Муфф [Willmott 2005], что, конечно, не может заменить организационную теорию как таковую. Сам Лакло отмечал, что на формирование

его теории повлияли в том числе дискуссии о профсоюзах в Аргентине в 1950-е гг. Несмотря на это, интерес к профсоюзам, естественный для перонистской Аргентины, незаметен в работах Лакло.

Теорию Лакло периодически критикуют за формализм. Под формализмом критики могут подразумевать отсутствие нормативности, то есть четко выраженной антикапиталистической позиции. С другой стороны, критики указывают, что формальное расширение цепочек эквивалентности не исчерпывает грамшианскую концепцию «современного Государя» [Thomas 2013].

В действительности, как уже говорилось, популизм Лакло предполагает не только расширение цепочек эквивалентности и объединение требований, но и конструирование новой идентичности, установление антагонистической границы между народом и элитой. Проблема здесь в том, что и для объединения требования, и для создания народа, и для удержания антагонизма необходимы, вероятно, организованные усилия, а не только риторика.

Подход, который считает лингвистику онтологией и фокусируется на требованиях, не противоречит организационной теории. Можно предположить, что организационная структура связана с типом требований, которые выдвигает организация. Ленинская тред-юнионистская политика, которую можно ассоциировать с демократическими требованиями у Лакло, очевидно, связана с самими профсоюзами и с парламентскими партиями. Социал-демократическая политика, которая делает требования народными, должна явно обладать связями с широкими массами, чтобы аккумулировать различные требования, и достаточно централизованной, чтобы объединять их. Аморфные сетевые структуры мало подходят для народных требований.

Перспективы организационной теории в грамшианстве

Рассмотрение современных грамшианских теорий показывает, что для самого Грамши организации были гораздо важнее, чем для его последователей из разных теоретических тенденций. В этом нет ничего удивительного, если учесть упадок как самих организаций, так и мысли о них в последние десятилетия.

Теоретические подходы Грамши подвергались критике из-за конкретной практики Итальянской коммунистической партии, которая в послевоенные десятилетия утратила всякую революционность и связь с массами, перейдя к соглашательству и в дальнейшем к еврокоммунизму. При этом партия продолжала апеллировать к авторитету Грамши. Неприятие деятельности Итальянской коммунистической партии периодически приводило к фактическому отторжению грамшианства. Например, итальянские операисты отвергали и практику Итальянской коммунистической партии, и сами теоретические подходы, которые ориентировались на понятие гегемонии, хотя

формально тоже апеллировали к авторитету Грамши. Так как операизм – это близкий к анархо-синдикализму вариант автономистского марксизма, он предполагал возможность рабочего класса добиваться своих целей без привычных партий, то есть автономно, без опосредования, и фактически без гегемонии. Операизм не отрицает партии полностью, но ставит их в подчиненное положение по отношению к стихийности [Wright 2002].

Одним из теоретиков операизма был Антонио Негри, чьи более поздние работы критиковал уже Лакло [Laclau 2001]. В написанной в соавторстве с Майклом Хардтом работе Негри «Империя» выдвигается на первый план понятие множества, которое стало объектом критики Лакло. По мнению Лакло, теоретический подход Хардта и Негри делает политику немислимой, потому что множество уже само по себе, имманентно обладает потенциалом для эмансипации и не нуждается в политическом действии, в гегемонии и антагонизме. Если освободительный потенциал есть у множества всегда, то нет необходимости в репрезентации, опосредовании и, в конце концов, организации, потому что множество может реализовать свой потенциал стихийно. Народ у Лакло, напротив, не существует изначально, а конструируется в результате политического вмешательства, то есть гегемонии. Тем не менее Лакло, как уже говорилось выше, не делает шаг в сторону дискуссии об организациях.

Основные претензии к грамшианской теории гегемонии собрал Ричард Дэй в своей книге 2005 г. «Грамши мертв» [Day 2005]. В книге критикуется теория гегемонии не только с анархистских позиций, но и, что примечательно, в контексте дискуссий о новых общественных движениях. Анархистская критика гегемонии понятна: гегемония предполагает наличие организованной иерархии. Дэй справедливо выводит генеалогию гегемонии из «Что делать?» Ленина, показывая, что гегемония может ассоциироваться с централизованной организацией. Подход Лакло к новым общественным движениям не устраивает Дэя примерно по тем же причинам, что и ленинизм. По мнению Дэя, гегемония в любом случае стремится к тотализации и навязывает низовым движением единство сверху. Выходом для Дэя являются нетотализируемые, необъединяемые множества низовых инициатив и автономных сообществ, которым в целом не нужны организации, что, как считает Дэй, продемонстрировали антиглобалистские движения конца 1990-х и начала 2000-х гг. Таким образом, отрицание гегемонии может идти рука об руку с отрицанием организаций.

Хотя наиболее активные критики гегемонии и централизованных организаций негативно относились и к Лакло, он сам, защищая теорию гегемонии в целом, не пытался противопоставить своим «анархистским» критикам подход, признающий необходимость организаций. Снижение внимания к организационным вопросам повлияло и на теорию Лакло.

Как уже говорилось выше, возникновение новых общественных движений сместило акцент с организаций на сообщества и различные сетевые структуры. С другой стороны, более «мейнстримные», принятые в академической среде теории организаций не всегда различают, например, организации общественных движений и фирмы, применяя к этим разным явлениям одинаковые подходы.

Антиглобалистские движения и новые общественные движения, в конце концов, показали свою ограниченность. Недостатки тех движений, которые отрицают организационное строительство, опираясь на сети и стихийность, окончательно проявились после поражения Occupy Wall Street и схожих протестов, происходивших в разных странах, включая Россию, где в 2012 г. недолго существовала подражательная инициатива «Оккупай Абай». Разочарование в неорганизованных «оккупаях» отразилось и в теоретических дискуссиях [Dean 2016].

Теория Лакло в определенной степени повлияла на появление левопопулистских партий в Европе в 2010-х гг., таких как испанская партия «Подemos» и греческая «Сириза». Эти партии должны были выразить недовольство, возникшее в странах в связи с затяжными экономическими кризисами и мерами по их преодолению. Постепенный упадок этих партий и неспособность представить низовые требования могли также поставить под сомнения теорию Лакло. Однако неудачи левопопулистских партий, скорее, еще раз подчеркивают необходимость организационной теории, которая как раз отсутствует у Лакло.

В случае с партиями «Подemos» и «Сириза» следует больше внимания уделить трансформизму, который может опираться на институциональную дифференциацию для предотвращения популизма. Проявлением этой институциональной дифференциации можно считать парламентаризм. Критика исключительно парламентских методов, как известно, свойственна традиции, идущей еще от Ленина. Ни ленинизм, ни грамшианские теории не утверждали, что следует полностью отказаться от участия в выборах. Однако с точки зрения организационной теории можно предположить, что парламентская партия отличается от «современного Государя».

Питер Томас утверждает, что «современного Государя» следует понимать в терминах Жака Рансьера как «установление причастности непричастных» [Thomas 2013: 32; Рансьер 2013: 34]. Действительно, обращение к Рансьеру здесь продуктивно. О некотором сходстве теорий Лакло и Рансьера говорили не только исследователи их творчества, но и сам Лакло.

Для Рансьера важно различие политики и полиции. Полиция – это процесс управления, который «состоит в организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними и основан на иерархическом распределении

мест и функций» [Рансьер 2006: 99]. Политика – это освободительный процесс, состоящий из «взаимодействия практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой об унификации этого равенства» [Рансьер 2006: 99–100].

В этом контексте полицию можно сопоставить с одним из проявлений трансформизма. Парламентаризм также служит аспектом полиции, потому что парламенты организуют подсчет и консенсус отдельных социальных групп.

В терминах Лакло успешная парламентская деятельность подразумевает претензии не против всего институционального порядка, а к отдельным институтам, то есть в лучшем случае демократические требования. Роль парламентаризма в смягчении протестов признают и более «мейнстримные» подходы. Известная книга Амитаи Этциони «Демократия демонстраций», например, утверждает, что протесты помогают законодательным собраниям узнать требования снизу и встроить эти требования в существующую политическую систему [Etzioni 1970].

Таким образом, парламентская партия должна, скорее, сдерживать расширение требований, оставляя их демократическими, не давая перерасти в народные. В рамках теории Лакло Йегер и Боррьелло указывают, ссылаясь на целый ряд исследований, посвященных современным партиям, что нынешняя парламентская политика подразумевает исчезновение массовых партий, отрыв партийного руководства от масс и ориентацию на отдельных кандидатов, чьи образы продвигаются через СМИ. Иными словами, такая организационная структура служит ограничением для популизма. Тем не менее некоторые исследования показывают, что партия «Подemos», в отличие от «Сиризы», например, пыталась ввести отдельные элементы прямой демократии, но обе партии стремились к тому, чтобы стать массовыми [Vittori 2020]. Впрочем, в процитированной работе Виттори рассматриваются официальные документы партий, а не их организационные практики, которые в реальности могут отличаться от заявленных принципов. Итоговые неудачи двух левопопулистских партий свидетельствуют о том, что общие особенности существующих гегемонических формаций все-таки сумели подчинить и нейтрализовать популистские движения. Один из бывших лидеров партии «Сириза», бывший министр финансов Греции Янис Варуфакис, как известно, вышел из партии, создав новую организацию, и раскритиковал своих бывших однопартийцев за выполнение приказов из Брюсселя¹.

¹ Varoufakis Y. 2023. La Stampa interview (English Version). URL: <https://www.yanisvaroufakis.eu/2023/05/29/la-stampa-interview-english-version-on-greek-gvt-refugee-policy-greeces-economy-mera25-electoral-setback-the-euro-italys-pd-and-angela-merkel/> (дата обращения: 14.12.2023).

Так как грамшианские теории обычно рассматривают особенности исторического блока (гегемонической формации), при таком подходе анализируется влияние структурных факторов на организации. С другой стороны, опыт левопопулистских парламентских партий можно интерпретировать как проявление взаимосвязи между методами и организационными структурами. Превалирование парламентских методов теоретически способствует трансформизму.

В целом, как говорилось выше, концепция «современного Государя» включает в себя вовлечение широких масс в организованную политическую деятельность. Этот аспект «современного Государя» соответствует ленинской идеи соединения рабочего движения и революционной борьбы, а также объединению различных требований у Лакло. Важную роль в вовлечении масс в борьбу играли профсоюзы. Однако грамшианская теория стремится к последовательному демократизму в противовес бюрократизации. Исходя из этого, профсоюзы не могут играть только пассивную роль, а их организационные подходы тоже имеют значение. Иными словами, не каждый профсоюз может быть по-настоящему «приводным ремнем».

В «Детской болезни левизны в коммунизме» Ленин [Ленин 1981] утверждал, что коммунистам необходимо работать во всех профсоюзах, включая «реакционные». Однако эта работа должна способствовать также избавлению профсоюзов от реакционности, поэтому Ленин указывал, что партия должна воспитывать профсоюзы, изгонять из их руководства «вождей оппортунизма и социал-шовинизма».

В приведенном отрывке из работы Ленина речь идет в основном об идеологических проблемах профсоюзов. Для развития организационной теории необходимо обозначить связь между идеологиями и особенностями организаций. Современные профсоюзы еще в меньшей степени, чем профсоюзы 1910-х и 1920-х гг., могут быть похожи на часть борьбы за гегемонию. Профсоюзы постепенно эволюционировали в сторону повышенной сервисности. Определенная сервисность, то есть предоставление членам профсоюзов определенных услуг (юридических, информационных, образовательных) от профсоюзных профессионалов, всегда присутствовала в профсоюзах, если только эти профсоюзы легальны. Но, как показывают исследования, во второй половине XX в. профсоюзная модель становилась все более сервисной и менеджерской, при которой члены профсоюза рассматриваются как пассивные потребители [Heery, Kelly 1994].

Сервисные, «менеджерские» профсоюзы логичным образом не предполагают широкой вовлеченности масс в политику и внутренней демократии, так как отношения между потребителями и поставщиками услуг вряд ли могут быть описаны в терминах демократии.

Исследование причин, по которым профсоюзы становятся более или менее сервисными, может стать вызовом для организационных теорий в грамшианстве. В существующих подходах обращается внимание на неблагоприятное законодательство, меняющуюся экономическую политику государств и экономическую структуру в целом. Например, расширение сферы услуг и нестандартной занятости, увеличение количества малых предприятий создают дополнительные трудности для формирования профсоюзных организаций [Vassago, Howell 2017]. Также можно предположить, что угроза репрессий заставит профсоюзы отказываться от коллективных действий в пользу предоставления юридических услуг. В этом случае грамшианская политическая экономия могла бы теоретизировать влияние экономической структуры на рабочие организации и показать сочетание экономических факторов с политическими.

Распространению сервисных профсоюзов должен способствовать успешный и широкий трансформизм, то есть возможность гегемонической формации удовлетворять требования. Логично предположить, что сервисные профсоюзы, не стремясь к коллективным действиям, встраиваются в гегемоническую формацию и получают преимущества от трансформизма, если ограничиваются запросами. При распространении сервисных профсоюзов неудовлетворение запросов тоже не ведет к их перерастанию в претензии.

Таким образом, развитие организационной теории в рамках современных грамшианских подходов может происходить по нескольким направлениям, таким как взаимосвязь гегемонии и организаций в целом, современное понимание партий, критика парламентаризма, взаимосвязь организаций и требований разных видов, взаимозависимость методов и видов организаций, влияние особенностей гегемонической формации на организации, роль профсоюзов и их конкретных видов для популизма, гегемонии и трансформизма.

Заключение

Организационные вопросы имели большое значение для Грамши. Он не представлял гегемонию без развитых организаций и представил продолжающий идеи Ленина, но при этом оригинальный взгляд на взаимоотношения профсоюзов, партии и советов. Несмотря на сохраняющийся интерес к грамшианству, в современных грамшианских теориях организационные вопросы не получают должного внимания.

Грамшианская политическая экономия во многом повторяет институционалистские подходы, в которых низовые организации играют второстепенную роль, а теория Лакло, как известно, больше фокусируется на дискурсе. Долгий упадок организаций, начавшийся во второй половине XX в. и все еще не до

конца преодоленный, отразился и на теоретических дискуссиях, снизив общий интерес к организациям.

Дальнейшее развитие грамшианства требует выработки организационной теории внутри него. Следуя идеи «современного Государя», грамшианские подходы должны обращать внимание на виды организаций, которые могли бы вовлекать широкие массы в политику, противостоять трансформизму и строить новую гегемоническую формацию. С этой точки зрения для грамшианских теорий должны быть важны взаимосвязь организаций и методов с видами требований, угрозы парламентаризма, влияние особенностей гегемонической формации на формирование организаций.

Углубление дискуссий об организациях в рамках грамшианства может внести вклад в общее понимание общественных и политических движений, их организационных структур и методов, а также причин их успехов и неудач.

Источники

Грамши А. 1957. *Избранные произведения*: в 3 т. Т. 1. М.: Изд-во иностранной литературы.

Грамши А. 1959. *Избранные произведения*: в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во иностранной литературы.

Ленин В. 1963. *Полное собрание сочинений*. Т. 6. М.: Государственное изд-во политической литературы.

Ленин В. 1973. *Полное собрание сочинений*. Т. 20. М.: Государственное изд-во политической литературы.

Ленин В. 1981. *Полное собрание сочинений*. Т. 41. М.: Государственное изд-во политической литературы.

Рансьер Ж. 2006. *На краю политического*. М.: Практис.

Рансьер Ж. 2013. *Несогласие*. СПб.: Machina.

Vaccaro L., Howell C. 2017. *Trajectories of neoliberal transformation. European industrial relations since the 1970s*. Cambridge: Cambridge University Press.

Barros S., Costagnola G. 2000. The political frontiers of the social: Argentine politics after Peronist populism (1955–1973). In: Horwath D., Norval A., Stavrakakis Y. (eds) *Discourse theory and political analysis. Identities, hegemonies and social change*. Manchester; New York: Manchester University Press. P. 24–37.

Bieler A., Morton A.D. 2006. Class formation, resistance and the transnational beyond unthinking materialism. In: Bieler A., Bonefeld W., Burnham P., Morton A.D. (eds.) *Global restructuring, state, capital and labour. Contesting Neo-Gramscian Perspectives*. Basingstoke; New York: Pallgrave Macmillan.

Boggs C. Jr. 1975. Gramsci's theory of the factory councils: nucleus of the socialist state. – *Berkeley Journal of Sociology*. Vol. 19. P. 171–187.

Collier R.B., Collier D. 2002. *Shaping the political arena. Critical juncture, the labor movement, and regime dynamics in Latin America*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.

Day R.J.F. 2005. *Gramsci is dead. Anarchist currents in the newest social movements*. London, Ann Arbor and Toronto: Pluto Press and Between the Lines.

Dean J. 2016. *Crowds and party*. London; New York: Verso.

Etzioni A. 1970. *Demonstration democracy*. New York; London; Paris: Gordon and Breach, Science Publishers.

Gill S. 2000. Toward a postmodern prince? The battle in Seattle as a moment in the new politics of globalization. – *Millenium*. Vol. 29. No 1. P. 131–140.

Gramsci A. 1977. *Quaderni del carcere*. Vol. 3. Torino: Giulio Einaudi editore.

Griggs S., Howarth D. 2000. New environment movements and direct action protest: the campaign against Manchester Airport's second runway. In: Horwath D., Norval A., Stavrakakis Y. (eds) *Discourse theory and political analysis. Identities, hegemonies and social change*. Manchester; New York: Manchester University Press. P. 52–69.

Heery E., Kelly J. 1994. Professional, participative and managerial unionism: an interpretation of change in trade unions. – *Work, Employment & Society*. Vol. 8. No 1. P. 1–22.

Hesketh C., Morton A.D. 2014. Spaces of uneven development and class struggle in Bolivia: transformation or *trasformismo*? – *Antipode*. Vol. 46. No 1. P. 149–169.

Jäger A., Borriello A. 2020. Left populism on trial: Laclauian politics in theory and practice. – *Theory and Event*. Vol. 23. No 3. P. 740–764.

Jäger A., Borriello A. 2023. *The populist moment. The left after the Great Recession*. London; New York: Verso.

Kioupkiolis A., Katsambekis G. 2018. Radical left populism from the margins to the mainstream: a comparison of Syriza and Podemos. In: Garcia Agustin O., Briziarelli M. (eds.) *Podemos and the new political cycle. Left-wing populism and anti-establishment politics*. Basingstoke; London: Pallgrave Macmillan. P. 201–226.

Laclau E. 1985. New social movements and the plurality of the social. In: Slater D. (ed.) *New social movements and the state in Latin America*. Amsterdam: Foris Publications. P. 27–42.

Laclau E. 2001. Can immanence explain social struggles? – *Diacritics*. Vol. 31. No 4. P. 2–10.

Laclau E. 2005. *On populist reason*. London; New York: Verso.

Laclau E. 2006. Why constructing a people is the main task of radical politics. – *Critical Inquiry*. Vol. 32. No 4. P. 646–680.

Laclau E., Mouffe C. 1981. Socialist strategy. Where next? – *Marxism Today*. January. P. 17–22.

Laclau E., Mouffe C. 2001. *Hegemony and socialist strategy*. London; New York: Verso.

Marchart O. 2012. Elements of protest. Politics and culture in Laclau's theory of populist reason. – *Cultural Studies*. Vol. 26. No 2/3. P. 223–241.

Morton A.D. 2007. *Unravelling Gramsci*. London; Ann Arbor: Pluto Press.

Morton A.D. 2011. *Revolution and state in modern Mexico: the political economy of uneven development*. Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers.

Simon R. 2010. Passive revolution, perestroika, and the emergence of the new Russia. – *Capital & Class*. Vol. 34. No 3. P. 429–448.

Thomas P. 2013. Hegemony, passive revolution and the modern Prince. – *Thesis Eleven*. Vol. 117. No 1. P. 20–39.

Vittori D. 2020. The impact of populism on party organization? A study of four Southern European 'populist' parties. – *European Politics and Society*. Vol. 21. No 1. P. 53–71.

Willmott H. 2005. Theorizing Contemporary Control: Some Post-Structuralist Responses to Some Critical Realist Questions. – *Organization*. Vol. 12. No 5. P. 747–780.

Worth O. 2005. *Hegemony, international political economy and post-communist Russia*. Aldershot: Ashgate.

Worth O. 2011. Recasting Gramsci in international politics. – *Review of International Studies*. No 37. P. 373–382.

Worth O., Buckley K. 2009. The World Social Forum: postmodern prince or court jester? – *Third World Quarterly*. Vol. 30. No 4. P. 649–661.

Wright S. 2002. *Storming Heaven*. London; Sterling: Pluto Press.

Балаян Александр, Томин Леонид

Политические эффекты государственных цифровых платформ и сервисов в автократиях

Балаян

Александр Александрович –

кандидат политических наук, доцент
департамента политологии
и международных отношений НИУ
ВШЭ – СПб

Для связи с автором:
alexandr1138@mail.ru

Томин Леонид Владимирович –

кандидат политических наук,
доцент кафедры политического
управления Санкт-Петербургского
государственного университета

Для связи с автором:
leopolit@yandex.ru

Для цитирования:

Балаян А.А., Томин Л.В. Политические эффекты государственных цифровых платформ и сервисов в автократиях // Публичная политика. 2023. Т. 7. № 1–2. DOI: 10.31856/2541-8351_2023_7_1–2_108

Аннотация

Статья посвящена исследованию отдельных аспектов цифровизации управления в автократиях – прежде всего государственным платформам и цифровым сервисам. Анализ политических эффектов государственных платформ и сервисов проводится в более широком контексте исследования новых кибернетических элементов управления, которые дополняют/трансформируют традиционные для автократий дисциплинарные институты и электоральное «меню манипуляций».

Ключевые слова: цифровизация, кибернетическая модель управления, цифровая автократия, большие данные, умный город.

Balayan Alexandr, Tomin Leonid

The political effects of digital government platforms and services in autocracies

Balayan Alexandr A. –

*Associate professor,
Department of Political Science
and International Affairs
HSE Campus in St. Petersburg.*

*To contact the author:
alexandr1138@mail.ru*

Tomin Leonid V. –

*Associate professor,
Department of political governance
Saint Petersburg University.*

*To contact the author:
leopolit@yandex.ru*

Abstract

The paper is devoted to the study of certain aspects of the digitalization of public administration in autocracies, primarily government platforms and digital services. The analysis of the political effects of government platforms and services is carried out in the broader context of the study of new cybernetic mode of governance that complement/transform the disciplinary institutions traditional for autocracies and the electoral “menu of manipulations”.

Keywords: digitalization, cybernetic governance, digital autocracy, big data, smart city

Введение

Цифровизация государственного управления, внедрение платформ и сервисов ставит перед исследователями множество разнообразных вопросов. С одной стороны, это концептуальные дискуссии о трансформации механизмов власти и управления [Bloom 2019: 162–166], с другой – особенности функционирования платформ и сервисов в институциональном ландшафте различных политических режимов [Howard 2011]. Во взаимодействии государства и граждан цифровые экосистемы, алгоритмы и отдельные сервисы играют роль посредников, в такой ситуации ключевыми проблемами становятся их прозрачность и нейтральность [Томин 2021: 15–17].

Проблема прозрачности и нейтральности не является исключительно технической, поскольку находится в сфере интересов правящих классов и корпораций, заинтересованных в сохранении власти и прибыли. Доминирующие акторы стремились использовать алгоритмы-посредники, начиная с середины 1990-х, на заре зарождения интернет-экономики. По причине стремительного роста объемов рекламы и спама возникла проблема «информационной перегрузки»; тогда эксперты стали активно обсуждать идею разработки «интеллектуальных агентов», персонализированных встроенных алгоритмов. Дж. Ланир отметил, что идеальный посредник работающих в интересах пользователя будет блокировать рекламу, но, поскольку это противоречит интересам площадок онлайн-торговли, «интеллектуальные агенты» неизбежно станут маркетинговым инструментом IT-корпораций [Паризер 2012: 33].

В последние годы применительно к IT-корпорациям данный тезис находит все большую поддержку в научной литературе [Pasquale 2015]. Экономическая модель «надзорного капитализма» построена на извлечении массивов данных из взаимодействий человеческих и нечеловеческих акторов. Цифровая инфраструктура пронизывает социум и механосферу, повседневная жизнь и взаимодействия индивидов проходят в новом типе пространства непрерывного сбора данных (смартфон, умный дом, социальные сети). Основным источником дохода IT-корпораций является монетизация пользовательских данных. Их обработка позволяет разрабатывать предикативные механизмы и инструменты для воздействия на поведение индивидов [Зубофф 2022: 172–188].

Трансфер моделей управления и технологий из корпоративного сектора в сферу государственного управления, по идее, должен сопровождаться их корректировкой под новые функции. Проблема, однако, состоит в том, что многие государства действуют в логике дата-корпораций, они не ограничивают себя и коммерческие платформы правилами, регулирующими масштабы извлечения и формы использования пользовательских данных [Этика и «цифра»... 2020: 29]. Подобная модель цифровизации

экономики и управления воспроизводит и усиливает существующие социально-экономические, расово-этнические, гендерные иерархии и структуры господства [Eubanks 2018].

Кибернетическая гипотеза

Государственный или корпоративный контроль за цифровой инфраструктурой усиливает информационную асимметрию между индивидами и аппаратами управления. Кроме того, алгоритмические системы, функционирующие как «черные ящики», создают проблему осознанности (awareness) происходящих процессов и механизмов управления.

А. Гринфилд отмечал, что элементы цифровой инфраструктуры «производят в мире материальные эффекты, не всегда раскрывая то, как они их произвели. Эта непрозрачность мешает нам понять, действуют ли алгоритмы, которые с нами работают, в соответствии с нашими ценностями. <...> Говоря простыми словами, некоторые стороны извлекают выгоду из того факта, что мы не понимаем, как действуют инструменты, используемые для того, чтобы нас ранжировать и упорядочивать» [Гринфилд 2018: 328–329].

Описанные изменения демонстрируют новую логику и механизмы власти, государства, и IT-корпорации внедряют элементы кибернетической модели управления. Цифровая инфраструктура является социотехническим ансамблем (socio-technical assemblage) двойного назначения: возникнув как маркетинговый инструмент, она затем была интегрирована в аппараты управления. Ф. Гваттари и А. Негри на раннем этапе цифровизации писали, что логика капитала и его технологические императивы постепенно поглощают общество непосредственно на материальном уровне [Guattari, Negri 1990: 49].

Предикативные алгоритмы, работающие на основе пулов данных, могут действовать как механизмы превентивного контроля: «Компьютеризация социального неотделима от механизации и милитаризации, видна тенденция замены систематического производства информации на ее поиск. Существуют области стратегической важности, и поэтому схемы воспроизводства, которые поддерживают жизнь и борьбу, контролируются во все большей и большей степени, упорядочиваются и в конце концов превентивно подавляются» [Guattari, Negri 1990: 52–53].

Бизнес-модель «надзорного капитализма», адаптированная государствами, создает новый тип пространства и инструменты субъективации индивидов. Физическое пространство пронизано элементами цифровой инфраструктуры, прежде всего алгоритмическими системами, функционирующими на основе обработки пулов данных. В этом гибридном пространстве действуют инструменты цифрового мониторинга и контроля, а индивид постоянно открыт к воздействию алгоритмов через «подталкивание» [Ranchordás 2020: 261–263].

В кибернетической модели управления диаграмма власти функционирует в «гладком» пространстве (термин Ж. Делеза) на основе цифровой инфраструктуры и потоков данных. Цифровое подталкивание (digital nudging) осуществляется посредством «кураторства сетевого ландшафта, внутри которого осуществляется действие», и направлено на производство рефлексивных реакций, а не сознательных действий [Krivy 2016: 16]. В современном управленческом диспозитиве роль технических машин в производстве субъективности становится доминирующей, предшествующие либеральные элементы и принципы вытесняются кибернетической логикой [Тиккун 2022: 15–21]. Данные изменения связаны не только с цифровизацией и ростом влияния технологий – политическая рациональность управления по отношению к субъективности сдвигается в сторону большего конструктивизма и интервенционизма.

Институциональный дизайн и технологии управления направлены на решение проблемы «провала субъекта», наиболее известный пример подобного подхода – поведенческая экономика. В основе поведенческой экономики находится тезис об ограниченной рациональности человека и необходимости конструирования «архитектуры выбора» и «подталкивания» (наджинга) индивидов. Подталкивание выступает как инструмент воздействия, нейтрализующий проблему когнитивных искажений.

Арнольд Хачатуров отмечает: «Современное понимание свободы, при- сущее поведенческим экономистам, имеет больше общего с нейронауками. По аналогии с подсознательными импульсами головного мозга, которые человек не может предотвратить, но может попытаться заблокировать, психологический субъект наделяется «правом вето» против решений, предлагаемых архитекторами выбора, но не интенциональностью или автономией в кантианском смысле слова. Это значит, что государство может легитимно вмешиваться в процесс принятия решений для предотвращения «провалов субъекта» [Хачатуров 2020: 50].

«Обнаженное общество»

Проблема прозрачности и нейтральности цифровых платформ и сервисов особенно актуальна для автократий. Они используют различные схемы контроля над цифровой инфраструктурой: от централизованной этатистской модели «суверенного интернета» [Сетевые свободы 2022] до гибридной государственно-частной – через аффилированные с правительством IT-компании [Томин, Балаян 2020: 107–113]. Автократии продолжают использовать традиционные дисциплинарные институты и практики управления, добавляя к ним в различных пропорциях кибернетические элементы. Один из основных – камеры видеонаблюдения, оснащенные функцией

распознавания лиц [Bischoff 2023]. В Российской Федерации власти в ближайшие годы планируют интегрировать государственные и частные камеры в единую «Национальную платформу видеонаблюдения». Помимо этого, систему контроля дополняют технологиями биометрического распознавания, аудиомониторинга и аудиоанализа.

Государственные цифровые платформы и сервисы обычно создаются для предоставления услуг, идентификации граждан, информирования или вовлечения в деятельность. Кроме того, они могут выступать механизмами уполномочивания (empowerment) индивидов и групп. В автократии, наоборот, цифровые платформы и сервисы являются частью системы вертикального контроля. Заместитель председателя комиссии по правовому обеспечению цифровой экономики московского отделения Ассоциации юристов А. Савельев отметил, что «власти Москвы целенаправленно собирают большие массивы данных о гражданах, чтобы создать систему, подобную китайской. Граждан могут вынуждать давать обширные согласия на обработку данных в момент обращения в московские структуры и учреждения, а также передавать их с помощью “манипуляций с доступностью” льгот и госуслуг» [Королев 2021].

В автократиях платформы и сервисы имитируют вовлечение граждан в публичное управление посредством обсуждения/голосования по малозначимым с точки зрения «большой политики» вопросам. Показательным примером является проект «Активный гражданин», рекламируемый мэрией Москвы как цифровой хаб для решения городских проблем, который позволяет гражданам принимать участие в решении важнейших городских вопросов. В реальности по выносимым на голосование проблемам, когда основополагающее решение уже принято властями, горожанам предлагается определить только детали его реализации. Например, в 2015 г. жителям столицы предлагалось выбрать место для установки памятника князю Владимиру. В сформированном мэрией перечне ответов на вопрос варианта отказаться от его установки не существует. Аналогичная ситуация была с опросами, где предлагалось выбрать объект для застройки на месте сквера, опции «оставить сквер» предложено не было.

Кроме того, государственные цифровые платформы и сервисы в автократиях используются в качестве дополнительного технического элемента электорального «меню манипуляций» [Schedler 2002]. Экспертами были зафиксированы различные манипуляции с аккаунтами граждан на праймериз партии «Единая Россия» [Портал государственных проблем... 2021], использование системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ) на выборах в Московскую гордуму (2019 г.) и Государственную Думу (2021 г.) для мобилизации зависимых групп (работников бюджетной сферы, сотрудников

госкорпораций) и административной корректировки результатов итогов выборов [Брикульский 2022].

Автократии используют платформы и сервисы как специфическую деполитизированную систему обратной связи. Возникает система цифрового патернализма, гражданин взаимодействует с государством исключительно как изолированный объект государственной опеки. И. Быков, исследователь российских государственных платформ и сервисов, отмечает, что «граждане специально держатся в атомизированном состоянии, что позволяет администрации управлять текущими хозяйственными вопросами, выступая в качестве единственного дееспособного института в стране» [Быков 2021: 192].

Объем данных, собираемых цифровой инфраструктурой автократий, избыточен с точки зрения нужд обычного управления. Кроме того, государство стремится максимально централизовать систему хранения и управления данными. Пулы формируются на основе данных государственных платформ и сервисов; кроме того, существуют городские интеллектуальные системы управления дорожным движением, камеры видеонаблюдения, оснащенные функцией распознавания лиц. Государство получает данные, собираемые частными компаниями (геоаналитические данные операторов сотовой связи, публичные Wi-Fi-сети, сервисы такси).

Государство построило систему контроля и фильтрации сетевого трафика на основе специализированных программно-аппаратных комплексов с технологией «глубокого анализа пакетов данных» (deep packet inspection) [Bischoff 2022]. Операторы сотовой связи по закону обязали установить систему технических средств для обеспечения функций оперативно-разыскных мероприятий (СОРМ). Она собирает и хранит различную информацию о пользователе: биллинг, Network Address Translation (NAT), протокол Radius и Deep packet inspection (DPI). Кроме того, существует реестр организаторов распространения информации (ОРИ), обязывающий мессенджеры, операторы связи, сервисы и сайты собирать, хранить и предоставлять по запросу спецслужб данные об активности пользователей.

Подобный тип «цифровизации сверху» усиливает существующие механизмы власти (информационная асимметрия) и создает дополнительные кибернетические инструменты контроля и «подталкивания» (наджинга). В последние годы в обычную практику для властей вошло политически мотивированное использование цифровой инфраструктуры (отключение интернета в период акций протеста, использование камер с системой распознавания лиц для слежки и репрессий) [Балаян, Томин 2021: 28–30]. Складывается социотехническая система «перевернутой подотчетности», где не государство становится более прозрачным и контролируемым, а наоборот – общество. В. Пэккард на заре развития цифровых технологий предсказывал подобное

развитие событий, когда писал об «обнаженном обществе» (naked society) [Packard 2014].

Цифровые платформы и сервисы, выполняющие роль посредников, не являются прозрачными и нейтральными. Граждане использующие государственные цифровые платформы и сервисы, не знают их политики обработки персональных данных. Их коммуникация с элементами цифровой инфраструктуры и сервисами подчинена кибернетической логике, когда воздействие (в форме наджинга) действительно направлено на производство не сознательных действий, а рефлекторных реакций. Поскольку архитектура платформ и сервисов зачастую не предполагает получения согласия в явно выраженном виде на целый ряд важных аспектов их использования.

Показательным примером, иллюстрирующим данный тезис, служит ситуация с так называемыми «разрешениями» в мобильных версиях государственных платформ и сервисов. Разрешения – права, получаемые приложением на устройстве пользователя, часть из них необходима для его работы. Среди специалистов принято делить их на безопасные и потенциально опасные, к последним относят разрешения, затрагивающие конфиденциальность индивида. К потенциально опасным разрешениям принято относить: доступ к камере, контактам, хранилищу мобильного устройства, микрофону и данным геолокации.

Исследование специалистов АНО «Информационная культура» позволило подсчитать количество потенциально опасных разрешений, которые запрашивают государственные платформы и сервисы [Бегтин, Бузов, Орлова 2021: 60–64]. С точки зрения политики безопасности и защиты данных пользователь должен в явно выраженном виде дать согласие на предоставление доступа этим разрешениям, исследуемые приложения требовали их «по умолчанию». Лидеры по количеству потенциально опасных разрешений:

1. «Госуслуги Москвы» (девять).
2. «Moscow transport» и «Активный гражданин» (восемь).
3. «Госуслуги Югры», «Налоги ФЛ», «Парковки Москвы» (семь).
4. «Мои Документы Онлайн» (все МФЦ), «Моя Москва», «Мой Энергосбыт» (шесть).

Подводя итог, необходимо отметить, что данная статья не претендует на статус полного и исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, авторы надеются, что она может стать одним из кирпичиков в основании будущих теоретических и практических исследований. Наиболее перспективным нам представляется детальное исследование авторитарной модели цифровизации – в частности, новых кибернетических элементов управления и контроля, которые дополняют/трансформируют дисциплинарные институты и электоральное «меню манипуляций». Особенности функционирования

и политические эффекты государственных платформ и сервисов сложно правильно понять и изучить вне данного контекста.

Источники

Балаян А.А., Томин Л.В. 2021. Политические эффекты цифровой трансформации городского управления (на примере г. Москвы). – *Управленческое консультирование*. № 11 (155). С. 21–32.

Бегтин И., Буров В., Орлова К. 2021. Приватность государственных мобильных приложений в России. – *Защита информации. Инсайд*. № 2 (98). С. 58–64.

Брикульский И. 2022. Доклад «Дистанционное электронное голосование и свободные выборы: тест на совместимость». URL: https://disk.yandex.ru/i/eSAoq705hN_1lw (дата обращения: 10.11.2023).

Быков И.А. 2021. Деполизитизация социально значимых проблем в цифровых платформах государственного управления. – *Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума*: в 2 т. СПб.: Медиапир. С. 192–193.

Гринфилд А. 2018. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. М.: Дело. 424 с.

Зубофф Ш. 2022. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Изд-во Института Гайдара. 784 с.

Королев Н. 2021. С москвичами перейдут на личности. – *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4639641> (дата обращения: 10.12.2023).

Паризер Э. 2012. *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас*. М.: Альпина Бизнес Букс. 304 с.

Портал государственных проблем: как «Госуслуги» стали инструментом политической борьбы и раем для мошенников. 2021. – *Роскомсвобода*. URL: <https://roskomsvoboda.org/post/pro-gosuslugi/> (дата обращения: 10.12.2023).

Сетевые свободы. 2022. – Доклад «2022: Два Рунета». URL: <https://drive.google.com/file/d/1RiYPt8dkQAOYW6Yz4cO9LP9oChbVeqSd/view> (дата обращения: 10.12.2023).

Тиккун. 2022. *Кибернетическая гипотеза*. М.: Гилея. 158 с.

Томин Л.В. 2021. Проблема прозрачности и нейтральности рекурсивных алгоритмических систем публичного управления. – *Демократия и управление: Информационный бюллетень*. Вып. 3 (28). С. 13–15.

Томин Л.В., Балаян А.А. 2020. Цифровая автократия. Институциональная специфика отношений государства и IT-компаний. – *Публичная политика*. № 2. С. 107–112.

Хачатуров А. 2020. Трансформации режимов правительности под влиянием новых областей знания: случай поведенческой экономики. – *Экономическая социология*. Т. 21. № 2. С. 39–61.

Этика и «цифра»: Этические проблемы цифровых технологий. 2020. М.: РАНХиГС. 207 с.

Bischoff P. 2022. Data privacy laws & government surveillance by country: Which countries best protect their citizens? – *Comparitech*. URL: <https://www.comparitech.com/blog/vpn-privacy/surveillance-states/> (дата обращения: 10.12.2023).

Bischoff P. 2023. Surveillance camera statistics: which cities have the most CCTV cameras? – *Comparitech*. URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities/> (дата обращения: 10.12.2023).

Bloom P. 2019. *Monitored: Business and Surveillance in a Time of Big Data*. Polity. 256 p.

Eubanks V. 2018. *Automating Inequality. How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. St. Martin's Press. 288 p.

Guattari F., Negri A. 1990. *Communists Like Us. New Spaces of Liberty, New Lines of Alliance*. N.Y.: Semiotext(e). 144 p.

Howard P. 2011. *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy. Information Technology and Political Islam*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.

Krivy M. 2016. Towards a critique of cybernetic urbanism: the smart city and the society of control. – *Planning theory*. Vol. 17. No 1. P. 8–30.

Packard V. 2014. *The Naked Society*. New York: Ig Publishing. 272 p.

Pasquale F. 2015. *The Black Box Society. The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Cambridge: Harvard University Press. 320 p.

Ranchordás S. 2020. Nudging citizens through technology in smart cities. – *International Review of Law, Computers & Technology*. Vol. 34. No. 3. P. 254–276.

Schedler A. 2002. Elections Without Democracy: The Menu of Manipulation. – *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 2. P. 36–50.

Правила оформления текстов в журнале «Публичная политика»

1. Рукописи, присылаемые в редакцию журнала «Публичная политика», должны быть оригинальными научными исследованиями. Тексты, представляющие собой параграфы или главы из уже опубликованных статей и монографий или иных научных работ, к печати не принимаются.

2. В начале статьи указываются на русском и английском языках ее название, фамилия, имя и отчество автора, место работы, занимаемая должность, ученая степень, город, страна, e-mail, пишутся аннотация (не более 200 знаков) и ключевые слова.

3. Тексты статей представляются на русском или английском языке объемом от 0,7 до 1 п.л. без пробелов (для обзоров и рецензий от 0,2 до 0,5 п.л. тыс. знаков), включая сведения об авторе, аннотацию, ключевые понятия, список литературы, references. Текст должен быть в формате Word 2003–2021, кегль 14 “Times New Roman”, интервал 1,0. Поля страницы обычные: верхнее и нижнее по 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см.

4. Ссылки на литературу оформляются по чикагской системе – в квадратных скобках (например, [Лейпхарт 1997: 277], [Huntington 1996: 5]), в конце статьи – список научных источников в алфавитном порядке (сначала российские, затем зарубежные). Ссылки на законодательные акты, публицистику или статистические данные нужно оформлять постранично в виде сносок. Для нормативных актов указываются начальная и последняя редакции. При ссылках на несколько работ одного автора за один год нужно в тексте и литературе к году приписать буквы (а, б, в... – в русскоязычной части списка; a, b, c... – в иноязычной части). При ссылке на источники, размещенные в сети Интернет, дается их библиографическое описание (при наличии опубликованного варианта), указываются название и адрес сайта, а также в круглых скобках дата обращения.

В списке литературы:

– при оформлении книг указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название книги, место издания, издательство, общее количество страниц;

– при оформлении научных статей указываются фамилия и инициалы автора, год издания, название статьи и журнала, том и номер, страницы

расположения статьи, электронный адрес и дата обращения, если речь идет об интернет-публикации;

– название периодического издания, монографии, сборника или главы книги выделяется курсивом.

Примеры:

1. При описании книг:

На русском: Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 300 с.

2. Книга коллектива авторов:

На русском: *Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке* / под ред. Е.А. Ларина. 2012. М.: Наука. 767 с.

3. Переводная книга:

На русском: Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН. 320 с.

4. Статья из периодического издания:

На русском: Капустин Б.Г. 2003. К понятию политического насилия. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 6–26.

5. Кроме статьи, в редакцию высылаются отдельным файлом следующие данные:

- 1) Ф.И.О. (указывается полностью);
- 2) должность и место работы или учебы, ученая степень;
- 3) почтовый адрес с индексом;
- 4) адрес электронной почты и контактный телефон.

Public Policy

ISSN 2541-8351

9 772541 835007

2 3 0 0 1

>